K62 6/152

Bibl. Bobrinskoï.
Division № VIII 4
№ du volume 11178
Armoire Л. 2
К 62 6/152
К/Ф.
856

С. В. МАРТЫНОВЪ.

ПЕЧОРСКІЙ КРАЙ

ОЧЕРКИ ПРИРОДЫ И БЫТА. НАСЕЛЕНІЕ, КУЛЬТУРА, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.
1905.

С. В. МАРТЫНОВЪ.

К 62 6/152

ПЕЧОРСКІЙ КРАЙ

ОЧЕРКИ ПРИРОДЫ И БЫТА. НАСЕЛЕНІЕ, КУЛЬТУРА, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.
1905.

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 5 Л. 28
3495

Госуд. пу...
историч...
б...отека Р...ФСР
274347
...93 г.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 августа 1905 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

ПРЕДИСЛОВІЕ V

ВВЕДЕНІЕ VII

I. ОБЩІЯ СВѢДѢНІЯ О ПЕЧОРСКОМЪ КРАѢ 1

Свойства климата и почвы. Населеніе и его этнографическія особенности. Старообрядцы. Ижемцы. Самоѣды.

II. УСЛОВІЯ ЖИЛИЩА И ПИТАНІЕ НАСЕЛЕНІЯ 28

Деревни. Крестьянскій домъ. Деревни ижемскаго района. Скотный дворъ и соединеніе его съ избой. Особенности питанія. Употребленіе кислой рыбы. Мясо. Молоко. Отсутствіе овощей. Особенности питанія въ верховьяхъ р. Ижмы. Употребленіе суррогатовъ хлѣба. Чай изъ березы.

III. БЫТЪ НАСЕЛЕНІЯ И ЕГО КУЛЬТУРНЫЙ УРОВЕНЬ 51

Положеніе дѣтей. Ясли. Положеніе женщины въ семьѣ и въ хозяйствѣ. Мужскія занятія. Кругозоръ населенія и его умственное развитіе. Грамотность и отношеніе къ ней. Отношеніе къ школѣ. Книга въ деревнѣ. Народное образованіе. Церковно-приходскія школы. Положеніе учительскаго персонала. Учителя церковно-приходскихъ школъ. Положеніе духовенства. Отрицательныя стороны духовной жизни населенія. Колдуны и еретницы. Напусканіе икоты. „Дикость“. Вѣрованія въ нечистую силу и способы предохраненія отъ порчи. Заговоры и заклинанія. Отношеніе къ больнымъ. Одежда. Отношеніе населенія къ изслѣдованію условій его жизни.

СТРАН.

IV. ЭКОНОМИЧЕСКІЯ УСЛОВІЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНІЯ. 95

Хлѣбопашество. Скотоводство и пользованіе лѣсами. Условія полевыхъ работъ. Оленеводство. Рыбный промыселъ. Условія сбыта промысловъ и способы торговли.

V. ИСТОЧНИКИ БУДУЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПЕЧОРСКАГО КРАЯ. . 131

Нефть на р. Ухтѣ. Ея исторія и попытки къ разработкѣ. Научное изслѣдованіе ухтинской нефти. Значеніе нефтянаго промысла для населенія. Препятствія для развитія нефтяной промышленности. Отсутствіе дорогъ. Проектъ путей сообщенія инженера А. Г. Гансберга. Путь къ центрамъ промышленной жизни Россіи. Путь за границу. Путь къ Уралу. Соединеніе бассейновъ Волги и Печоры. Мѣдная руда и другія минеральныя богатства края. Препятствія для развитія промышленности со стороны администраціи. Современныя законоположенія горнаго устава. Точильный камень на Цыльмѣ.

VI. ЛѢСОПИЛЬНЫЕ ЗАВОДЫ НА ПЕЧОРѢ. 173

Заводъ шведской компаніи и положеніе на немъ рабочихъ и служащихъ. Пища. Условія жилищъ. Баня. Столкновенія между рабочими и администраціей завода. Медицинская помощь. Цынга на заводѣ. Заводъ Ульсенъ, Стампе и К°. Документъ, рисующій положеніе рабочихъ на шведскомъ заводѣ. Эксплуатація лѣса вообще.

VII. ЗАБОЛѢВАЕМОСТЬ. ОРГАНИЗАЦІЯ ВРАЧЕБНОЙ ПОМОЩИ. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА И АКУШЕРСТВО 204

Дифтеритъ. Сифилисъ. Оспа. Цынга на шведскомъ заводѣ. Гибель отъ цынги Никольскаго скита. Другія болѣзни. Икота. Ея симптомы и демономанический характеръ. Напусканіе икоты среди женщинъ. Причины икоты. Географическое ея распространеніе. Отношеніе къ больнымъ мѣстнаго населенія. Организація врачебной помощи. Положеніе медицинскаго персонала и условія службы. Народная медицина. Гипнотическіе методы леченія. Баня. Леченіе переломовъ и вывиховъ. Лекарственныя средства. Народное акушерство.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ И ВЫВОДЫ. 268

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Д-ръ С. В. Мартыновъ, находящійся въ настоящее время на Дальнемъ Востокѣ, поручилъ мнѣ напечатать его книгу о „Печорскомъ краѣ“. Съ тѣмъ большей радостью взялся я за исполненіе его желанія, что мнѣ, быть можетъ болѣе чѣмъ кому-либо, было извѣстно, насколько книга эта была для Сергѣя Васильевича не только результатомъ значительной и любовной работы, но и живымъ напоминаніемъ тѣхъ исключительныхъ условій его жизни, среди которыхъ она возникла и создалась. При этомъ считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о фактической сторонѣ этихъ условій. С. В. Мартыновъ оказался на Сѣверѣ по винѣ „независящихъ обстоятельствъ“. Принявъ участіе въ воронежскомъ комитетѣ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, онъ, въ числѣ другихъ дѣятелей, подвергшихся знаменитому въ свое время разгрому, былъ высланъ въ Архангельскую губернію, и здѣсь, годъ спустя, принялъ участіе въ снаряженной, по иниціативѣ управляющаго казенной палатой А. П. Ушакова, экспедиціи для изслѣдованія санитарно-бытового состоянія Печорскаго края. Во время работы по вопросамъ этого изслѣдованія С. В. велъ дневникъ, изъ записей котораго и составилась настоящая книга. На ней не могли не отразиться неблагопріятныя для работы условія вдали отъ хорошей библіотеки, необходимыхъ справочниковъ и пособій, но, съ другой стороны, читатель оцѣнитъ въ ней мѣткую наблюдательность автора, его живой и полный дѣятельнаго сочувствія интересъ къ природѣ и людямъ Сѣвера, его горячее желаніе указать обществу на неотложныя духовныя и матеріальныя нужды края.

Дѣятель просвѣщенія и культуры найдетъ въ книгѣ С. В. Мартынова богатый и разнообразный матеріалъ для указанія путей и способовъ, при посредствѣ которыхъ граждане великой обновляющейся Россіи могли бы распространить свою плодотворную культурную работу и на оторванную пока и несправедливо забытую сѣверную окраину.

Годъ спустя, въ 1904 г., Сергѣй Васильевичъ, изъ любви къ Сѣверу, согласился сопровождать меня въ моей поѣздкѣ по Печорскому краю и совершилъ, такимъ образомъ вторично, продолжительное и во многихъ отношеніяхъ тягостное путешествіе. Во время долгихъ бесѣдъ то въ лодкѣ, то въ тряской телѣгѣ, спутникъ мой часто обращался мыслью къ тѣмъ обстоятельствамъ, которыя привели его на Сѣверъ. При этомъ онъ обнаруживалъ несокрушимый оптимизмъ: „Вѣдь вотъ,—говаривалъ онъ,—казалось бы возмутительное дѣло: за ревность къ общественному благу человѣка схватили, посадили въ тюрьму, подъ конвоемъ отправили въ сѣверныя трущобы, а въ итогѣ выходитъ—одно удовольствіе для души и сердца: необыкновенная природа, отличные люди, великолѣпное начальство... Никогда не перестану чувствовать особую признательность къ тѣмъ лицамъ, просвѣщенному содѣйствію которыхъ обязанъ я своей возможностью поработать на Сѣверѣ“. Неистощимое добродушіе, съ которымъ С. В. произносилъ эти слова, далеко не отнимало у него благородной рѣшимости бороться всѣми доступными въ его положеніи средствами съ различными формами произвола и насилія, встрѣчавшимися, къ сожалѣнію, весьма нерѣдко при господствовавшемъ положеніи вещей.

Будемъ надѣяться, что книга С. В. Мартынова остановитъ на себѣ вниманіе читателей и принесетъ свою долю пользы тѣмъ изъ нихъ, кто раскроетъ ее съ любовью къ истинѣ и стремленіемъ къ культурному прогрессу родной страны.

Евг. Ляцкій.

20 сентября, 1905 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Архангельская губернія, благодаря своей обширности, ничтожному населенію, труднымъ, а частью вовсе первобытнымъ путямъ сообщенія и отдаленности отъ центровъ умственной жизни Россіи,—еще очень недостаточно извѣстна. Относительно нея существуютъ два діаметрально противоположныя мнѣнія. Одни видятъ въ ней дѣвственную страну—новую Калифорнію—съ неисчерпаемымъ, еще нетронутымъ источникомъ почти всѣхъ богатствъ водныхъ и земныхъ и требуютъ отъ государства затраты громадныхъ средствъ на постройки новыхъ городовъ, пристаней и рельсовыхъ путей къ незамерзающимъ портамъ; другіе смотрятъ на нее, какъ на губернію съ весьма ограниченными средствами и силами. Отсюда рядъ постоянно колеблющихся, нерѣшительныхъ законоположеній, относящихся къ губерніи, и отсутствіе строго установленнаго на нее взгляда правительства и администраціи. Прочную точку опоры и отправленія для примѣненія къ ней положительныхъ мѣръ можетъ дать, очевидно, только точное и всестороннее изученіе края.

Къ одной изъ наименѣе извѣстныхъ областей Архангельской губерніи относится Печорскій край, для ознако-

мленія съ которымъ лѣтомъ 1903 года управляющимъ казенною палатою А. П. Ушаковымъ была организована экспедиція въ завѣдываніи врача. Не одно только изученіе экономическаго положенія этого края и этнографическихъ его особенностей, но и знакомство съ санитарными условіями селеній, съ культурно-бытовой стороной населенія, его питаніемъ, условіями его жилища и промысловъ, его заболѣваемостью и системой доставляемой ему врачебной помощи должно лежать въ основѣ знакомства со страною, представляющей еще и теперь terram incognitam, гдѣ воображеніе можетъ рисовать себѣ все, что угодно, по своему произволу.

Можно только пожалѣть, что недостатокъ средствъ и краткость времени, а, главнымъ образомъ, архаическій способъ передвиженія ставили экспедицію въ крайне стѣснительное положеніе и не только не позволяли произвести правильное изученіе края, но даже посѣтить наиболѣе отдаленныя его мѣста, почему настоящая работа представляетъ собою только матеріалъ для будущаго описанія Печоры.

I. Общія свѣдѣнія о Печорскомъ краѣ.

Печорскій край занимаетъ восточную часть Архангельской губерніи, и его огромная площадь не можетъ быть въ точности опредѣлена, за отсутствіемъ точныхъ съемокъ. Приблизительно она занимаетъ пространство въ 26 милліоновъ десятинъ или около 250.000 кв. верстъ, представляя собой равнину, прорѣзанную кое-гдѣ небольшими горными хребтами и возвышенностями. Главной рѣкой края и почти единственнымъ способомъ сообщенія является Печора, рѣка Пермской, Вологодской и Архангельской губ., длину теченія которой предполагаютъ отъ 1900 до 2000 верстъ. Протягиваясь съ сѣвера на югъ, этотъ край естественно не можетъ носить вездѣ одинаковый характеръ, и природа береговой линіи очень отличается отъ болѣе континентальныхъ его частей. Сѣверный Ледовитый океанъ, омывающій его, далеко удаленъ отъ теплаго теченія Гольфштрема, и расположенная вблизи холоднаго, негостепріимнаго моря часть Печоры обладаетъ очень суровымъ климатомъ. Лѣто вообще длится не болѣе 2—$2^1/_2$ мѣсяцевъ въ году (съ половины іюля до половины сентября), и въ это время

здѣсь царятъ туманы, дожди, холодъ и свирѣпые сѣверные вѣтры, причина которыхъ—открытость вѣтрамъ доступа съ океана, гдѣ образуется много льдовъ, иногда не вполнѣ тающихъ до конца лѣта. Впрочемъ, и въ этой суровой странѣ среди дождей и сильныхъ сѣверныхъ вѣтровъ бываютъ внезапно жаркіе дни, но это бываетъ рѣдко и ненадолго. (По даннымъ пустозерской метеорологической станціи ясныхъ дней въ 1901 году было только 19, въ то время какъ пасмурныхъ было 244). Ясныхъ и тихихъ дней—немного, и будничный видъ печорской природы унылъ, печаленъ и непривѣтливъ. Приводимая таблица даетъ понятіе о состояніи погоды въ Пустозерскѣ, находящемся подъ $67^0 32'$ с. ш. [1]).

Мѣсяцы.	Число дней въ 1901 г. Снѣгъ.	Ясно.	Пасмурно.	Буря.
Январь . . .	21	3	18	4
Февраль . . .	20	1	11	2
Мартъ . . .	20	1	21	7
Апрѣль . . .	13	3	20	15
Май	9	2	20	12
Іюнь	2	4	11	2
Іюль	0	0	20	6
Августъ . . .	0	1	25	6
Сентябрь . .	14	0	26	3
Октябрь . . .	9	0	23	7
Ноябрь . . .	22	0	16	8
Декабрь . . .	13	4	13	2
Итого. . .	133	19	224	74

[1]) Лѣтопись Николаевской главной физической обсерваторіи. Изд. 1903 г.

Берега моря, покрытые до начала лѣта стоящими льдами, также холодны, суровы и негостепріимны, представляя собой только голыя, сѣрыя скалы, ненадолго покрывающіяся мхами и ползучей березой.

Дальше тянутся безконечныя плоскія пространства, такъ называемыя тундры, покрытыя болотами, лишаями, мхами и мелкимъ ивнякомъ. Южнѣе начинается уже ель съ тощей березой, еще южнѣе появляется сосна, а тамъ уже дремучіе лѣса или, какъ ихъ называютъ „тайболы“, которыхъ насчитывается до $10^1/_2$ милліоновъ десятинъ.

Если и лѣто въ Печорскомъ краѣ холодно, то длинною зимой, которая тянется почти 7 мѣсяцевъ, бушуютъ еще и снѣжныя метели или пурги, продолжающіяся нерѣдко по 2—3 недѣли и свирѣпствующія въ особенности въ сѣверной половинѣ уѣзда и его тундренной части.

Естественныя богатства Печорскаго края, какъ и вообще сѣвера Россіи, остаются еще до сей поры весьма мало обслѣдованными. Столь же невыясненной остается и самая возможность ихъ эксплуатаціи. Въ этомъ отношеніи никакого положительнаго мнѣнія еще не установилось, и существуетъ только рядъ совершенно противорѣчащихъ другъ другу отзывовъ. Одни указываютъ, что Печорская область, какъ и весь нашъ сѣверный край, не можетъ принести никакой пользы государству, что здѣсь даже почти невозможно жить людямъ, и онъ представляетъ собою лишь мертвое царство, гдѣ господствуетъ холодъ, скитаются звѣри, и гдѣ жалкіе люди еле влачатъ свое несчастное существованіе. Такого мнѣнія держатся многіе ученые и особенно представители мѣстной администраціи. Такъ, адмиралъ Литке, производив-

шій въ 20-хъ годахъ изслѣдованіе сѣвернаго моря, пришелъ къ заключенію о невозможности отпустить черезъ устье Печоры моремъ къ Архангельскому порту даже такой товаръ, какъ корабельный лѣсъ; контръ-адмиралъ Крузенштернъ, занимавшійся тоже изслѣдованіемъ устья Печоры, нашелъ также, что „путь для торговли черезъ устье Печоры, за льдами въ ономъ, непроходимъ“. Въ своемъ отзывѣ министру финансовъ о проектѣ развитія промысловъ архангельскій губернаторъ, маркизъ де-Траверсе (1842 г.), говоритъ: „полезнѣй будетъ улучшеніе промысловъ и вообще развитіе въ сѣверномъ краѣ промышленности оставить въ настоящемъ положеніи“... Мнѣніе архангельскаго вице-губернатора Сафонова, высказанное въ Вольно-экономическомъ обществѣ (1867 г.), таково: „Какимъ образомъ заключимъ мы контрактъ съ природой, чтобы почва, которая тамъ климатическими условіями осуждена на бездѣйствіе, сдѣлалась бы лучше, чтобы зима сдѣлалась короче, морозы легче и, наконецъ, чтобы тамъ можно было водворить какой-нибудь живой элементъ. Еслибы была малѣйшая возможность, тогда страна эта не осталась бы пустыней. Надѣяться, что тамъ разовьется рыбный промыселъ, чрезвычайно трудно: берега сѣвернаго моря принадлежатъ къ пустынямъ, къ безнадежнымъ на будущность мѣстамъ. Тамъ борьба съ природой едва ли выносима для человѣка. Желать развитія торговли, промышленности, какой бы то ни было, въ особенности увеличенія населенія, значитъ желать невозможнаго, потому что населеніе двигается туда, гдѣ благопріятствуетъ ему почва и климатъ. Никакія искусственныя мѣры не помогутъ“...

Еще болѣе безнадежное мнѣніе высказываетъ и началь-

никъ экспедиціи для изслѣдованія въ сѣверномъ морѣ рыболовства и звѣроловства—дѣйствительный статскій совѣтникъ Данилевскій (1868 г.). „Сѣверное море, говоритъ онъ, бѣдно рыбой, потому что оно не представляетъ такого разнообразія видовъ, сравнительно съ южными теплыми морями; въ сѣверномъ морѣ притокъ питательныхъ веществъ малъ, и потому тамъ питаться рыбѣ нечѣмъ“... „Что же касается до морского звѣроловства, добавляетъ онъ, то нужно радоваться прекращанію этихъ промысловъ, вслѣдствіе несчастій отъ этихъ промысловъ“... Министерство государственныхъ имуществъ, въ свою очередь, подкрѣпляетъ это мнѣніе, указывая на то, что „только люди, не имѣющіе естественно-научныхъ свѣдѣній и не сильные въ зоологіи, могутъ возобновлять предложенія о поѣздкахъ за морскими промыслами на Новую Землю и Шпицбергенъ. Поѣздки эти были неправильнымъ промысломъ, были своего рода азартной игрой, гдѣ ставкою была жизнь человѣка. Упадокъ этихъ промысловъ свидѣтельствуетъ скорѣе о томъ, что миновали неестественныя условія, которыя заставляли сѣверянъ заниматься рискованнымъ и мало прибыльнымъ дѣломъ и лишали возможности употреблять свои труды болѣе вѣрнымъ и болѣе экономическимъ способомъ“.

Такихъ отрицательныхъ отзывовъ о естественныхъ богатствахъ сѣвера и самой возможности и даже желательности ихъ эксплоатаціи можно было бы привести очень много. Но существуетъ не менѣе многочисленный рядъ отзывовъ совершенно противоположнаго направленія, видящихъ въ Сѣверномъ краѣ источникъ естественныхъ богатствъ съ мѣсторожденіями металловъ и полезныхъ минераловъ—золота, мѣди, желѣза, каменнаго

угля, графита, нефти и др.,—которые, однако, при всемъ своемъ богатствѣ, ничто по сравненію съ моремъ, представляющимъ собою безконечную и богатѣйшую пашню, которую никогда не нужно засѣвать, а ежегодно пожинать. Противъ мнѣнія оффиціальной коммиссіи, утверждающей, что въ сѣверномъ морѣ рыбы мало, потому что притокъ питательныхъ матеріаловъ здѣсь недостаточенъ, и самые морскіе промыслы для русскаго человѣка опасны, оптимисты указываютъ на то, что сѣверный край создалъ опытныхъ и смѣлыхъ русскихъ моряковъ, и что если ученые люди и опытные администраторы создали себѣ неправильныя мнѣнія, то сама практика жизни ихъ опровергла. Уже вскорѣ послѣ заявленія адмираловъ Литке и Крузенштерна о невозможности морского сообщенія черезъ устье Печоры, вопросъ этотъ практически разрѣшенъ купцомъ В. Н. Латкинымъ, и отъ 1860 по 1866 годъ 23 корабля—англійскіе, французскіе, прусскіе, голландскіе и американскіе—свободно сюда приходили. Въ самомъ же Сѣверномъ морѣ, какъ показываетъ опытъ промышленниковъ, не только нѣтъ недостатка рыбы, но оно богаче и цѣннѣе всякаго другого моря, всякой другой земли, вознаграждая въ изобиліи трудъ человѣка настолько, что вопросъ о матеріальномъ существованіи массъ населенія Россійской имперіи былъ бы разрѣшенъ, если бы правительство обратило свои средства на эксплоатацію богатствъ сѣвернаго (края) моря, гдѣ неурожаевъ не существуетъ, и одной треской можно было бы пропитать безъ затрудненій все населеніе Россіи. Какъ иллюстрацію къ мнѣнію оптимистовъ позволю себѣ привести изъ книги Макси-

мова [1]) очень картинное описаніе одного изъ первыхъ, писавшихъ о переселеніи сельдей Ледовитаго океана. „Походъ сей, говоритъ А. И. Ѳоминъ, представляетъ человѣческому взору огромное, величественное и преузорчатое зрѣлище. Зрители съ высочайшихъ корабельныхъ мачтъ не могутъ вооруженнымъ окомъ достигнутъ предѣловъ пространства сребровиднымъ сельдянымъ блескомъ покрытой поверхности моря. Они описываютъ сіе пространство не иначе какъ пространство десятковъ миль, густотой сельдей наполненное. Сіе стадо, во-первыхъ, окружается и со всѣхъ сторонъ перемѣшивается макрелями, сайдой, пикшуями, тресками, семгами, палтасами и многими другихъ родовъ плотоядными, одна другую тѣсняющими и сверхъ поверхности моря обнаруживающимися рыбами. Оная окружная черта рыбъ знатной широты полосу составляетъ. Но къ умноженію пространства смѣшиваются съ нею по окружности звѣри водноземные: мерпы, сѣрка, тюлени, тевяки и прочіе, а сихъ стѣсняютъ звѣри рыбовидные: дельфины, акулы, бѣлухи, финъ-рыба, косатки, кошелоты и другіе изъ родовъ китовыхъ. Оныя огромныя чудовища въ смятеніе приводятся отъ собственныхъ ихъ мучителей, толпами ихъ преслѣдующихъ—пильщиковъ, палашниковъ, единороговъ и тому подобныхъ. При такомъ смятеніи водной стихіи увеличиваютъ представленіе сего зрѣлища со стороны атмосферы тучи морскихъ птицъ, весь сельдяной походъ покрывающихъ. Онѣ, плавая по воздуху и на волѣ, или ходя по густотѣ сихъ рыбъ, безпрестанно ихъ пожираютъ и, между тѣмъ, разногласнымъ своимъ кри-

[1]) Годъ на сѣверѣ, Спб., 1871.

комъ, превозглашаютъ торжественность сего похода. Сверхъ сего множества видимыхъ въ воздухѣ птицъ, сгущается оный водяными столпами, кои киты безпрестанно выпрыгиваютъ до значительной высоты, дѣлаютъ сей воздухъ отъ преломленія солнечныхъ лучей радужно блестящимъ и дымящимся, а совокупно отъ усильнаго шипѣнія и обратнаго сихъ водоизверженій и обратнаго на поверхность моря паденія буйно шумящимъ. Стенанія китовъ, нестерпимымъ терзаніемъ отъ ихъ мучителей имъ причиняемыхъ, подобное подземному, томному, но весьма слышимому реву, тако-жъ звуки ударенія хвостовъ ихъ о поверхность моря, сими животными отъ остервенѣнія производимые, представляютъ сіи шумы странными и воздухъ въ колебаніе приводящими. Сей величественный сельдяной походъ, каковымъ его вообразить возможно, представляетъ, напротивъ того, странный театръ поглощенія, пожранія и мученія, на которомъ несмѣтнымъ множествомъ и болѣе всѣхъ сельди истребляются“. Но несмѣтное ихъ все-таки количество укрывается отъ преслѣдованій морского звѣря у нашего Мурманскаго берега, Канинской и Новой земли, устьевъ Печоры, у побережьевъ Норвегіи и береговъ Великобританіи.

Мнѣнія промышленниковъ подтверждаются и мнѣніемъ норвежскихъ ученыхъ изслѣдователей, и, напр., проф. Вульфсбергъ говоритъ: „Вся рыбная и звѣриная промышленность на сѣверѣ есть самая ничтожная часть въ сравненіи съ таящимися въ морѣ богатствами, развитіе которыхъ будетъ зависѣть отъ развитія удобныхъ и прочныхъ морскихъ судовъ“. Реклю также говоритъ, что „рыба водится здѣсь въ такомъ изобиліи, что ея

достаточно было бы для прокормленія всего населенія Европы.

Но, какъ указано было, существуютъ и отзывы совершенно противоположнаго направленія, и такія рѣзко противорѣчащія другъ другу мнѣнія компетентныхъ лицъ не даютъ, конечно, возможности составить опредѣленное понятіе объ естественныхъ богатствахъ края, который, очевидно, требуетъ еще точныхъ и всестороннихъ изслѣдованій, которыя одни только могутъ дать основу и точку отправленія для мѣропріятій того или иного рода.

Населеніе Печорскаго края состоитъ изъ русскихъ, зырянъ и самоѣдовъ. Господствующее по своему значенію и вліянію есть племя русское, хотя по своей численности оно и уступаетъ племени зырянскому: по оффиціальнымъ даннымъ за 1897 годъ, русскихъ числилось 5051 мужчина, 5200 женщинъ, всего 10.251 чел., тогда какъ зырянъ было 21.371 чел. (10.297 мужчинъ и 11.074 женщинъ). Еще во времена Господина Великаго Новгорода русскіе уже укрѣпились здѣсь, и народъ, жившій на Печорѣ, платилъ уже, какъ видно это изъ лѣтописи Нестора, дань славянамъ: подъ 1132 г. лѣтописецъ сообщаетъ извѣстіе, что новгородцы „дали дани Печорскые“ Великому князю Ярополку Владиміровичу. Пустозерскъ, находящійся подъ $67^{0}32$ с. ш. и выше, слѣдовательно, сѣвернаго полярнаго круга, нынѣ слободка, а въ XVII и XVIII ст. острогъ и уѣздный городъ Двинского воеводства, былъ еще съ незапамятныхъ временъ извѣстенъ вольнымъ людямъ В. Новгорода, какъ пунктъ мѣновой торговли съ самоѣдами. По записямъ здѣшней церковной лѣтописи значится, что во времена царя Ивана Васильевича Грознаго самоѣды посылали

двухъ представителей Леско и Апицу бить челомъ Великому Государю на притѣсненія, чинимыя имъ русскими. Самоѣды были пожалованы отъ Ивана IV грамотой владѣть имъ тѣми же угодьями на рѣкахъ и звѣриными промыслами на морѣ, чѣмъ владѣли предки ихъ, съ воспрещеніемъ навсегда являться сюда печерянамъ и пермякамъ, „а кто учнетъ у тѣхъ самоядцевъ въ ихъ рыбной ловлѣ и въ звѣриныхъ ухожаи вступаться, или кто черезъ сію мою грамоту чѣмъ ихъ изобидитъ и тому отъ меня отъ Великаго Князя быти въ опалѣ и въ продажѣ“. Грамота эта выдана на Москвѣ 1545 г. апрѣля 15-го. На оборотѣ написано: „Великій Государь Иванъ Божію милостью царь и Государь всея Россіи и Великій Князь“.

Въ XVII и XVIII ст. этотъ „городокъ“ былъ укрѣпленнымъ мѣстомъ для защиты противъ набѣговъ воинственнаго самоѣдскаго племени карачей, и только въ 1902 г. была срублена однимъ крестьяниномъ себѣ на топливо большая ель, на которой было, по мѣстнымъ преданіямъ, перевѣшано все это племя до послѣдняго человѣка; по тѣмъ же преданіямъ карачеи отличались необыкновенно высокимъ ростомъ и имѣли головы необычайныхъ размѣровъ. Къ сожалѣнію, наши попытки найти черепъ карачея остались безуспѣшными, и мы видали только пни отъ ели, стоявшей на мысѣ, который и до сей поры сохранилъ свое названіе „мысъ висѣльный“.

Нынѣшній административный центръ Печорскаго края — село Усть-Цыльма — также принадлежитъ къ древнѣйшимъ новгородскимъ поселеніямъ. Изъ лѣтописи мѣстной церкви видно, что въ 1542 г. посе-

лился здѣсь новгородецъ Ивашка Дмитріевъ Ластка съ товарищемъ, и вскорѣ къ нимъ присоединились другіе выходцы. Чтобы упрочить свои права на окрестныя земли и воды, Ластка поѣхалъ въ Москву, билъ челомъ Великому князю и просилъ позволить ему поселиться въ этихъ мѣстахъ и пользоваться ихъ угодьями, объясняя, что пашенъ, покосовъ и рыбныхъ ловель ничьихъ здѣсь нѣтъ. Вслѣдствіе этой просьбы ему разрѣшено было „копить слободу“ и со всѣхъ угодій давать оброка въ годъ по кречету, или по соколу, или деньгами по рублю. Ивашкѣ предоставлена также была надъ всѣми слобожанами судорасправа, кромѣ душегубства и татьбы съ поличнымъ, а слободка освобождена отъ взноса кормовыхъ, отъ присылки нипочто предвѣдчиковъ и доводчиковъ, которымъ даже не велѣно ѣзжать въ слободу. За судъ дозволено Ивашкѣ взимать съ виновнаго по пяти денегъ новгородскихъ; если же кто поселится въ слободѣ, не явясь къ Ивашкѣ, съ того взыскивать на Великаго князя рубль московскій. Въ 1547 г. Ивашка здѣсь построилъ церковь во имя Николая Чудотворца.

Спустя 230 лѣтъ послѣ основанія Усть-Цыльмы на всѣхъ земляхъ и угодьяхъ, предоставленныхъ Ивашкѣ Ласткѣ, было около 800 душъ мужского пола и столько же женскаго. Между ними мало было достаточныхъ: бѣдность была всеобщая. Только съ началомъ хлѣбной торговли съ Чардынцами, открытіемъ водяного пути въ 1780 г. и развитіемъ оленеводства между ижемцами быстро стало увеличиваться народонаселеніе и подниматься благосостояніе края.

Надо сказать, что новыя и при томъ самовольныя поселенія на Печорѣ открываются даже въ наши дни.

Такъ, во время переписи 1897 г., дьяконъ, занимавшійся ею въ районѣ одного изъ притоковъ Печоры — рѣки Усы, совершенно неожиданно для себя наткнулся на цѣлую деревню Болбанъ, о существованіи которой никому не было извѣстно. Здѣсь оказалось 16 дворовъ съ населеніемъ въ 52 души мужского пола и 39 женскаго. Названіе свое поселокъ получилъ отъ того, что здѣсь

На р. Ижмѣ.

было прежде самоѣдское капище, и стоялъ идолъ или Болбанъ. Архангельскій преосвященный Іоанникій постановилъ, чтобы вмѣсто капища была построена церковь, а отца Ардаліона Колчина, открывшаго деревню, посвятилъ во священники вновь созданнаго храма. По Высочайшему повелѣнію поселокъ былъ переименованъ въ село „Петрунь“, и въ настоящее время сюда ходитъ

пароходъ и устроенъ хлѣбный складъ для многочисленныхъ мелкихъ поселковъ, продолжающихся образовываться по р. Усѣ.

Русское населеніе на Печорѣ, по сравненію его съ крестьянами центральной полосы Россіи, замѣтно отличается большею самостоятельностью, смѣтливостью и предпріимчивостью. Объясняется это съ одной стороны отсутствіемъ здѣсь крѣпостного права, а также и самыми особенностями экономическихъ условій въ странѣ, гдѣ климатъ и почва не позволяютъ заниматься исключительно земледѣльческимъ трудомъ, а заставляютъ обратиться къ лѣснымъ, рѣчнымъ и морскимъ промысламъ, сопряженнымъ съ большими опасностями. Имѣетъ, конечно, большое значеніе и то, что значительная часть русскаго населенія принадлежитъ къ потомкамъ защитниковъ старой вѣры, бѣжавшихъ изъ внутреннихъ губерній Россіи и скрывавшихся въ непроходимыхъ лѣсахъ сѣвера отъ преслѣдованій государственной власти.

Помимо самой Усть-Цыльмы и усть-цылемской волости, гдѣ почти сплошь все населеніе состоитъ изъ старообрядцевъ, они живутъ по р. р. Цыльмѣ и Пижмѣ, въ верховьяхъ и, отчасти, въ низовьяхъ Печоры, гдѣ населеніе числится оффиціально православнымъ, но гдѣ, какъ указываетъ церковная лѣтопись Пустозерска, „къ прискорбію, всѣ крестятся двуперстіемъ и втайнѣ едва ли не придерживаются раскола, ибо старыя иконы чуть ли не боготворятъ, существуетъ искони здѣсь обычай нанимать чтецовъ и чтицъ читать по усопшимъ и „кануны“ старой печати, а большею частью писанные, исполненные явной безсмыслицы и грубыхъ ошибокъ, и книжки такія, всѣ запачканныя, переходятъ изъ рода въ родъ.

Не произведеніе ли онѣ извѣстнаго расколоучителя Аввакума, столь печальнымъ образомъ на кострѣ окончившаго многомятежную жизнь свою здѣсь? Едва ли предположеніе наше не имѣетъ своего рода правдоподобности, что расколъ втайнѣ существуетъ среди пустозерцевъ, а суевѣрій и даже волшебства и колдовства— непочатый здѣсь уголъ"... Расколъ на Печорѣ имѣетъ свою мартирологію и своихъ мучениковъ. Въ царствованіе царя Ѳеодора Алексѣевича въ Пустозерскѣ былъ сожженъ живымъ знаменитый протопопъ Аввакумъ вмѣстѣ со своими товарищами по заключенію—попомъ Лазаремъ и инокомъ Епифаніемъ. Всѣ трое пробыли предварительно здѣсь въ ссылкѣ цѣлыхъ 14 лѣтъ, содержались въ земляной тюрьмѣ и только послѣ многолѣтнихъ страданій потерпѣли за свои убѣжденія мучительную смерть. Хотя имя Аввакума и сохранилось въ памяти пустозерцевъ, но собрать какія-либо о немъ преданія намъ, по крайней мѣрѣ, не удалось. Даже самое мѣсто сожженія его въ точности не извѣстно. Около церкви стоитъ огромный деревянный крестъ съ вырѣзанной на немъ старинной надписью, разобрать которую не спеціалисту почти невозможно. Только съ большими усиліями и затрудненіями, да и то съ помощью мѣстнаго священника, удалось различить, что поставленъ онъ на память потомству въ 1788 г. мѣщаниномъ Мезенскаго уѣзда Протопоповымъ. Дѣйствительно ли, какъ гласитъ преданіе, стоялъ онъ на мѣстѣ сожженія знаменитаго протопопа—въ точности неизвѣстно. Только благодаря тому, что священникъ „городка" Пустозерска — отецъ Николай Поповъ оказался просвѣщеннымъ человѣкомъ, дорожащимъ остатками старины, этотъ крестъ не по-

гибъ и не уничтоженъ, какъ уничтожены, напр., варварской рукой послѣдніе слѣды грозной нѣкогда тюрьмы соловецкаго монастыря, а перенесенъ къ церкви и сохраняется до нашихъ дней на память о прошлыхъ временахъ. Та дощечка, на которой осталась еще возможность и профану прочесть вырѣзанныя старинныя буквы, тщательно сохраняется нынѣ въ церковной ризницѣ вмѣстѣ съ древними книгами, иконами и образомъ съ богатой, украшенной самоцвѣтными камнями ризѣ, пожертвованнымъ сюда несчастнымъ любимцемъ царевны Софіи кн. В. В. Голицынымъ, который, какъ извѣстно, не доѣхалъ до мѣста своей ссылки въ Пустозерскѣ и кончилъ жизнь въ Красногорскомъ монастырѣ, недалеко отъ Пинеги.

Были на Печорѣ и другіе мученики за старую вѣру. Въ церковной лѣтописи с. Усть-Цыльмы говорится: „слободка Усть-Цыльма съ прилегающими къ ней деревнями по рѣкамъ Печорѣ до Пустозерской волости, по Пижмѣ, Цыльмѣ и Нерицѣ съ давняго времени заражена расколомъ. Въ 1720 г. въ слободу для рыбныхъ и другихъ промысловъ пріѣхали съ Мезени крестьяне Бобрецовы, Антоновы, Кирилловы и другіе закоренѣлые раскольники, заразившіе и другихъ. Вѣроятно они, ѣхавши на Печору, имѣли въ виду укрыться отъ строгихъ узаконеній Петра I, преслѣдовавшихъ раскольниковъ. Но въ самой слободкѣ уже былъ надзоръ за раскольниками, и они не могли быть въ безопасности, почему, спустя 10 лѣтъ, должны были удалиться въ болѣе безопасное мѣсто по р. Пижмѣ, гдѣ въ 130 верстахъ отъ ея устья и положили основаніе великопоженскому скиту, существовавшему до 1854 г. Къ нимъ въ 1773 г. прибылъ дѣятельный начетчикъ-поморъ изъ даниловскаго скита—

Иванъ Акиндиновичъ, фамилія котораго осталась неизвѣстной, и устроилъ скитъ и службу, во всемъ согласную съ даниловскими выгорѣцкими скитами, съ которыми и начались у нихъ близкія сношенія. Въ скиту этомъ ревность по вѣрѣ доходила до величайшаго фанатизма. Въ 1744 г. сгорѣло 88 человѣкъ. Дѣло это было такъ. По доносу одного сыщика, мезенскаго мѣщанина, наряжена была епархіальнымъ начальствомъ комиссія для отысканія раскольниковъ по р. Пижмѣ и для увѣщанія ихъ на мѣстѣ. Комиссія состояла изъ архимандрита и двухъ черныхъ поповъ съ нѣсколькими чиновниками и служителями. Прибывъ въ скитъ въ мартѣ мѣсяцѣ, она потребовала отъ старцевъ отвѣтовъ на предложенные вопросы. Старцы просили комиссію дать сроку на два мѣсяца, но она не дала на это своего согласія, избѣгая трудности пути въ весеннее и лѣтнее время, и требовала немедленно или отвѣта, или самихъ ихъ въ г. Архангельскъ. Напуганные старцы, чтобы не даться въ руки никоніанамъ, заперлись въ моленной, взяли съ собой книги и запѣли псалмы, а моленную подожгли. Такъ и сгорѣли всѣ, за исключеніемъ одного только настоятеля, котораго спустили на веревкѣ изъ окна. До сихъ поръ подлѣ того мѣста есть строеніе безъ оконъ, гдѣ хранятся кости сгорѣвшихъ, почитаемыхъ старовѣрами за мучениковъ. Свѣдѣнія эти взяты священникомъ Ульяновскимъ со словъ одного 90-лѣтняго старца, но есть подробная объ этомъ лѣтопись только неизвѣстно гдѣ хранящаяся. Спустя немного скитъ былъ возстановленъ опять и существовалъ еще цѣлыхъ 100 лѣтъ, когда въ 1854 г. по требованію архангельскаго архіерея скитъ былъ совсѣмъ закрытъ. Были ли и въ другихъ мѣстностяхъ Пе-

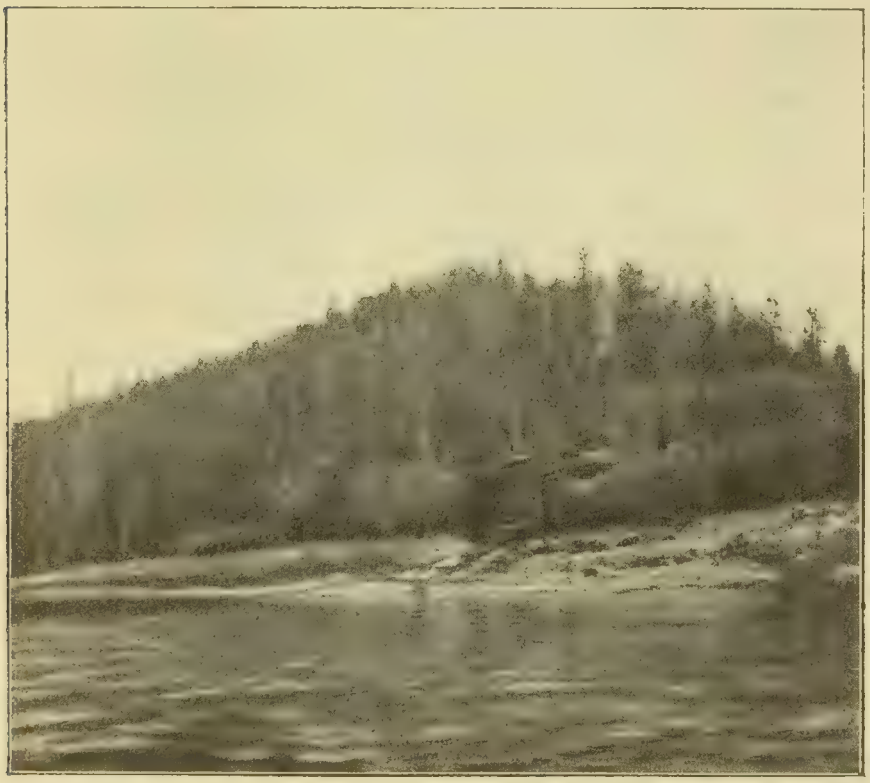
чорскаго края страданія за вѣру до вѣчнаго успокоенія— мнѣ не извѣстно. На самой р. Пижмѣ, гдѣ, какъ говорятъ, до сей поры еще твердо держится старая вѣра, побывать не пришлось. Но во время странствованій въ лодкѣ по р. Цыльмѣ, также населенной старообрядцами, хотя уже очень измѣнившимися подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни, пришлось посѣтить маленькую, состоящую изъ 4—5 домовъ, деревушку Омелино, гдѣ когда-то въ старые годы стоялъ большой старообрядческій монастырь и подъ управленіемъ старца-настоятеля жило человѣкъ 40 монаховъ. Пріѣхало, передаютъ крестьяне, начальство, случайно про монастырь узнавшее, старцевъ разогнали, монастырь разорили, а старинныя иконы отправили частью въ с. Койнасъ за 120 верстъ, а частью за 150 вер. въ Усть-Цыльму, гдѣ онѣ теперь грудами валяются въ церковномъ подвалѣ. Было это давно, такъ давно, что и глубокіе старики не упомнятъ. На существовавшій нѣкогда монастырь указываютъ теперь торчащіе изъ земли остатки бревенъ да маленькая часовенка, украшенная нѣсколькими старинными иконами, и недалеко стоящій громадныхъ размѣровъ старый крестъ, поставленный, по преданію, старцами—основателями погибшаго скита.

Количество старообрядческаго населенія на Печорѣ не можетъ быть опредѣлено, и можно только сказать, что число ихъ значительно. Имѣющіяся оффиціальныя свѣдѣнія не заслуживаютъ никакого довѣрія, такъ какъ ни въ полицейскихъ спискахъ, ни въ метрическихъ книгахъ въ огромномъ своемъ большинствѣ старообрядцы не записываются. Столь же мало въ этомъ отношеніи цѣнны и цифры миссіонеровъ. Это, впрочемъ, признаютъ, какъ и духовенство, представитель котораго архиман-

дритъ Донатъ, въ своей статьѣ „О расколѣ въ Россіи“ говоритъ, что въ Архангельской губ. есть нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, непризнанныхъ оффиціально, но принадлежащихъ къ расколу, такъ и оффиціальныя статистическія изданія, и, напр., „Справочная книга Архангельской губерніи“ (1870) говоритъ: „нельзя съ точностью опредѣлить число раскольниковъ въ Архангельской губ., и число ихъ далеко превышаетъ показываемое свѣдѣніями полиціи“. Всеподданнѣйшіе отчеты о состояніи Архангельской губерніи говорятъ то же, и, напр., отчетъ 1895 г. указываетъ, что „цифровыя данныя о состояніи раскола не представляютъ безусловной точности“.

Зыряне (численность которыхъ въ 1896 г. опредѣлена въ 21,371 чел.: 10,297 мужчинъ и 11,074 женщины), живутъ въ верховьяхъ Печоры, а особая ихъ вѣтвь, отличающаяся собственнымъ нарѣчіемъ и извѣстная подъ именемъ ижемцевъ, занимаетъ собою область притока Печоры—р. Ижмы. Центромъ края, населеннаго ижемцами, является большое и богатое село Ижма или, лучше сказать, Ижма вмѣстѣ съ лежащими въ разстояніи 5—7 верстъ отъ нея не менѣе значительными селами—Мохчей, Сизябскомъ, Бакуринскимъ, Гамскимъ и двумя меньшими Въ этихъ семи селахъ изъ всего числа ижемцевъ — 21,371 чел.—сосредоточено 12,900 душъ, и въ остальныхъ двухъ ижемскихъ волостяхъ—Краснобородской и Кедвавомской — остается только 8,471 душа населенія. Въ этихъ же промышленныхъ селахъ сосредоточены, можно сказать, почти всѣ капиталы Печорскаго края и почти вся его промышленность, торговля и оленеводство. Такъ что, если Усть-Цыльма предста-

вляетъ собой административный центръ Печоры, то ея торговымъ и промышленнымъ центромъ могутъ быть названы Ижма, Мохча и Сизябскъ, представляющія собой, въ сущности, одно село, ведущее торговлю по всему Печорскому краю и поддерживающее коммерческія сношенія съ Москвой и Петербургомъ.



Промысловая избушка на р. Ижмѣ.

О происхожденіи ижемскаго племени трудно сказать что-либо положительное, ибо никакихъ письменныхъ памятниковъ не сохранилось. Среди мѣстныхъ жителей существуетъ преданіе, что по берегамъ р. Ижмы, издавна жила Чудь, и что къ этому племени постепенно стали переселяться самоѣды и, принявши христіанство,

также постепенно ассимилировались съ туземцами. Наконецъ, сюда присоединился и русскій элементъ, когда во время покоренія В. Новгорода царемъ Иваномъ Васильевичемъ III, а также и при Иванѣ IV многіе изъ опальныхъ бояръ бѣжали сюда со своими холопами и поселились между ижемцами. Въ подтвержденіе такого происхожденія своего племени, ижемцы указываютъ на то, что ихъ языкъ представляетъ собою смѣсь языковъ зырянскаго и самоѣдскаго съ нарѣчіемъ какого-то исчезнувшаго и, вѣроятно, чудскаго племени, что многія ижемскія фамиліи совпадаютъ съ фамиліями бояръ, выселившихся изъ Новгорода при упомянутыхъ царяхъ.

Ростомъ, тѣлосложеніемъ и чертами лица ижемцы очень мало отличаются отъ русскихъ: они средняго или высокаго роста, физически хорошо развиты и красивы собой. Это — народъ чрезвычайно гостепріимный, дѣятельный и предпріимчивый, особенно въ торговыхъ дѣлахъ, при чемъ сдѣлки ихъ не отличаются добросовѣстностью, благодаря чему они, путемъ вѣкового обмана, не только стали хозяевами самоѣдскихъ оленьихъ стадъ, но успѣли, вмѣстѣ съ пустозерцами, захватить въ свои руки самоѣдскіе рыбные и другіе промыслы и, поставивъ самоѣдовъ въ полную экономическую зависимость, являются въ настоящее время фактическими хозяевами тундръ.

Зыряне говорятъ на своемъ собственномъ нарѣчіи, но многіе знаютъ русскій языкъ. Въ Ижмѣ, Мохчѣ и Сизябскѣ всегда можно найти людей, могущихъ такъ или иначе объясняться, а многіе и совершенно свободно говорятъ по-русски. Но это относится только къ мужскому поколѣнію, ибо женщины даже и здѣсь, не говоря

уже про болѣе глухія мѣста, по-русски объясняться не могутъ, и оригинальную картину представляетъ, напр., докторъ въ Мохчѣ, который въ своемъ пріемномъ покоѣ долженъ говорить съ пацієнтками или посредствомъ знаковъ и мимики, или черезъ переводчиковъ-мужей, нерѣдко также съ трудомъ его понимающихъ.

Впрочемъ, къ воспріятію русскаго языка ижемцы, вообще говоря, очень способны, и все то молодое поколѣніе деревень, которое прошло черезъ русскія школы, уже свободно и понимаетъ, и говоритъ по-русски, а также и тѣ изъ ижемцевъ, которые вернулись домой послѣ отбыванія воинской повинности, настолько хорошо объясняются на русскомъ языкѣ, что всегда насъ выручали изъ затруднительнаго положенія, во время нашихъ странствованій по глухимъ ижемскимъ селамъ и деревнямъ. Русскимъ элементомъ среди этого ижемскаго царства являются только нѣсколько человѣкъ служащихъ и живущихъ въ Ижмѣ или Мохчѣ—становой приставъ, начальникъ почтово-телеграфной конторы, чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ, представляющій собой нѣчто вродѣ нашего земскаго начальника, лѣсничій, мировой судья и, наконецъ, докторъ и ветеринарный врачъ съ фельдшерами. Учительскій персоналъ состоитъ частью также изъ русскихъ, частью изъ самихъ же зырянъ, но уже совершенно обрусѣвшихъ. Есть еще нѣсколько человѣкъ административно высланныхъ, а затѣмъ единственными представителями русской культуры являются священники, хотя и поставленные въ достойное сожалѣнія положеніе и дрожащіе отъ холода въ жалкихъ избушкахъ, называемыхъ здѣсь церковными домами, но все же устраивающіе церковно-приходскія школы и

такъ или иначе распространяющіе просвѣщеніе въ глухомъ краѣ.

Почти всѣ русскіе, проживши здѣсь нѣкоторое время; начинаютъ говорить по ижемски, а дѣти ихъ нерѣдко даже настолько забываютъ родной языкъ, что, напр., въ несчастной деревушкѣ Усть-Ухтѣ встрѣтившійся мнѣ мальчикъ, умѣвшій связать лишь нѣсколько исковерканныхъ русскихъ словъ, но великолѣпно болтавшій позырянски, оказался не ижемцемъ, какъ надо было бы думать, а чистѣйшимъ русскимъ и при томъ сыномъ псаломщика.

Не могу говорить про зырянъ, населяющихъ верховья Печоры, такъ какъ быть тамъ не пришлось; но въ ижемскомъ районѣ оба эти элемента — мѣстный и русскій — уживаются прекрасно, и не пришлось замѣтить признака антагонизма или даже сколько-нибудь недружелюбныхъ взаимныхъ отношеній между ними.

По условіямъ жилища, образу жизни и занятіямъ ижемцы почти не отличаются отъ русскихъ, а имѣющіяся въ нѣкоторыхъ странахъ жизни особенности будутъ отмѣчены въ дальнѣйшемъ.

Самую сѣверную часть Печорскаго края и побережье моря занимаютъ самоѣды, населяющіе Малоземельскую и Большеземельскую тундры, лежащія по лѣвую и правую стороны устьевъ Печоры. Они же обитаютъ также и на сосѣднихъ островахъ. Когда они поселились здѣсь — неизвѣстно, но они были уже данниками В. Новгорода и послѣ его паденія вошли въ составъ Московскаго Государства. Въ 1896 году ихъ насчитывалось 4,592 ч. (2,196 мужчинъ и 2,396 женщинъ). Въ прежнее время тундра вся находилась въ ихъ владѣніи, и права на

нее были дарованы имъ грамотой Ивана IV въ 1545 г Въ 1822 году самоѣдамъ были предоставлены: свобода отъ рекрутчины, управленіе по своимъ законамъ и обычаямъ, платежъ ясака не шкурами звѣрей, а деньгами, отлучка отъ промысловъ за предѣлы тундръ, и, кромѣ того, повелѣно, чтобы никто изъ русскихъ не селился на земляхъ, занимаемыхъ самоѣдами; во избѣжаніе же споровъ жителямъ русскихъ слободокъ въ тундрахъ было приказано отмежевать по 60-ти десятинъ на душу и остальное предоставить въ собственность самоѣдовъ. Большеземельная тундра находится въ пользованіи двухъ племенъ, зырянъ и самоѣдовъ, въ силу полюбовнаго соглашенія, заключеннаго въ 1803 г. и оформленнаго въ уѣздномъ судѣ. Какъ уже сказано выше, самоѣды находятся теперь въ полной зависимости отъ ижемскихъ и пустозерскихъ оленеводовъ, и по большей части живутъ у нихъ или въ пастухахъ при оленьихъ стадахъ, или же въ работникахъ на звѣриныхъ и рыбныхъ промыслахъ. Самоѣды пользуются самоуправленіемъ и выбираютъ двухъ старшинъ, которые представляютъ собою власть судебную и исполнительную, дѣйствуя на основаніи обычая. Почти всѣ числятся православными, но многіе въ дѣйствительности остаются до сихъ поръ идолопоклонниками. Ежегодно въ лѣтнее время въ наиболѣе отдаленныя мѣста, занятыя самоѣдами, командируются священники, какъ для исполненія требъ между крещеными, такъ и для обращенія язычниковъ въ православіе. Вотъ какимъ образомъ священникъ с. Тельвисочнаго—отецъ Евгеній—описываетъ въ своей поѣздкѣ въ Югорскій шаръ въ 1902 г. самоѣдское капище на островѣ Вайгачъ: „Жертвенный холмъ,

на которомъ самоѣды приносили своимъ идоламъ жертвы, представляетъ страшное и величественное зрѣлище, особенно въ темнотѣ ночи, такъ какъ кругомъ холма лежатъ сотни оленьихъ череповъ съ торчащими кверху большими вѣтвистыми рогами, а среди нихъ находится „Большой идолъ“, подножіе котораго занимали сотни маленькихъ идольчиковъ. Въ настоящее время жертвенный холмъ находится въ запустѣніи и разрушеніи. „Большой идолъ“ представляетъ изъ себя не что иное, какъ толстый колъ, съ нижняго конца заостренный и воткнутый въ землю, а верхній закругленный на подобіе человѣческой головы и съ грубыми двумя на нихъ углубленіями, означающими глаза, продольной отъ нихъ вырѣзкой, означающей носъ, и такой же поперечной, указывающей ротъ—стоитъ подгнившимъ и въ скоромъ времени, должно быть, упадетъ, если только кто либо его не ремонтируетъ. Маленькіе идолы это—собственно—маленькія заостренныя внизу палочки, а съ верхняго конца немного стиснутыя съ двухъ сторонъ и съ прорѣзами, означающими глаза, носъ и ротъ. Къ этимъ грубымъ издѣліямъ и до сего времени нѣкоторые изъ самоѣдовъ, хотя и считающіеся христіанами, питаютъ суевѣрный страхъ и не прочь принести умилостивительную жертву: я нашелъ около холма разные предметы, которые носятъ на себѣ слѣды недавняго приношенія. Отъ большого идола къ рогамъ одного изъ оленьихъ череповъ протянута веревка, на которой навѣшаны разныхъ цвѣтовъ ленточки—желтыя, красныя и синія, куски отъ цвѣтныхъ суконъ, стеклянныя бусы, нѣсколько мѣдныхъ пуговицъ и бляшекъ, служащихъ украшеніемъ женскихъ головъ и цѣпочка съ прикрѣпленнымъ къ концу ея медвѣжьимъ

клыкомъ, который носятъ обыкновенно мужчины самоѣды. Здѣсь же на веревкѣ, вблизи главнаго идола, виситъ кусокъ оленьяго мяса, зашитый въ кожу, которая красиво расшита разными цвѣтами. На рогахъ одной изъ оленьихъ головъ, которая находится ближе къ идолу, есть признаки свѣжей крови, коей рога обрызганы. По всей вѣроятности, жертва принесена самоѣдами острова Вайгача, которые здѣсь проживаютъ круглый годъ, и нѣрѣдко соприкасаясь съ русскимъ населеніемъ и оставаясь внѣ его вліянія, до сего времени держатся своихъ языческихъ предразсудковъ. Считаясь христіанами и служа молебны, они не прочь умилостивлять и своего злого духа, принося ему въ жертву дары, какъ они приносятъ Николаю Чудотворцу".

Но для того, чтобы убѣдиться, что самоѣды и въ наше время приносятъ еще жертвы, богамъ, пѣтъ даже нужды отправляться такъ далеко, какъ о. Вайгачъ и и Югорскій Край. Въ 7—8 верстахъ отъ Пустозерска за лежащимъ предъ нимъ громаднымъ. „Пустымъ озеромъ" лежитъ гора „Сивера", отправившись на которую для отысканія череповъ несуществующаго нынѣ племени карачеевъ, мы случайно натолкнулись на самоѣдское капище. Мѣсто для него выбрано очень удачно. По одну сторону высокой и голой горы — рядъ безконечныхъ озеръ, болотъ и низинъ, густо покрытыхъ мелкимъ кустарникомъ, по другую открывается такое же безбрежное море чистѣйшаго, нѣжнаго, блестяще-желтаго цвѣта песку, лежащаго волнами. Огромный одинокій провалъ голой горы, служащій храмомъ, густо заросъ елями и соснами, одна изъ которыхъ отъ подножія до самой вершины увѣшана и закрыта грудами оленьихъ роговъ и

различными мелкими приношеніями—ленточками, лоскутами, цѣпочками, перстнями, мѣдными колокольчиками... На ближнихъ соснахъ также оленьи головы съ рогами и остатками не совсѣмъ еще сгнившаго мяса. Все капище производитъ мрачное и грозное впечатлѣніе, а недавніе остатки оленя указываютъ, что даже около самого Пустозерска и его церкви еще приносятся жертвы идоламъ.

Самоѣдскій чумъ близъ с. Куи.

Хотя самоѣды прожили уже много поколѣній въ борьбѣ съ суровой природой и нисколько не подвинулись впередъ, но трудно, все-таки, сказать положительно, чтобы этому племени были чужды начала гражданственности. Примѣръ самоѣдовъ, живущихъ около

русскихъ и ижемцевъ, говоритъ скорѣе за обратное и, можетъ быть, только тяжелыя условія жизни мѣшаютъ имъ развиться. Они неутомимы въ работѣ, смышлены и понятливы. Довольно охотно отдаютъ дѣтей въ школу, разъ она близка, или ребенокъ можетъ остаться въ общежитіи, на желательность устройства которыхъ указываетъ въ только-что цитированномъ отчетѣ о поѣздкѣ въ Югорскій шаръ священникъ села Тельвисочнаго. Въ этомъ отношеніи очень интересна попытка русскаго правительства развить и культивировать колонію на Новой Землѣ, съ которой теперь поддерживается правильное пароходное сообщеніе, гдѣ построена школа и церковь, помѣщеніе для склада товаровъ и дома для самоѣдовъ; есть священникъ и фельдшеръ, притомъ совершенно соотвѣтствующій своей роли и врача и руководителя самоѣдовъ.

Сюда же командируется съ каждымъ рейсомъ пароходъ (2 раза въ годъ) особое лицо, снабжающее самоѣдовъ всѣмъ необходимымъ въ обмѣнъ на продукты ихъ промысла. Колонія еще не прожила для своей оцѣнки достаточнаго времени, но уже сдѣланное заслуживало бы оцѣнки.

II. Условія жилища и питаніе населенія.

Деревни, въ которыхъ живетъ населеніе Печорскаго края, расположены исключительно по берегу самой Печоры или ея притокамъ и изрѣдка около озеръ (самоѣдовъ и зырянъ я оставляю вообще въ сторонѣ, такъ какъ посѣтить тундры и верховья Печоры не пришлось) и представляютъ собой группы строеній, разбросанныхъ на разстояніяхъ нѣсколькихъ саженей другъ отъ друга безо всякаго плана и порядка. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ собою лишь нѣкоторыя большія села, какъ Усть-Цыльма, Ижма, Мохча, Сизябскъ и нѣкоторыя другія, имѣющія въ общемъ видъ зажиточной русской деревни съ правильными рядами двухъэтажныхъ деревянныхъ домовъ хорошей постройки, съ церквами, деревенскими лавками и даже снабженными деревянными тротуарами, содержимыми большею частью въ хорошемъ порядкѣ. Но такихъ селъ немного, и было бы ошибкой по нимъ судить вообще о печорской деревнѣ. Большинство ихъ, напр., въ низовьяхъ и устьяхъ Печоры, состоитъ хотя изъ довольно большихъ,— если, конечно, ихъ сравнивать съ жалкимъ жилищемъ

русскаго мужика въ центральной губерніи,—но почернѣвшихъ, покосившихся, полусгнившихъ отъ времени домовъ, а частью изъ избушекъ совсѣмъ несчастныхъ, между которыми нерѣдки такія, что до сихъ поръ еще топятся по-черному. Даже рѣзко выдѣляющіеся, свѣжіе, окрашенные въ бѣлый или свѣтло-зеленый цвѣтъ и окруженные узорчатой цвѣтной оградой дома богачей не могутъ скрасить печальнаго вида стоящей на бугрѣ груды развалинъ, открытой для всѣхъ вѣтровъ и лишенной защиты хотя бы небольшимъ лѣскомъ.

Здѣсь ни лѣсъ, ни сама Печора не оживляютъ ландшафта: видны лишь безконечные, унылыя болота и мхи, унылая рѣка, на которой посреди необозримыхъ пространствъ встрѣчаются маленькія незамѣтныя деревеньки. Сѣверный вѣтеръ имѣетъ достаточно для себя простора, и лѣтомъ онъ съ такой силой сноситъ песокъ, а весной настолько его размываетъ водою, что, напр., гробы на кладбищѣ въ Куѣ стоятъ на поверхности земли, въ пескѣ можно найти чуть ли не цѣлые скелеты, а отдѣльныхъ череповъ, зубовъ, реберъ, челюстей и другихъ человѣческихъ останковъ здѣсь, такъ же, какъ въ Пустозерскѣ, всегда валяется около кладбища сколько угодно, несмотря на то, что, по распоряженію священника, ихъ ежегодно собираютъ и хоронятъ снова цѣлыми грудами.

Садиковъ или палисадниковъ передъ домами нѣтъ, и это однообразіе прерывается только огромными пустыми мѣстами, которыя рѣдко бываютъ сухи, а послѣ дождя превращаются въ непроходимыя болота, среди которыхъ по кое-гдѣ проложеннымъ сгнившимъ мосткамъ пробираются люди къ своимъ раскиданнымъ однообразнымъ

избамъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ можно найти и деревенскій кабакъ или современную казенную винную лавку, помѣщающуюся въ болѣе лучшей избѣ съ вывѣшенной надъ дверью неуклюжей длинной вывѣской. Онъ не играетъ уже роли деревенскаго клуба, а единственная на весь край—въ Усть-Цыльмѣ—чайная общества попечит. о народной трезвости тоже пуста и уныла. Зимой все заваливается надолго снѣгомъ почти по самую крышу, и крестьянинъ неохотно отгребаетъ отъ избы снѣгъ, который даетъ ему тепло, закрывая и высокіе „костры“ дровъ, сложенные передъ жильемъ для защиты отъ вѣтра.

Въ какомъ состояніи находятся деревенскія кладбища на крайнемъ сѣверѣ, упомянуто выше. Въ другихъ мѣстахъ они немногимъ лучше, и рѣдко въ какой-нибудь деревнѣ можно встрѣтить кладбище, которое содержалось хотя бы въ сносномъ порядкѣ, удовлетворяющемъ требованіямъ санитаріи и религіозному чувству. Огромное большинство ихъ находится въ жалкомъ состояніи: густо стоятъ кресты разныхъ формъ и величинъ, покривившіеся и покосившіеся въ разныя стороны, въ промежуткахъ торчатъ какія-то колья и остатки отъ крестовъ, на землѣ валяются поперечныя части и доски, служившія кровлей кресту. Могилы расположены гдѣ и какъ попало, совершенно безъ всякаго порядка, и холмы надъ ними насыпаются настолько малые, что черезъ 2—3 года они сравниваются съ землей. Поэтому часто и случается, что при выкапываніи могилъ для новыхъ покойниковъ наталкиваются на старые гробы и, если копающіе полѣнятся рыть въ другомъ мѣстѣ, то и хоронятъ умершаго въ ту же могилу, на которую натолкнулись. Случается, что въ одной могилѣ помѣщается

по нѣскольку умершихъ въ разное время. Вокругъ кладбищъ обыкновенно нѣтъ никакой, хотя бы самой простой, изгороди или ограды, ни рва, ни вала, и скотъ, свободно разгуливая по нимъ, оставляетъ здѣсь свои нечистоты.

Мелкія села, деревни и поселки на югѣ Печорскаго края по берегамъ Ижмы, Цыльмы и Ухты, сами по себѣ столь же жалкіе, расположены, напротивъ, среди чрезвычайно живописной, дикой и безлюдной мѣстности. Громадныя горы аспиднаго сланца, доманика и точильнаго камня, покрытыя прекраснымъ сосновымъ и лиственнымъ лѣсомъ, красивыя горныя вершины и пейзажи, которые можно сравнить съ лучшими швейцарскими видами, здѣсь — на каждомъ шагу. Горы изобилуютъ ископаемыми богатствами, на Ухтѣ нефть бьетъ прямо изъ земли, на Цыльмѣ множество шахтъ и рвовъ свидѣтельствуютъ о добываніи здѣсь когда-то серебра и мѣди, и у крестьянъ въ домахъ можно найти образцы желѣзной и мѣдной руды, аметиста и каменнаго угля, а также и другихъ минераловъ. Но дорогъ нѣтъ, надо совершить цѣлый подвигъ, чтобы сюда доѣхать; все лежитъ нетронутымъ, и населеніе живетъ бѣдно, а деревни имѣютъ немногимъ лучшій видъ, чѣмъ у устьевъ Печоры.

Крестьянскій домъ на Печорѣ устроенъ такъ, что изба и скотный дворъ представляютъ собою одно и то же строеніе. Средній крестьянскій домъ есть двухъ-этажное деревянное зданіе съ деревянной крышей, большаго или меньшаго размѣра, раздѣленное центральнымъ коридоромъ на двѣ половины. Въ корридорѣ помѣщаются сѣни и кладовыя. По одной сторонѣ его находятся жилыя помѣщенія, по другую хлѣвъ для скота и „повѣть“, слу-

жащая складомъ для орудій и корма. Въ обоихъ этажахъ устраивается по 2 комнаты; та, которая помѣщается въ верхнемъ этажѣ, служитъ чистой половиной; внизу же одна комната служитъ кухней, другая — горницей. Въ каждой комнатѣ имѣется по печкѣ, стоитъ столъ и по стѣнамъ тянутся лавки. У людей болѣе зажиточныхъ въ кухнѣ также лавки, а въ горницахъ столы, стулья, деревянный диванъ, нерѣдко и зеркала. Стѣны очень любятъ украшать картинами, содержаніе которыхъ совершенно не разбирается—лишь бы это была картина. Но особенно любятъ украшать ихъ образами, и очень часто изъ образовъ создаются цѣлые иконостасы.

Дома, вообще, держатся очень чисто. Комнаты метутся каждое утро и подъ вечеръ, а если наберется въ избѣ соръ, то и чаще; моютъ же избу обыкновенно два раза въ недѣлю—въ среду и субботу.

По сравненію съ условіями жилищъ крестьянъ центральной губерніи, жилища печорскаго населенія стоятъ въ лучшихъ условіяхъ: они болѣе просторны, свѣтлы, содержатся опрятнѣе и снабжены обстановкой, о которой не знаетъ русскій крестьянинъ. Во всякомъ домѣ имѣется обязательно одна, иногда и больше кроватей съ пологомъ, а для спанья другихъ членовъ семейства существуетъ, для каждаго отдѣльно, оленья шкура, называемая здѣсь обыкновенно постелью; она стелется на полу, на лавкахъ или на полатяхъ, гдѣ таковыя есть.

Самоваръ также составляетъ неизмѣнную принадлежность даже самой бѣдной семьи, и только въ верховьяхъ Ижмы среди бѣдныхъ зырянскихъ селъ его приходилось встрѣчать сравнительно рѣже.

Для освѣщенія, обычно, употребляются керосиновыя

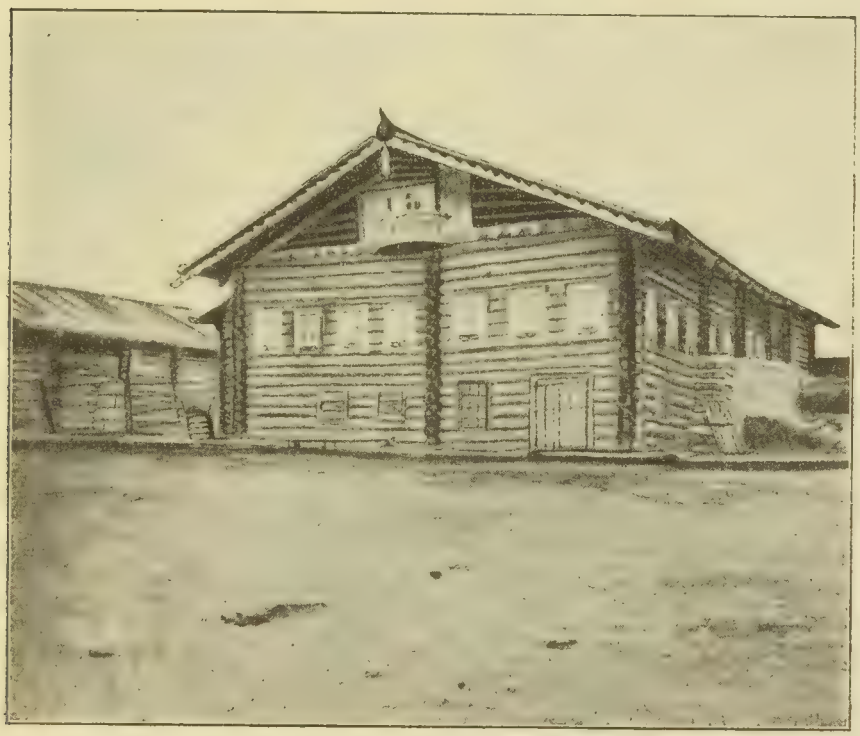
лампы со стекломъ, а, такъ называемыя, коптилки, т.-е., маленькія, дымящіяся лампочки безъ стекла, попадаются, сравнительно, рѣдко. Освѣщеніе лучиной сохранилось только въ нѣкоторыхъ зырянскихъ населеніяхъ по той же р. Ижмѣ. Въ низовьяхъ Печоры, въ селахъ Тельвисочномъ, Великой-Вискѣ, Куѣ, нашлись и курныя избы.

По мѣрѣ приближенія къ сѣверу — въ низовьяхъ Печоры постройки въ деревняхъ, какъ уже сказано было выше, становятся все хуже, бѣднѣе и имѣютъ болѣе разоренный видъ. То же надо сказать и о районѣ, населенномъ зырянами по р. Ижмѣ и Ухтѣ, гдѣ пришлось намъ побывать. Зырянское или, лучше сказать, ижемское населеніе этого района расположено вверхъ по теченію этихъ рѣкъ, гдѣ на пространствахъ 18—40 и до 57 вер. разбросаны отдѣльныя села и деревни: Кулема, Картаель (лѣсной ручей), Кедва, гдѣ помѣщается волостное правленіе, Винлы, Усть-Сюжа—по старинному „Акимъ“,— Усть Ухта и кромѣ нихъ кое-гдѣ въ промежуткахъ разбросаны два—три поселенія: Поромецъ, Фофанъ-Иванъ или Порожская и Пожня, послѣдняя деревня (въ 12 дворовъ) Архангельской губерніи. Дальше начинается уже губернія Вологодская. Всѣ эти поселенія очень не велики, и въ самомъ значительномъ изъ нихъ — Кедвѣ — не болѣе 60—70 дворовъ. Чѣмъ дальше удаляешься отъ села Ижмы, какъ отъ центра, тѣмъ бѣднѣе выглядятъ деревни, въ которыхъ избы не стоятъ уже правильными рядами, строенія разбросаны въ безпорядкѣ, безъ всякаго плана, окружены воздѣланными полями, за которыми тянутся болота и лѣса—ель, береза, сосна, лиственница. Все рѣже и рѣже, по мѣрѣ того, какъ по-

дымаешься по теченію рѣки, встрѣчаются въ этихъ поселеніяхъ тѣ двухъ-этажные, просторные и хорошо обставленные внутри дома, которые составляютъ обычный типъ крестьянскаго жилища въ Усть-Цыльмѣ, Ижмѣ или Мохчѣ. Все болѣе несчастный и разоренный видъ они принимаютъ; перестаютъ попадаться и красиво выстроенные храмы, или есть церкви, но нѣтъ священниковъ, какъ въ Фофанъ-Иванъ, Акимъ и самой Кедвѣ, а въ другихъ вмѣсто церквей стоятъ, какъ въ Винлахъ простыя часовни, куда священникъ только временами пріѣзжаетъ служить.

Хотя въ этой округѣ природа мягче, растительность богаче, и невдалекѣ находятся обширные нефтеносные источники, представляющіе собою неизмѣримое богатство, но все выглядитъ бѣдно, живетъ плохо и представляетъ единственное изъ видѣнныхъ нами глухихъ мѣстностей, мѣсто, гдѣ въ наши дни населеніе обычно употребляетъ въ пищу такіе суррогаты, какъ листья и зерна растеній или наросты съ деревьевъ, а мыло замѣняетъ лиственничной губкой. Положеніе единственныхъ представителей здѣсь русской культуры — священниковъ и псаломщиковъ — почти столь же жалкое. У священника, напр., въ Ухтѣ домъ настолько холодный, что, придя отъ обѣдни, вмѣсто того, чтобы пить предлагаемый ему чай, онъ забирается поскорѣе на печку, сидитъ и грѣется:—„Гибель настоящая; какой тутъ чай, и безъ чаю замерзнешь“. Дочери лицъ духовныхъ выходятъ замужъ за зырянъ-крестьянъ, и если сами говорятъ плохо по-русски, то внуки духовныхъ лицъ совсѣмъ не знаютъ этого языка. У псаломщика въ Ухтѣ есть, по крайней

мѣрѣ, на всю семью одна малица (шуба), и если онъ уѣхалъ, то жена должна сидѣть дома безвыходно — иначе замерзнешь; но у несчастнаго, притомъ больного псаломщика въ Поромцѣ даже и того нѣтъ, и ѣхать ему на требу со священникомъ возможно только тогда, если послѣдній подѣлится съ нимъ теплой одеждой.



Крестьянскій домъ.

Характерной особенностью избъ на Печорѣ, какъ, впрочемъ, и вообще избъ сѣвернаго крестьянина, является соединеніе въ одномъ и томъ же зданіи жилища для человѣка съ хлѣвомъ для скота. Строить избу бокъ-о-бокъ со скотнымъ дворомъ заставляетъ самый климатъ Печоры съ его убійственной сыростью, полярной ночью, снѣжными бурями и метелями, наметающими

такіе сугробы, что часто по цѣлымъ днямъ нельзя бываетъ выйти изъ жилища. Скотъ и кормъ для него необходимо держать подъ рукой, но это создаетъ и дурныя гигіеническія условія для всего жилья, а необходимость убирать два раза въ день навозъ изъ подъ скота, что составляетъ обязанность женщины, тяжело отзывается на ея здоровьѣ.

Помѣщеніе для скота устраивается по ту или другую сторону корридора, раздѣляющаго избу на двѣ части. Въ нижнемъ этажѣ помѣщается хлѣвъ, выстланный деревяннымъ поломъ и раздѣленный, обыкновенно, на три отдѣленія — одно для овецъ и лошадей, другое для коровъ и третье, небольшое помѣщеніе предназначено для телятъ. Ходъ сюда дѣлается изъ общаго съ жилымъ помѣщеніемъ корридора, а для выбрасыванія навоза продѣланы наружу двѣ небольшія дверцы. Въ верхнемъ ярусѣ надъ скотнымъ дворомъ устраивается, такъ называемая, „повѣть“ — обширное помѣщеніе, занятое сѣномъ, а также различными хозяйственными предметами: здѣсь хранятся телѣги, сани, сбруя, вѣники, лопаты, вилы и проч., и здѣсь же въ очень многихъ домахъ находится и отхожее мѣсто.

Постройка крестьянскихъ домовъ на Печорѣ вообще очень не дурна, и здѣшнія жилища даже не могутъ быть сравниваемы съ тѣми жалкими, крытыми соломой избушками, представляющими собою лишь кучи горючаго матеріала, что составляютъ жилища русскаго крестьянина, привыкшаго къ нищетѣ, не видѣвшаго и не знающаго, въ чемъ состоятъ удобства жилища. Въ жилыхъ избахъ замѣтна вездѣ опрятность, въ каждомъ домѣ, кромѣ кухни, есть чистая и свѣтлая горница, а у болѣе за-

житочныхъ ихъ бываетъ по 2 и по 3, почти вездѣ можно встрѣтить болѣе или менѣе приличную обстановку, посуду, домашнюю утварь; наконецъ, онѣ отличаются отъ русскихъ избъ бо́льшею вмѣстимостью и чистотой воздуха.

Благодаря почвеннымъ и климатическимъ условіямъ печорскаго края, населеніе здѣсь питается преимущественно животною пищею. Рыба составляетъ одну изъ главнѣйшихъ составныхъ частей пищи жителей и употребляется въ разныхъ видахъ, преимущественно же въ соленомъ. Сушеная рыба употребляется крайне рѣдко, употребленія копченой рыбы нигдѣ не пришлось встрѣтить, и этого способа ея консервированія населеніе, повидимому, не знаетъ. Характерною особенностью является то, что въ наибольшемъ распространеніи находится соленая рыба, подвергшаяся уже порчѣ и издающая отвратительный запахъ. Мѣстные жители и, въ особенности, женщины съ непонятнымъ удовольствіемъ ѣдятъ эту, какъ ее здѣсь называютъ, „кислую“ или „квашеную“ рыбу, находятъ ее болѣе вкусною, болѣе полезною, всегда отдаютъ ей предпочтеніе передъ рыбой свѣжей и охотно уступаютъ свѣжую рыбу въ обмѣнъ на кислую. Приготовленіе ея таково: рыбу солятъ лишь слегка, такъ какъ, если употребить большее количество соли, она не скиснетъ. При теплой погодѣ бочки съ такой рыбой оставляютъ на солнцѣ; при холодной же, когда она скиснуть не можетъ, ее вносятъ въ избу, ставятъ на печь, гдѣ она остается нѣсколько дней, пока не получитъ кислый вкусъ и сильный запахъ; при этомъ она

становится совершенно мягкой, такъ что кости очень легко отдѣляются отъ мяса, и при хорошо проквашенной рыбѣ достаточно слегка потянуть за хвостъ, чтобы цѣликомъ отдѣлился весь ея скелетъ. При менѣе сильномъ квашеніи рыба сохраняетъ свою форму, и тогда ее употребляютъ, запекая въ тѣсто и приготовляя, такъ называемую, кулебяку. При наиболѣе сильной степени квашенія получается студенистая, кислая масса, которую можно черпать только ложками или цѣдить, какъ квасъ изъ бочки; она отличается запахомъ настолько отвратительнымъ, что непривычный человѣкъ не только не можетъ оставаться въ той комнатѣ, гдѣ ее ѣдятъ, но даже въ верхнемъ этажѣ этотъ запахъ едва выносимъ. Менѣе разложившуюся рыбу пекутъ, разминаютъ ложками въ чашкахъ съ холодной водой и ѣдятъ или ложками, или съ помощью кусочковъ хлѣба. При большей степени разжиженія ее разливаютъ по лоткамъ, ставятъ на столъ первымъ блюдомъ и ѣдятъ съ хлѣбомъ. Если рыба сохраняетъ еще свою форму, то ее ѣдятъ также и прямо въ сыромъ видѣ, причемъ въ такихъ случаяхъ подаютъ къ чаю въ видѣ закуски.

Кислая рыба — въ обширномъ употребленіи по всему Печорскому краю и притомъ не только у чисто-мѣстнаго населенія. Къ употребленію ея постепенно привыкаютъ и люди, пріѣхавшіе изъ центральной Россіи. Приходилось встрѣчать священниковъ, псаломщиковъ, служащихъ, которые всегда ѣдятъ ее, причемъ, по ихъ словамъ, трудно только сперва привыкнуть къ своеобразному ея запаху, который, однако, современемъ начинаетъ даже нравиться. Трудно думать, что населеніе Печоры переноситъ безнаказанно это питаніе только благодаря много-

вѣковой привычкѣ къ употребленію продуктовъ разложенія въ рыбѣ: люди пріѣзжіе, вполнѣ образованные, выросшіе въ условіяхъ культурной жизни и привыкшіе къ ней, подтверждали, что дѣйствительно въ первое время они не въ состояніи ѣсть эту гниль, но по прошествіи 3—4 лѣтъ совершенно осваиваются со вкусомъ и запахомъ кислой рыбы. Дѣйствуютъ ли здѣсь климатическія условія или какія-либо иныя,—это остается вопросомъ будущаго, но мнѣ приходилось встрѣчать на Печорѣ и чиновниковъ, и священниковъ, и инженеровъ, которые сами ѣдятъ эту рыбу съ удовольствіемъ, въ то время, какъ ихъ жены, не освоившіяся съ трудностью жизни на Печорѣ, не переносятъ даже ея запаха.

Несмотря на тщательные разспросы, какъ самихъ крестьянъ, такъ и лицъ другихъ сословій и положеній—священниковъ, докторовъ, фельдшеровъ и служащихъ въ различныхъ учрежденіяхъ,—не пришлось услышать ни одного отзыва о какомъ-либо вредномъ вліяніи на организмъ, которое было бы замѣчено при употребленіи кислой рыбы: не только не могъ никто указать на случай отравленія ею, но даже и симптомовъ разстройства желудочно-кишечнаго канала, обычнымъ при испорченной пищѣ, никому и никогда не приходилось наблюдать. Напротивъ, похвальныхъ о квашеной рыбѣ отзывовъ слышалось очень много, и вотъ какимъ образомъ, напримѣръ, одинъ крестьянинъ выразилъ свое мнѣніе: „она вкуснѣе и полезнѣе свѣжей рыбы, потому что она спорѣе, и съ нею можно больше съѣсть хлѣба. Эта рыба здорова и придаетъ бодрость тѣлу. Вреда отъ нея никакого нѣтъ, и это первая пища: она для сердца здорова и человѣку въ пользу. Спроси, кого хочешь,

вреда никогда никакого отъ нея не было. Свѣжей рыбы поѣшь—мало она даетъ пищи и требуется только господамъ, а крестьянамъ кислая рыба здоровѣе, расходовъ на нее мало, и это самая настоящая крестьянская пища. Не только запрещать ее не слѣдуетъ, а это самоважнѣйшее дѣло для крестьянина".

По общему утвержденію жителей Печорскаго края, квашеная рыба вовсе не есть рыба гнилая: между той и другой существуетъ большая разница, и испорченная рыба здѣсь, такъ же какъ и всюду, считается негодной къ употребленію. Гнилая рыба, говорили они, имѣетъ скелетъ черный или зеленовато-бураго цвѣта, у кислой же онъ сохраняетъ свой нормальный бѣлый видъ; въ гнилой рыбѣ очень быстро являются черви, чего въ кислой никогда не бываетъ; запахъ ея хотя и отвратителенъ, но также своеобразенъ и совершенно иного характера, чѣмъ запахъ гнили. Печорскій уѣздный врачъ, Д. А. Архангельскій, въ слѣдующихъ словахъ выражаетъ свое мнѣніе объ этой особенности питанія мѣстнаго населенія: „отравленій рыбнымъ ядомъ не встрѣчается, хотя жители и ѣдятъ въ большомъ количествѣ рыбу, повидимому испортившуюся, которая издаетъ невыносимый запахъ. Причина, почему не бываетъ отравленій при употребленіи такой рыбы, надо думать, кроется въ томъ, что рыба подвергается или своеобразному процессу гніенія—квашенью, или гніеніе зашло уже такъ далеко, что птомаины, которыми происходитъ отравленіе въ начальныхъ стадіяхъ гніенія рыбы, успѣваютъ или уже разложиться, или перейти въ другія соединенія". Насколько вѣрно такое объясненіе, и есть ли квашенье своеобразный процессъ гніенія, или, напро-

тивъ, правы мѣстные жители, утверждающіе, что квашеная рыба не есть рыба загнившая, — не берусь рѣшать, ибо этотъ вопросъ требуетъ еще спеціальнаго и вполнѣ научнаго изслѣдованія. Разъясненій также требуетъ и вопросъ о томъ, почему населеніе на Печорѣ, имѣя возможность питаться свѣжей и хорошо просоленной рыбой, предпочитаетъ ей рыбу, подвергшуюся уже порчѣ, имѣетъ ли она, дѣйствительно, то возбуждающее дѣйствіе на организмъ, которое не ускользнуло отъ наблюдательности печорцевъ, утверждающихъ, что кислая рыба вызываетъ половыя потребности; имѣетъ ли питаніе ею вліяніе на распространеніе среди женскаго населенія столь своеобразнаго заболѣванія, какъ икота [1]); наконецъ, какіе именно процессы происходятъ въ самой рыбѣ при ея квашеніи и какіе въ ней образуются продукты — всѣ эти вопросы ждутъ своего научнаго изслѣдованія.

Другую существенную часть въ пищѣ печорскаго населенія представляетъ собою мясо, которое употребляется не одними лишь людьми богатыми или зажиточными, а составляетъ обычную пищу всякаго крестьянина, за очень рѣдкими исключеніями. Только въ верховьяхъ Ижмы, населенныхъ зырянами, и въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, пища жителей представляетъ особенности, которыя будутъ указаны ниже; въ остальныхъ же мѣстностяхъ мясо скота, баранина, а гдѣ скота

[1]) Женщины особенно любятъ кислую рыбу, и распространеніе икоты, повидимому, совпадаетъ съ райономъ распространенія этой рыбы. У устьевъ Печоры, гдѣ она въ меньшемъ распространеніи, и „икота“ встрѣчается рѣже. Подробнѣе объ этомъ заболѣваніи будетъ сказано дальше.

мало, то мясо оленье употребляется какъ въ свѣжемъ, такъ и въ соленомъ видѣ, причемъ мясо оленя также любятъ тогда, когда оно начинаетъ уже издавать запахъ. На Ижмѣ весной на все лѣто запасаютъ оленье мясо, которое солятъ, складываютъ въ посудину и ставятъ въ амбары, гдѣ оно скоро прокисаетъ и пріобрѣтаетъ настолько сильный запахъ, что, по выраженію одного крестьянина,—„если вѣтеръ попутный, то верстъ за 5 слышенъ этотъ запахъ“.

При соленіи мяса обыкновенно кладутъ въ него селитру, чтобы оно имѣло красный цвѣтъ. Весной, когда откроется навигація, оленье мясо привозятъ въ села на лодкахъ изъ тундры отъ оленщиковъ, которые весной у себя въ тундрахъ бьютъ оленей, солятъ мясо и отправляютъ его на продажу въ населенные пункты. Мясомъ этимъ по Ижмѣ, а также по Печорѣ населеніе питается въ теченіе всего лѣта, и достать свѣжее мясо въ это время года настолько трудно, что даже зажиточные люди ѣдятъ прокисшее. По отзыву населенія, оно не только не вредно, но даже полезно, и его ѣдятъ съ видимымъ удовольствіемъ.

Стойкіе приверженцы древняго благочестія не ѣдятъ мяса по средамъ и пятницамъ, а также и въ посты все населеніе его не употребляетъ. Домашней птицы—куръ, гусей, утокъ—на Печорѣ не существуетъ совсѣмъ, если не считать, конечно, того небольшого количества домашней птицы, и при томъ только куръ, которыхъ можно найти кое-гдѣ у чиновниковъ или купцовъ. Но яйца, хотя и не куриныя, а дикихъ птицъ, главнымъ образомъ гусей, въ деревняхъ, находящихся у устьевъ Печоры, встрѣчаются нерѣдко и въ очень большихъ коли-

чествахъ; что же касается до дичи, то хотя ея и много на Печорѣ, она идетъ, какъ продуктъ промысла на продажу, и, напримѣръ, бѣлыя куропатки, водящіяся огромными стаями вокругъ Пустозерска и другихъ деревень крайняго Сѣвера, употребляются въ пищу только въ случаѣ неурожая рыбы или недостатка оленины.

Молоко собираютъ здѣсь совершенно особымъ образомъ: оно сливается въ одну большую кадку, которая никогда не моется. Во время постовъ, напримѣръ, когда молока не ѣдятъ, оно сливается прямо сырымъ въ эту посуду, которая наполняется до краевъ, и такое прокислое молоко, вонючее и покрытое уже зеленью, ѣдятъ подъ названіемъ „прѣснаго“ молока.

Чай съ сахаромъ также составляетъ обычный ежедневный напитокъ печорскаго крестьянина. Какъ уже сказано, необходимую принадлежность во всякомъ домѣ составляетъ самоваръ, отсутствіе котораго представляетъ уже признакъ самой крайней бѣдности; но и тамъ, гдѣ самоваровъ нѣтъ, чай все-таки пьютъ, заваривая его въ котлахъ. Пріобрѣтается онъ отъ чердынскихъ купцовъ и по довольно дорогой цѣнѣ—отъ 1 р. 60 к. до 2 р. за фунтъ.

Что касается растительной пищи, то, за исключеніемъ хлѣба, можно сказать, что ея не существуетъ совсѣмъ. Впрочемъ, рѣпа и въ маломъ количествѣ картофель разводятся въ нѣкоторыхъ волостяхъ на небольшихъ домашнихъ огородахъ, и на Печорѣ нельзя встрѣтить засаженныхъ картофелемъ или горохомъ полей, какія окружаютъ деревни центральной Россіи. Собственно овощей здѣсь совсѣмъ нѣтъ, и, напримѣръ, вмѣсто капусты употребляется растеніе „борщъ“, о которомъ будетъ упомянуто

ниже. Хлѣбопашество въ низовьяхъ Печоры не существуетъ, и оно возможно лишь въ болѣе южныхъ частяхъ уѣзда. Но и здѣсь, вслѣдствіе суровости климата и кратковременности лѣта, сѣютъ, главнымъ образомъ, ячмень, который, однако, далеко не всегда успѣваетъ созрѣвать и собирается въ маломъ количествѣ, недостаточномъ для продовольствія населенія. Недостатокъ мѣстнаго хлѣба пополняется привознымъ, доставляемымъ изъ Пермской губ. чердынскими купцами, которые и раздаютъ его въ кредитъ подъ будущіе промыслы. Населеніе можетъ также пріобрѣтать его въ правительственныхъ продовольственныхъ магазинахъ (Усть-Цильма, Перупь, Усть-Уса, Усть-Кожва, Красный Боръ, Кедва и Бриколашское), куда онъ привозится морскимъ путемъ. Цѣна ржи въ этихъ магазинахъ колеблется отъ 1 р. 18 к. до 1 р. 60 к. за пудъ, и она отпускается лишь за наличныя деньги, не имѣя которыхъ, населеніе принуждено брать хлѣбъ у чердынцевъ въ долгъ, расплачивается путемъ обмѣна на продукты промысла и находится съ незапамятныхъ временъ въ неоплатномъ у нихъ долгу.

Нѣсколько подробнѣе позволю себѣ остановиться на пищѣ зырянскаго населенія, живущаго по теченію рѣки Ижмы, такъ какъ она отличается здѣсь нѣкоторыми особенностями.

Питаніе этого населенія по мѣрѣ удаленія отъ центра зырянскаго края, т.-е. отъ богатыхъ и большихъ селъ— Ижмы, Мохчи и Сизябска — идетъ, все ухудшаясь, по мѣрѣ того, какъ ухудшаются и экономическія условія его жизни. Уже въ первомъ поселеніи, с. Кулемѣ, количество скота начинаетъ значительно уменьшаться.

Олени имѣются только у болѣе или менѣе зажиточныхъ людей, и число ихъ не превышаетъ 2—2½ тысячъ. Въ слѣдующихъ селахъ и деревняхъ оленеводство уже совершенно прекращается. Скотоводство также начинаетъ сокращаться вслѣдствіе сокращенія пожней, и уже богатыми людьми начинаютъ считаться тѣ хозяева, у которыхъ есть 2 лошади, 4 коровы и 4 — 5 шт. овецъ, что, напр., въ Усть-Цыльмѣ или самой Ижмѣ считалось бы уже признакомъ нѣкоторой бѣдности. Начинаютъ попадаться и такія семьи, которыя лошадей не имѣютъ, а однѣхъ только коровъ, и даже въ самой Кулемѣ есть 12 хозяйствъ, имѣющихъ только одну корову, одно, не имѣющее никакого скота, и 11 хозяйствъ не имѣютъ лошадей. Мясо оленя, составляющее одну изъ главныхъ частей въ пищѣ населенія, среди котораго развито оленеводство, здѣсь уже не употребляется, рыба попадается рѣдко, по преимуществу мелкіе харіусы, говядину ѣдятъ не всѣ, баранина употребляется, какъ рѣдкость, и главной пищей остается молоко и особенно ржаной и ячменный хлѣбъ, частью свой, а частью, какъ сказано, пріобрѣтаемый у чердынскихъ или ижемскихъ купцовъ въ обмѣнъ на продукты охотничьяго промысла.

Такъ какъ вѣтряныхъ мельницъ не существуетъ, а водяныхъ по теченію Ижмы очень мало, то перемолъ зерна на муку, что составляетъ занятіе женщинъ, производится ручными жерновами, какъ оно производилось еще во времена сѣдой древности на ручныхъ мельницахъ, представляющихъ подобіе тѣмъ, что мы встрѣчаемъ на изображеніяхъ евреевъ, работающихъ во время плѣненія въ Египтѣ; въ небольшомъ ящикѣ, поставленномъ на ножкахъ, находится два жернова. На верхній

надѣвается обручъ, къ краю котораго укрѣпленъ шестъ, верхнимъ концомъ вдѣтый въ свободно двигающуюся палку; двигая ее одной рукой, женщина вращаетъ верхній камень, подбрасывая временами другой рукой по горсти зерна. Пудъ зерна на такой мельницѣ перемалывается въ муку не менѣе, какъ въ 6—6½ часовъ.

Къ Рождеству запасы хлѣба начинаютъ истощаться, а съ великаго поста уже примѣшиваютъ къ хлѣбу различные суррогаты — мякину, рябиновый листъ и, такъ называемый, борщъ. Эти примѣси къ мукѣ употребляются вовсе не во время голодныхъ годовъ только, какъ можно было бы это предположить, а составляютъ обычную пищу населенія каждый годъ, начиная съ весны до сбора новыхъ хлѣбовъ. Лучшимъ добавленіемъ къ хлѣбу считается „борщъ“ или по-ижемски „азь“ (heradium borealis), употребляемый по всей Печорѣ, какъ суррогатъ капусты. Это растеніе рубятъ, какъ капусту, отвариваютъ въ водѣ и, слегка посоливши, сохраняютъ въ кадкахъ; ѣдятъ примѣшивая къ мукѣ во время печенія хлѣба, а также приготовляя изъ него нѣчто въ родѣ русскихъ щей изъ кислой капусты. Употребленіе этой примѣси къ хлѣбу очень распространено по всему теченію р. Ижмы, и запасы могутъ быть найдены рѣшительно во всякомъ домѣ въ любое время года, какъ и были они всюду въ іюнѣ мѣсяцѣ 1903 г. Хлѣбъ, выпеченный съ примѣсью этой травы, имѣетъ видъ лепешки, сдѣланной изъ кизяка, или коровьяго помета, и при разломѣ его въ серединѣ, такъ же, какъ и въ кизякѣ, виденъ соръ, мелкіе сухіе листья, мѣстами крупные стебли растенія. Вкуса хлѣба въ такой лепешкѣ совершенно не слышно, а получается

ощущеніе густого, липкаго и безвкуснаго тѣста съ сильнымъ запахомъ затхлой соломы.

Какъ другой, столь же обычный суррогатъ, употребляются листья рябины, которые собираютъ, сушатъ, мелютъ или толкутъ въ ступкахъ и приготовленную такимъ образомъ муку смѣшиваютъ съ молокомъ и хлебаютъ изъ чашки. Изъ этой же муки, смѣшивая ее съ ржаной или ячменной, дѣлаютъ небольшія лепешки и смазываютъ ихъ сметаной, а если таковой не имѣется, то ѣдятъ прямо, испекши въ печкѣ.

Хлѣбъ, съ примѣсью сѣмянъ, такъ называемой, „тарицы", или дикой горчицы, также употребляется повсюду. Мякину и мелко изрубленную солому употребляютъ въ пищу болѣе рѣдко, а мохъ и березовую труху (гниль), изъ чего въ старые годы дѣлали муку, въ настоящее время совсѣмъ не употребляютъ.

Вслѣдствіе недостатка хлѣба, квасу совсѣмъ не дѣлаютъ, а вмѣсто чая, который хотя и употребляется (почти во всякомъ домѣ имѣется самоваръ), пьютъ напитокъ, приготовляемый изъ наплыва, или нароста, бывающаго очень часто на березѣ. Его высушиваютъ и, обламывая по кусочку, величиной съ большой грецкій орѣхъ, завариваютъ на самоварѣ, какъ чай. Получается настой очень густой и, дѣйствительно, напоминающій собою нѣсколько чай, если же, какъ это дѣлаютъ изрѣдка ижемцы, смѣшать настоящій чай съ березовымъ, получается напитокъ, который по вкусу и цвѣту отъ настоящаго чая отличить почти невозможно.

Конечно, было бы преувеличеніемъ говорить, что зырянское населеніе по Ижмѣ питается одними такими суррогатами. Они употребляются ежегодно, но только

въ тяжелое время недостатка хлѣба, начиная съ великаго поста и до новаго сбора урожая. Въ болѣе счастливое время питаніе населенія нѣсколько лучше. Обычный обѣдъ средняго крестьянина въ скоромные дни — супъ или, какъ здѣсь называютъ, „щи“, сваренныя изъ говядины съ мукой и солью, но безъ всякихъ овощей или зелени, при чемъ говядина подается особо, въ видѣ отдѣльнаго блюда. Затѣмъ молоко съ хлѣбомъ. Свѣжее молоко вообще употребляется очень рѣдко и, по большей части, какъ приправа въ щи или другія кушанья. Обыкновенно же его ѣдятъ въ кисломъ видѣ, прибавляя къ простоквашѣ творогу, а иногда и сливочнаго масла. Каши, которая здѣсь дѣлается изъ ячменя, въ обычные дни не бываетъ; ее ѣдятъ только по праздникамъ или у богачей. Вмѣсто каши приготовляется, такъ называемый, „пустоваръ“, представляющій собою смѣсь муки, воды и соли, прокипяченную на огнѣ. Въ скоромные дни сюда прибавляется и молоко. Вмѣсто пустовара ѣдятъ иногда опару съ молокомъ и прибавляютъ сюда, если онъ есть, картофеля.

Два, а иногда и три раза въ день пьется чай, смотря по состоянію—или настоящій или настой изъ березы. Овощей, какъ и вообще по всему Печорскому краю, населеніе и здѣсь употребляетъ очень мало. Капуста не родится и ее замѣняютъ травой, о которой было уже сказано, рѣпа и рѣдька сажается каждый годъ, но въ небольшомъ количествѣ, и при томъ не каждый годъ онѣ хорошо родятся, и рѣдька скорѣе употребляется не въ пищу, а въ видѣ лекарственнаго средства; лукъ покупается только въ количествѣ 2—3 фунтовъ въ годъ. Что касается до грибовъ и ягодъ, то они только отчасти замѣняютъ со-

бой для населенія недостатокъ овощей; грибовъ собираютъ вообще мало, а ягоды, главнымъ образомъ, бруснику и морошку, запасаютъ на зиму, сохраняя ихъ въ замороженномъ видѣ, но также въ небольшомъ количествѣ (2—3 пуда), и употребляютъ больше только въ видѣ лакомства. Водки въ деревняхъ по верховью Ижмы

„Женки“.

пьютъ вообще немного, и той тайной продажи вина, которая въ другихъ мѣстахъ Печорскаго края развита такъ же сильно, какъ и всюду въ Россіи, здѣсь, повидимому, нѣтъ. Даже на свадьбахъ, какъ обычное угощеніе, гостямъ подносится не водка, а просто прѣсное молоко. Въ болѣе зажиточныхъ домахъ на свадьбѣ выпиваютъ не бо-

лѣе $^1/_4$-ти или $^1/_2$ ведра водки, а обычнаго во всей Россіи пьянства въ теченіе 2—3 дней при храмовыхъ праздникахъ здѣсь не бываетъ.

Въ другихъ мѣстностяхъ Печоры пьянство существуетъ такое же, какъ и всюду по Россійской имперіи: умѣренное употребленіе вина бываетъ, какъ рѣдкій случай, а обычно крестьянинъ—или пьяница, или ничего не пьющій. Для винопитія нерѣдко собираются цѣлыми компаніями въ нѣсколько человѣкъ, и пьютъ иногда по нѣсколько сутокъ подъ рядъ, а въ небольшихъ поселкахъ въ общихъ попойкахъ иной разъ участвуютъ и всѣ жители его, не только мужчины, но женщины и даже дѣвицы.

III. Бытъ населенія и его культурный уровень.

Хотя на Печорѣ матери и кормятъ дѣтей грудью, но это дѣлается далеко не всегда, съ одной стороны вслѣдствіе того, что о необходимости этого для здоровья ребенка и здѣсь, какъ и вообще по всей россійской имперіи, понятія не имѣютъ, а съ другой и потому, что нигдѣ женщина не бываетъ такъ сильно обременена и домашнимъ хозяйствомъ, и полевыми работами, какъ это бываетъ всюду на Печорѣ, гдѣ все мужское населеніе покидаетъ скотъ и хозяйство на попеченіе женщинъ и уходитъ далеко на рыбные, морскіе и звѣриные промыслы. Благодаря отсутствію надлежащаго ухода и кормленія, очень значительный процентъ дѣтей здѣсь умираетъ въ самомъ раннемъ возрастѣ, и нерѣдко у матери, имѣвшей, напр., 18 чел. дѣтей, умерло 15, изъ 13-ти—12 чел., или изъ 17-ти осталось въ живыхъ только 6, а умерло 11. Вслѣдствіе полнаго отсутствія записей въ метрическихъ книгахъ рожденій и смертности среди старообрядцевъ, составляющихъ очень значительную, если не господствующую долю населенія Пе-

чорскаго края, дѣлать какіе-либо выводы и соображенія о движеніи населенія на основаніи статистическихъ данныхъ—совершенно невозможно, и всѣ эти выводы будутъ фантастическими. Данныхъ этихъ невозможно получить и изъ полицейскихъ свѣдѣній, ибо въ книгахъ, находящихся при волостныхъ правленіяхъ, старообрядцы также не записываются, и списки, составляемые волостями, не заслуживаютъ никакого довѣрія. Даже самая цифра старообрядческаго населенія, какъ было уже сказано, неизвѣстна. Вотъ что по этому поводу говоритъ также и отчетъ по яслямъ въ Усть-Цыльмѣ: „нѣтъ никакой возможности подтвердить фактъ ужасающей дѣтской смертности цифровыми данными, потому что хоронятъ дѣтей тайкомъ, такъ что правильная регистрація ея невозможна; но нѣкоторымъ старожиламъ-чиновникамъ случалось наблюдать поголовное вымираніе дѣтей, взятыхъ какой-нибудь старушкой на свое попеченіе!! Чтобы получить хотя нѣкоторое представленіе о смертности дѣтей, при осмотрѣ нами жилищъ предлагался каждой матери вопросъ, сколько у нея было дѣтей и сколько изъ нихъ умерло. При этомъ оказалось, что у спрошенныхъ по различнымъ деревнямъ 319 матерей родилось дѣтей—2590 и умерло 1463, т.-е. процентъ смертности равенъ 56, 4; въ частности же въ с. Усть-Цыльмѣ съ прилегающими деревнями, гдѣ спрошена 71 мать, дѣтей у нихъ родилось 639, умерло 424, и процентъ смертности составляетъ 66, 4.

Села и деревни.	Число опрошенныхъ матерей.	У нихъ было дѣтей.	Изъ нихъ умерло.	% смертности.
С. Пустозерское, с. Куйское, с. Тельвисочное, с. Великовисочное, д. Пылемская, выселокъ Климовскій, в. Росвинскій . .	59	409	263	64,3
С. Усть-Цильма съ прилегающими деревнями: Рощинскій Ручей, высокая Гора, Чукчино-Караванная, Федосѣйковыхъ. .	71	639	424	66,4
С. Ижма и с. Созябское . .	76	573	250	43,6
С. Кедва, с. Кулема, с. Поромецъ, с. Усть-Ухта, д. Картаель, д. Порожская, д. Сюжская, д. Винлы.	113	969	526	54,3
Итого.	319	2590	1463	56,4

На высокую дѣтскую смертность указываетъ и отчетъ за 1900 г. по устройству дѣтскихъ яслей въ с. Усть-Цильмѣ. „Несмотря на высокую рождаемость, говоритъ этотъ отчетъ, трудно встрѣтить въ крестьянской семьѣ болѣе 2—3 дѣтей; обыкновенно, изъ 12—16 родившихся дѣтей, а нерѣдко и 20, въ живыхъ остается одинъ-два ребенка.

Сейчасъ же послѣ рожденія, ребенка вмѣстѣ съ родильницей отправляютъ въ баню, гдѣ моютъ теплой водой и сильно парятъ вѣникомъ, послѣ чего бабушка поитъ его квасомъ изъ своего рта. Въ ротъ даютъ соску, сдѣланную изъ тряпки, куда заворачиваютъ бѣлую булку или какую-нибудь кашу—рисовую, пшенную или ячменную, чаще же всего пряники, размоченные въ водѣ. У

самоѣдовъ даютъ кусокъ мягкаго оленьяго мяса съ кровью который привязываютъ на нитку, чтобы ребенокъ не проглотилъ куска или не подавился бы имъ. Если мать кормитъ ребенка грудью, то дается она, какъ только появится молоко, при чемъ предварительно вливается въ ротъ ребенка ложечка сметаны, „для того, чтобы его прослабило“. Цѣльнымъ молокомъ начинаютъ прикармливать уже съ третьяго дня рожденія. Когда ребенокъ немного подрастетъ, его кормятъ жвачками изъ калача [1]), бѣлаго или житнаго (ячменнаго) хлѣба и изъ пшенной каши. Если же сама мать ребенка не кормитъ, то даютъ прямо цѣльнымъ и сырымъ коровье молоко, наливая его въ рожокъ, который дѣлается изъ коровьяго рога и передается, обычно, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Нерѣдко употребляются также рожки изъ бѣлой жести, которые покупаются на ярмаркахъ или въ лавкахъ. На рожокъ надѣвается соска, сшитая самими изъ мягкой замши, иногда же, у кого есть, употребляется для этой цѣли и коровій сосокъ. Все содержится очень грязно: прокисло и протухло и издаетъ отвратительно-кислый запахъ. Мѣсяцевъ же съ четырехъ большинство матерей начинаетъ уже давать ребенку всю ту пищу, что ѣдятъ и всѣ домашніе.

Если при такомъ режимѣ ребенокъ заболѣетъ, то его парятъ въ банѣ, кормятъ калачами, пережженнымъ чернымъ сухаремъ, поятъ черемухой, а если не помогаетъ, то оставляютъ на волю Божію.

---

[1]) Подъ именемъ калачей, настолько распространенныхъ по Печорѣ, что ихъ можно найти въ любой деревушкѣ и на самой глухой почтовой станціи, надо разумѣть не извѣстные всѣмъ московскіе калачи, а обыкновенныя баранки.

Въ теченіе шести недѣль ребенка купаютъ почти каждый день, и около недѣли, пока его не окрестятъ, купанье происходитъ въ банѣ, гдѣ въ это время живетъ и сама родильница. Часто приносятъ для нея сюда самоваръ, тамъ же посѣщаютъ ее гости, поздравляютъ, приносятъ разныя сласти и особенно пряники, которые вообще на Печорѣ играютъ большую роль.

Когда мать уходитъ страдать, какъ здѣсь выражаются, т.-е. на полевыя работы, то маленькія дѣти остаются въ деревнѣ на попеченіи старухъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ ижемскихъ деревняхъ, устраиваются иногда нѣчто въ родѣ элементарныхъ яслей, когда 2—3 семейства, отдаютъ дѣтей подъ присмотръ какой-нибудь старухѣ, за присмотръ платятъ тѣмъ, что или поработаютъ за нее, или даютъ хлѣбомъ, или дарятъ матеріи на рукава и на фартукъ. Въ болѣе зажиточныхъ селахъ за присмотръ старухѣ платятъ по 70 коп. въ недѣлю; при этомъ молоко для дѣтей должна доставлять сама старуха; если же молоко свое, то уплачивается уже не 70 коп., а только 50. Болѣе состоятельные еще оставляютъ для своихъ дѣтей сверхъ платы и провіантъ—пшено, калачи, хлѣбъ для подростковъ и т. д.

Въ с. Усть-Цыльмѣ въ теченіе трехъ лѣтъ подъ рядъ, въ 1900, 1901 и 1902 гг., были устраиваемы на время рабочей поры пріюты для маленькихъ дѣтей по образцу и примѣру тѣхъ яслей, которыя организуются нынѣ земскими учрежденіями въ большинствѣ губерній центральной Россіи. Ясли были устроены мѣстнымъ уполномоченнымъ Общества борьбы съ заразными болѣзнями, А. П. Ушаковымъ, на средства частью этого Общества и частью собранными въ самой Усть-Цыльмѣ

среди мѣстнаго интеллигентнаго общества и велись подъ руководствомъ одного изъ служащихъ тамъ лицъ, при чемъ ближайшее наблюденіе за яслями взяли на себя жены нѣкоторыхъ чиновниковъ. Какъ и повсюду въ Россіи, ясли были встрѣчены населеніемъ на первыхъ порахъ съ недовѣріемъ, но оно скоро разсѣялось, и приходилось уже отказывать за ограниченностью средствъ. Всѣхъ дѣтей въ 1900 г. было 20.

Несмотря на недостатки яслей, неизбѣжные при новизнѣ дѣла, учредитель ихъ указываетъ въ своемъ отчетѣ, что, въ общемъ, этотъ первый опытъ слѣдуетъ признать удачнымъ, и выражаетъ надежду, что крестьяне современемъ окажутъ и матеріальную помощь учрежденію. Въ слѣдующемъ 1901 г. число дѣтей было уже 43 чел. и, какъ указываетъ отчетъ, „не было того недовѣрія, какое было замѣчено въ прошломъ году; напротивъ, многіе крестьяне задолго до открытія яслей уже стали обращаться съ просьбами о принятіи ихъ дѣтей. Кромѣ того, сочувствіе выражалось иногда и въ предложеніяхъ матеріальной помощи, въ видѣ отдачи безплатно подъ ясли своихъ домовъ“. И, дѣйствительно, одна изъ четырехъ избъ, въ которыхъ помѣщались ясли, была занята безплатно. Что на самомъ дѣлѣ со стороны населенія было извѣстное довѣріе къ новому учрежденію, въ этомъ могли убѣдиться и мы, при своемъ посѣщеніи Усть-Цыльмы въ іюлѣ 1903 г. Изъ разспросовъ матерей видно, что онѣ относятся къ этому учрежденію съ гораздо большею сознательностью, чѣмъ это обыкновенно наблюдается въ центральной Россіи. Такъ, очень многія интересовались имъ просили о скорѣйшемъ его открытіи. Выражалась также готовность доставлять дѣтямъ пропи-

таніе, кто что можетъ, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, чтобы молоко пріобрѣталось самимъ пріютомъ, такъ какъ весь скотъ на лѣтнее время угоняется, обыкновенно, на пастбища далеко за Печору. Повидимому, для развитія здѣсь яслей имѣется очень благопріятная почва, и, въ виду готовности населенія оказать имъ помощь въ той или иной формѣ, возможно, что это учрежденіе достигнетъ здѣсь, можетъ быть, скорѣе той цѣли, къ которой стремится и земство, т.-е. станетъ дѣломъ самихъ крестьянъ, потеряетъ свой характеръ благотворительности и послужитъ школою для распространенія здравыхъ понятій о раціональномъ питаніи и уходѣ за дѣтьми.

Причины недостаточно быстраго развитія и распространенія дѣла яслей на Печорѣ скорѣе, надо думать, иныя и совершенно обратныя тѣмъ, которыя мѣшаютъ ихъ быстрому успѣху въ земскихъ губерніяхъ. Если тамъ препятствіями служатъ бѣдность, нищета и ужасающее невѣжество народныхъ массъ при готовности земскихъ учрежденій придти на помощь народу, то здѣсь, именно, второй элементъ отсутствуетъ. Къ числу неудобствъ въ дѣлѣ устройства здѣсь яслей надо отнести и то неудобство въ ихъ организаціи, что завѣдываніе ими—не въ рукахъ лицъ, которымъ поручено народное здоровье. Во всей Россіи устройство яслей ввѣряется, обыкновенно, медицинскому персоналу, и онѣ находятся въ завѣдываніи земскихъ врачей. Въ Усть-Цыльмѣ этого нѣтъ: дѣло ведутъ служащіе по министерству финансовъ, и такъ какъ, благодаря условіямъ жизни въ маленькомъ сельцѣ, взаимныя отношенія лицъ не всегда бываютъ хороши, то это и отражается на ходѣ и будущности самихъ яслей. Такъ, ясли въ 1901 г. вызвали много

столкновеній и пререканій между завѣдующими и медицинскимъ персоналомъ. Въ напечатанномъ объ этихъ ясляхъ отчетѣ отношеніе къ нимъ врача было выставлено въ очень неблаговидномъ свѣтѣ, и хотя все объясняется только маленькими личными столкновеніями, врачу, все-таки, пришлось пережить много непріятностей.

Что медицинскій надзоръ, дѣйствительно, необходимъ въ такомъ пріютѣ, доказывается самимъ отчетомъ, который показываетъ, что всѣ дѣти въ ясляхъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1901 г. переболѣли кровавымъ поносомъ, нѣкоторыя были приняты больныя имъ, а 5 дѣтей отъ кроваваго поноса умерли.

Желательно, чтобы дѣло устройства и веденія яслей-пріютовъ и на Печорѣ было бы ввѣрено врачамъ. Дѣло это требуетъ большихъ усилій, заботъ и заранѣе обдуманной подготовительной работы. Въ 1903 году ясли не были открыты именно вслѣдствіе отсутствія такой работы, хотя уполномоченнымъ Общества борьбы съ заразными болѣзнями и на этотъ годъ ассигнованы необходимыя средства. Надо, однако, сказать, что только при условіи большого личнаго интереса къ нимъ со стороны организаторовъ и при удачномъ выборѣ завѣдующей яслями, онѣ могутъ имѣть шансы на развитіе и распространеніе въ будущемъ. Желательно, конечно, также, чтобы Архангельское отдѣленіе Общества Краснаго Креста не осталось безучастнымъ къ этому начинанію.

Лѣтъ съ 10 — 12 дѣтей берутъ съ собою уже на полевыя работы: тамъ они живутъ и начинаютъ помогать, чѣмъ могутъ, родителямъ—грести сѣно, съѣздить куда-нибудь на лошади, а зимой ребенокъ возитъ воду или дрова и исполняетъ другія небольшія работы.

Мальчиковъ цѣнятъ вообще гораздо больше; рожденіе дѣвочки не составляетъ праздника для семьи, и она не является здѣсь желательной гостьей. Съ мальчиками больше играютъ, ласкаютъ ихъ, хорошо обходятся съ ними и наказываютъ только за дѣло. Положеніе дѣвочки—иное: уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ она должна начинать отрабатывать тотъ кусокъ, который ей достается послѣ братьевъ, а когда она подростетъ, ее цѣнятъ исключительно, какъ рабочую силу, заставляя, по мѣрѣ возможности, работать — няньчить дѣтей, мыть бѣлье и полы, чинить платья, плести сѣти или щепать изъ лыка ту тетиву, что употребляется при изготовленіи сѣтей.

Впослѣдствіи, когда она станетъ дѣвушкой, на нее взглядъ остается тотъ же: что она съѣстъ—это не вернется современемъ обратно, такъ какъ во время полнаго развитія ея рабочей силы ее придется отдавать въ чужую семью. Не являясь членомъ семьи, нераздѣльно съ ней связаннымъ, дѣвушка живетъ только будущимъ,— она должна заботиться сама о себѣ, копить свое собственное имущество и пользоваться всякимъ случаемъ въ свою собственную пользу получить что можно изъ общихъ заработковъ семьи. И она сама, и всѣ окружающіе ея родные смотрятъ на нее не какъ на члена семьи, а какъ на лицо самостоятельное, временную непріятную гостью-дармоѣдку, которая можетъ жить и поступать, какъ угодно, поскольку это не нарушаетъ общихъ интересовъ. Такимъ положеніемъ объясняется ея сравнительная самостоятельность въ семьѣ или, лучше сказать, равнодушное отношеніе къ ней со стороны семьи, доходящее до того, что даже къ ея внѣбрачному сожительству относятся почти всегда совершенно индифферентно.

Свобода Печорской дѣвушки въ этомъ отношеніи очень значительна. При спросѣ, напримѣръ, о количествѣ дѣтей приходилось получать такіе отвѣты: „въ дѣвкахъ было 5, замужемъ 3“. И этотъ отвѣтъ дается при мужѣ или при (родственникахъ) родителяхъ, которые относятся къ этому совершенно индифферентно; нерѣдко случалось задавать тотъ же вопросъ женщинамъ незамужнимъ, и онѣ, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ родныхъ, сообщали о количествѣ бывшихъ у нихъ до замужества дѣтей.

Если, еще будучи дѣвушкой, женщина должна работать, пока ей позволятъ силы, и находится подъ гнетомъ семьи, испытывая полное къ себѣ равнодушіе, то послѣ выдачи ея замужъ положеніе ея становится еще тяжелѣе. Мужъ такъ же, какъ и вся новая семья, смотритъ на нее только какъ на рабочую силу въ хозяйствѣ, а пока она сдѣлается самостоятельной хозяйкой и распорядительницею дома, она является младшимъ членомъ семьи, на нее взваливаются всѣ тяжелыя и непріятныя работы при постоянномъ, къ тому же, гнетѣ и преслѣдованіяхъ со стороны свекрови. Прежде всего на нее ложатся всѣ домашнія работы по уходу за избой и скотнымъ дворомъ, составляющимъ, какъ уже усказано, одно цѣлое. Если на Печорѣ живутъ, сравнительно, очень опрятно, и избы моются два раза въ недѣлю, то это покупается цѣною безпрерывной работы женщины, отражающейся на ея здоровьѣ. Скотный дворъ убирать приходится каждый день, что̀ представляетъ работу тяжелую и очень грязную. Деревянный полъ хлѣва надо держать очень чисто, и когда есть коровы, которыхъ только у очень бѣдной семьи бываетъ 1 — 2 штуки,

требуется, чтобы навоза не было совсѣмъ: его надо выгрести, выбросить на дворъ и вывезти на санкахъ, которыя ставятся подлѣ окошка или дверей; а если его много, то надо предварительно запрячь и лошадь въ большія уже сани. Все это приходится дѣлать въ навозѣ, грязи, въ темномъ подпольѣ съ отвратительнымъ воздухомъ. Вся эта, такъ называемая, „обрядная“ отнимаетъ силы, требуетъ траты времени въ 2—3, иногда и болѣе часа, смотря по количеству скота, и все это дѣло женское, такъ какъ мужики этого не касаются. Каждый разъ женщина выходитъ изъ хлѣва выпачканная съ ногъ до головы, но можетъ только переодѣть платье, ибо если бы она и захотѣла вымыться въ банѣ, то топить ее надо тоже самой, что каждый день она дѣлать не можетъ.

Кромѣ того, на печорской женщинѣ лежатъ и всѣ полевыя работы. Все мужское населеніе края уходитъ на промыслы, а полевое хозяйство составляетъ работу женщины. Такія работы, какъ пахота и вообще обработка земли, косьба и уборка хлѣба, лежатъ на ея обязанности, и мужчина является здѣсь развѣ только въ роли помощника, пособляющаго лишь тогда, когда ему лично нечего дѣлать. На Печорѣ, не говоря уже про такія работы или очищеніе луговъ отъ зарослей кустарникомъ, что производится особымъ первобытнаго устройства орудіемъ, называемымъ „дерунъ“; даже такая, сама по себѣ нелегкая работа, какъ кошеніе травы, становится работой очень тяжелой вслѣдствіе того, что траву здѣсь косятъ не обыкновенной косой, а, такъ называемой, горбушей, представляющей собою родъ грубаго, тяжелаго серпа на короткой ручкѣ, которымъ надо ра-

ботать, все время наклонившись и не срѣзая, а скорѣе срубая или сбивая траву.

Кромѣ исполненія домашнихъ и полевыхъ работъ, женщина не освобождается и отъ обязанности помогать мужу въ его работахъ, если есть на то время: онѣ неводятъ рыбу, зимой возятъ дрова, изготовляютъ сѣти, возятъ проѣзжающихъ и грузы на лодкахъ, при чемъ тамъ, гдѣ приходится тащить лодку бичевою по берегу, обычно, въ лямку запрягаются женщины, въ то время, какъ мужчина исполняетъ на лодкѣ болѣе легкую работу.

Словомъ, какъ выражались женщины на Печорѣ, „бабамъ работы довольно“, и пресловутая самостоятельность и высокое положеніе женщины въ Печорскомъ краѣ, гдѣ она является не безотвѣтной рабой мужа, а полноправнымъ членомъ семьи, покупается очень дорогой цѣной и отражается на ея здоровьѣ. Это становится болѣе яснымъ, если сопоставить ея трудъ съ другими сторонами жизни: условіями климата, питанія, продуктами разложенія, медицинскою безпомощностью при родахъ и болѣзняхъ, потерею дѣтей и другими условіями, на которыя указывается въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ.

Мужское населеніе Печоры, какъ упомянуто, занимается промыслами съ малолѣтства; напр., ребенокъ уже съ 10 — 12 лѣтъ начинаетъ ѣздить на рыбную ловлю, и на него такой же пай, какъ и на взрослаго. Помимо рыбнаго, а на крайнемъ сѣверѣ и звѣринаго морского промысла, источникомъ матеріальнаго существованія служитъ охота на дичь и звѣрей въ лѣсахъ, оленеводство, которое развито, главнымъ образомъ, среди ижемцевъ и пустозерцевъ, также и торговля, которой занимаются преимущественно болѣе состоятельные изъ зырянъ. Сво-

бодное отъ промысловъ время крестьяне, помимо земледѣлія, которое, какъ указано, лежитъ, собственно говоря, все-таки на обязанности женщины, занимаются также и всѣми ремеслами, необходимыми для деревни: они столярничаютъ, дѣлая столы, стулья, диваны, шкафики, изготовляютъ всю ту грубую мебель, безъ которой не обходится здѣсь ни одинъ домъ. Они же являются плотниками при постройкѣ домовъ, они печники и маляры— словомъ, заняты разнообразными ремеслами. Но работаютъ на Печорѣ лишь для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей деревни и покидаютъ родныя мѣста вообще неохотно. Обычая уходить въ отдаленныя мѣста, какъ это дѣлаютъ, наприм., рязанцы или владимирцы, не существуетъ.

Такія экономическія условія уже развиваютъ въ населеніи духъ предпріимчивости, сметливости, смѣлости и независимости, а свою долю вліянія имѣло, конечно, отсутствіе крѣпостного права, а также тѣ толпы религіозныхъ пропагандистовъ, что явились сюда съ протестомъ противъ правительственной регламентаціи стѣсненія свободы совѣсти. Суровый климатъ въ связи съ такими условіями выращиваетъ и суровое поколѣніе, выносливое въ бѣдахъ, напастяхъ и невзгодахъ, закаляетъ характеръ здѣшняго жителя и заставляетъ усиленно бороться за свое существованіе.

Въ отношеніи умственнаго развитія печорцы могутъ считаться стоящими гораздо выше жителей другихъ губерній Россіи, и, напр., въ то время, какъ въ русской деревнѣ весь кругозоръ крестьянина ограничивается, обычно, только предѣлами собственнаго села, — здѣсь внѣшнимъ міромъ, тѣмъ, что происходитъ на свѣтѣ, населеніе интересуется настолько, что почти всюду, когда

приходитъ почта, крестьяне отправляются цѣлою гурьбою въ волостное правленіе: „ну, писарь, говори, какія новости?“ И писарь беретъ „Губернскія Вѣдомости“, „Сельскій Вѣстникъ“ и начинаетъ сообщать, что новаго пишутъ въ газетахъ. Новости эти передаются уже другъ другу и распространяются по селу. Спрашиваютъ также постоянно фельдшера и учителя: „что новаго, какія цѣны, куда поѣхалъ Государь?“ и особенно: „нѣтъ ли войны?“ Интересуются также другими странами и народами, въ особенности же жизнью шведовъ. Происходитъ это потому, что на Печорѣ существуетъ извѣстный по всему краю своей печальной репутаціей шведскій лѣсопильный заводъ; въ Усть-Цильмѣ находилась шведская контора, и для заготовки лѣсныхъ матеріаловъ представители шведской компаніи разъѣзжали всюду. Особенно сильный интересъ возбуждало также столкновеніе въ 1902 г. между бурами и англичанами. При этомъ общее сочувствіе было на сторонѣ буровъ, и выражалось удовольствіе, что маленькій народецъ побиваетъ англичанку,—„значитъ, народъ храбрый“. Какъ сами прирожденные охотники, крестьяне восхищались при этомъ особенно тѣмъ, что буры такъ мѣтко стрѣляютъ. Про существованіе китайцевъ также всякій знаетъ обязательно, не только потому, что происходила война 1902 г., но, главнымъ образомъ, оттого, что во всякомъ домѣ есть китайскій чай, подробности о которомъ также не безынтересны. Нѣкоторыя, хотя смутныя, понятія имѣютъ о важнѣйшихъ событіяхъ русской исторіи, въ родѣ нашествія 1812 г., а Петра Великаго нерѣдко вспоминаютъ и бранятъ за его нововведенія и мѣры противъ раскола. Про патріарха Никона знаютъ недурно и зовутъ его первымъ еретикомъ. Намъ, однако,

не пришлось встрѣтиться ни съ однимъ старообрядцемъ-начетчикомъ, который въ пониманіи исторіи происхожденія раскола, не говоря уже о его значеніи или о знакомствѣ даже съ собственной литературой, стоялъ бы хотя нѣсколько выше окружающихъ безпоповцевъ. Даже глава явившейся къ намъ съ г. Пижмы депутаціи былъ человѣкъ почти безграмотный, еле-еле разбирающій славянскую печать, и весь смыслъ старообрядчества видѣлъ въ троеперстномъ сложеніи, хожденіи посолонь, извѣстномъ числѣ поклоновъ или восьмиконечной формѣ креста.

Отрицательнаго отношенія къ грамотности намъ, по крайней мѣрѣ, не пришлось услышать: не говоря уже о молодомъ поколѣніи, даже у самыхъ глубокихъ стариковъ грамотность за вредъ не считается, и грамотный цѣнится больше неграмотнаго, потому что онъ больше и лучше, какъ объясняли крестьяне, все понимаетъ, онъ — человѣкъ „ходовой“: онъ слово Божіе понимаетъ и прочесть можетъ то, что приходится ему подписывать. Послѣднее для печорскаго крестьянина очень важно, такъ какъ ему приходится подписывать счета, представляемые чердынскими купцами, у которыхъ изъ года въ годъ все забирается въ кредитъ. Чтобы эти счета провѣрить, надо или просить грамотнаго, за что и уплатить гривенникъ, или вѣрить написанному.

Необходимость вызвала среди неграмотнаго населенія появленіе своей собственной грамоты по способу, принятому развѣ у дикарей. Напримѣръ, слово калачъ обозначается кружкомъ, число фунтовъ даннаго товара соотвѣтственнымъ количествомъ и соотвѣтственной формы палочками и т. п. Существуетъ и особаго рода календарь для неграмотныхъ: съ помощью грамотнаго по

псалтыри или календарю отмѣчаютъ на палочкѣ, начиная съ опредѣленнаго дня, зарубками — простые дни и крестиками—праздники. Если праздникъ большой, то у креста ставятъ точки. Каждый прошедшій день отстругивается долой. Названіе дней недѣли легко опредѣляется по количеству зарубокъ отъ воскресенья, отмѣчаемаго, какъ сказано, черезъ шесть дней въ седьмой. Такой первобытный календарь настолько, однако, точно ведется, что при возвращеніи, напримѣръ, съ рыбныхъ промысловъ, которые продолжаются нѣсколько мѣсяцевъ, человѣкъ можетъ безошибочно сказать, въ какой день и какого числа онъ возвратился домой.

Самой грамотѣ, помимо школъ, населеніе обучается или самоучкой или у стариковъ-начетчиковъ и старыхъ дѣвицъ, изъ нихъ нѣкоторыя учатъ „по милосердію“, т.-е. безплатно, но большею частью за плату по 40 коп. въ недѣлю. Обучаются церковной грамотѣ по старинному (азъ, буки, вѣди) по псалтыри, потомъ по разнымъ церковнымъ книгамъ; писать же учатъ уже по гражданскому. Старообрядцы также обучаютъ своихъ дѣтей грамотѣ, но неохотно отдаютъ ихъ въ школы, опасаясь вліянія священниковъ на религіозное направленіе дѣтей. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, они уступаютъ передъ новыми условіями жизни, и если въ Усть-Кожвѣ изъ 24-хъ учениковъ въ школѣ нѣтъ ни одного изъ старообрядческой семьи, то въ Усть-Цыльмѣ ихъ уже 24 на 70 челов. всѣхъ учащихся. Надо, однако, сказать, что дѣйствительную цифру опредѣлить трудно, ибо оффиціально все населеніе числится православнымъ. Въ этомъ отношеніи много зависитъ отъ такта священника, и, напр., въ с. Бугаевѣ

открытая въ 1894 г. церковно-приходская школа грамоты въ первые годы оставалась пуста. Впослѣдствіи съ большимъ трудомъ священнику о. І. Михайлову удалось собрать 10 — 15 учащихся при помощи убѣжденій и упрашиваній родителей, которые, съ теченіемъ времени убѣдившись, что школа никого въ дѣлахъ вѣры не насилуетъ, стали отдавать дѣтей охотно, и въ 1903 г. ихъ было уже 30 чел.

Вообще, отношеніе къ школѣ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ личныхъ качествъ учителя, и гдѣ эти отношенія хороши, населеніе охотно оказываетъ школѣ возможную поддержку. Напр., въ Ижмѣ собрано было пожертвованіями на устройство ремесленнаго отдѣленія при школѣ съ 1870 по 1875 г.—458 р., и устроены портняжная и сапожная мастерскія, гдѣ съ самаго начала обучалось до 30 мал. Въ той же Ижмѣ на постройку новаго школьнаго зданія, кромѣ собранныхъ по подпискѣ 2 тыс. руб., общество приговоромъ постановило отпустить изъ своихъ средствъ 3 тыс. рублей.

Число грамотныхъ, если опять сравнивать Печорскій Край съ глухими мѣстностями Россіи, надо признать довольно значительнымъ. Точныхъ цифръ не существуетъ, но, напр., въ Ижмѣ среди взрослыхъ много неграмотныхъ, а молодое поколѣніе почти все грамотно. Нѣкоторое понятіе о количествѣ грамотныхъ можетъ дать число ихъ, найденное въ 446 осмотрѣнныхъ нами домахъ. Въ нихъ кромѣ 143 учащихся (109 м. и 34 дѣв.) оказалось грамотныхъ мужчинъ 265 и женщинъ 52; полуграмотныхъ, т.-е. умѣющмхъ только читать, 90 мужчинъ и 30 женщинъ на общее число въ 2835 душъ. Всего 580 ч., т.-е. 20,5%. Спеціально же въ с. Ижмѣ въ

34 домахъ было грамотныхъ мужчинъ 79, женщинъ 20, полуграмотныхъ 41 (27 м. и 14 ж.), учащихся 35 (25 м. и 10 дѣв.) при общемъ числѣ живущихъ въ нихъ 483 чел. Всего 175 ч., т.-е. 36,25%.

Книга распространена вообще на Печорѣ мало; но это относится только къ книгамъ гражданской печати. Церковныя же книги и, особенно старинныя можно найти почти во всякомъ домѣ, а у зажиточныхъ людей ихъ бываетъ, обыкновенно, очень много. Книги эти, по преимуществу, содержанія спеціально богослужебнаго— псалтирь, часословъ, часовникъ, Златоустъ, Поучительное Евангеліе, Благовѣстное Евангеліе, Маргаритъ, Катехизисъ, Апокалипсисъ, Четыре пролога, Ирмологъ и т. п. Книгъ же чисто богословскаго содержанія и, вообще, научнаго, въ этомъ отношеніи, характера видѣть не пришлось нигдѣ. Молодое поколѣніе, кончившее курсъ въ школѣ, охотно беретъ книги для чтенія изъ школьныхъ библіотекъ, при чемъ читаетъ книгу, какая попадется—и свѣтскую, и духовную. Изъ первыхъ предпочитаютъ сказки, а изъ духовныхъ житія святыхъ, и родители бываютъ очень довольны, когда дѣти приносятъ книгу изъ школы и почитаютъ имъ что-нибудь изъ нея. Книги дешевыя охотно покупаютъ также на ярмаркахъ и въ лавкахъ, а иногда у доходящихъ сюда вятскихъ и нижегородскихъ коробейниковъ. Насколько можно было заключить изъ разспросовъ, начинающему читателю въ житіяхъ святыхъ особенно нравятся высокіе примѣры самоотверженія и страданія за идею, а въ сказкахъ — такіе герои, какъ Бовы Королевичи, Еруслановы Лазаревичи или Францели Венеціаны, которые ведутъ постоянную борьбу съ темной силой, жертвуютъ собой, побѣждая

неправду; и на исторіи ихъ борьбы, подвиговъ, злоключеній и побѣдъ онъ, повидимому, отдыхаетъ душою и сердцемъ отъ тусклой, сѣрой будничной жизни, гдѣ не видно ничего высокаго и героическаго, нѣтъ стремленій въ высь и чистыхъ идеаловъ поэзіи съ вѣрой въ силу добра и торжество правды. И, можетъ быть, не такъ уже грубъ и глупъ крестьянинъ, когда онъ упорно предпочитаетъ произведеніямъ разсудочнаго ума, проникнутымъ трезвой прозой жизни и практическими указаніями, свою хотя и вздорную волшебную сказку, но которая говоритъ такъ много его наивному сердцу. — Книги, большею частью, тщательно берегутся, ихъ цѣнятъ, бережно къ нимъ относятся и завернутыми въ нѣсколько обложекъ сохраняютъ на полкѣ въ переднемъ углу или въ шкафу.

Надо, однако, добавить, что женщины въ отношеніи своемъ какъ къ грамотности, такъ и къ книгамъ, гораздо консервативнѣе мужчинъ, и даже среди такого склоннаго къ обученію населенія, какъ ижемцы, трудно, по словамъ учителей, убѣдить мать отдать дѣвочку въ училище: она всегда нужна дома для работы, а у многихъ къ этому соображенію присоединяется и опасеніе, что, какъ только дѣвочка выучится грамотѣ, начнетъ сейчасъ же писать любовныя письма. Справедливость такого мнѣнія учителей подтверждается и цифрами: на 78,7% обучающихся въ школахъ мальчиковъ, приходится только 21,2% дѣвочекъ.

По оффиціальнымъ даннымъ въ Печорскомъ у. за 1902 г. было всего 37 учебныхъ заведеній съ 1438 учащимися (1132 мал. и 306 дѣв.). Изъ всего количества школъ 30 подвѣдомственны училищному епар-

хіальному совѣту; изъ церковныхъ школъ 20 принадлежатъ къ школамъ грамоты. Помѣщаются училища частью въ наемныхъ, частью въ спеціально выстроенныхъ для этого зданіяхъ. Тѣ школы министерства народн. просвѣщенія, что намъ пришлось осмотрѣть, занимаютъ, вообще говоря, очень хорошія помѣщенія. Такъ, 2-хъ классное училище въ Усть-Цыльмѣ, гдѣ учащихся среднимъ числомъ 70 чел., представляетъ большое деревянное зданіе хорошей постройки, содержимое въ большой чистотѣ и имѣющее 2 квартиры (для учителя и помощника) и 2 большихъ классныхъ комнаты. Размѣры одной—длина $14^3/_4$ арш., ширина $9^3/_4$ ар., высота 5 ар. Площадь пола 143 кв. арш. Объемъ воздуха 969 куб. арш. Площадь свѣта 22 кв. арш. Отношеніе свѣтовой поверхности пола 1 : 6. Размѣры второй комнаты $10^1/_2 \times 7^1/_4$ ар. при высотѣ въ 5 арш. Объемъ воздуха 371 куб. арш. Площадь пола $76^1/_8$ кв. арш., площадь свѣта 15 кв. арш. Отношеніе площади свѣта къ площади пола 1 : 5. Для питья имѣется мѣдный кубъ съ нѣсколькими эмальированными кружками. Есть и умывальникъ въ корридорѣ.

Одноклассная школа въ Мохчѣ также хороша. Хотя она и меньше размѣрами, но помѣщается въ новомъ, чистомъ зданіи. Объемъ воздуха 619,09 куб. арш., на ученика приходится 12,34 куб. арш., и при 404,66 куб. арш. въ другой классной комнатѣ на каждаго—11,25 куб. арш. воздуха при отношеніи свѣтовой поверхности къ площади пола въ одномъ помѣщеніи 1 : 6 и въ другомъ 1 : 8. Также и здѣсь имѣется умывальникъ и кубъ съ отдѣльными кружками.

Двухклассное училище въ Ижмѣ—очень плохо: помѣщается въ зданіи, занимаемомъ когда-то сельской упра-

вой, и достаточно сказать, что оно настолько холодно, что и учитель и дѣти сидятъ въ малицахъ. Но, какъ указано выше, ассигнованы уже средства на новое большое зданіе, которое начато постройкой.

Что касается до церковно-приходскихъ школъ, то онѣ очень разнообразны. Въ Сизябскѣ, напр., существуетъ школа для подготовленія учителей въ мѣстныя школы грамоты, гдѣ обучаются до 150 чел. и при которой штатъ учителей состоитъ изъ 5 человѣкъ. Для нея въ настоящее время строится очень большое зданіе стоимостью болѣе чѣмъ въ 10 тыс. рублей, съ квартирами для учителей и общежитіемъ для воспитанниковъ. Имѣется также 5 частныхъ стипендій отъ Веркольскаго монастыря, по 100 руб, каждая. Учителя ея числятся состоящими на государственной службѣ и пользуются всѣми ея привилегіями. Курсъ обученія 6-лѣтній. Сюда привозятъ дѣтей, окончившихъ курсъ въ школахъ всѣхъ типовъ, и нерѣдко изъ мѣстностей, отстоящихъ отъ Сизябска болѣе, чѣмъ на 500 верстъ. Для строящейся школы, гдѣ предполагается правильное устройство чтеній съ туманными картинами, выписанъ уже хорошій фонарь, взамѣнъ существующаго; есть физическій кабинетъ и библіотека, имѣющая такихъ писателей, какъ Аксаковъ, Гоголь, Лермонтовъ, Пушкинъ, Жуковскій, Короленко, Маминъ-Сибирякъ, Потапенко и др. видныхъ авторовъ, также и книги по естествознанію—Тиндаль, Ковалевскій, Тимирязевъ и др. Эта школа, такъ же какъ и существующія здѣсь одноклассная мужская и женская, находитъ себѣ сильную поддержку со стороны мѣстнаго церковно-приходскаго попечительства, имѣющаго настолько порядочныя средства, что оно пожертвовало на строющееся

зданіе 1000 руб., ежегодно ассигнуетъ субсидіи на поддержаніе обстановки училищъ, письменныя принадлежности, и даже въ 1902 г., въ виду значительнаго количества учениковъ, содержало второго учителя до назначенія ему жалованья отъ казны. Попечительство собираетъ свои средства, получая, какъ пожертвованія, оленей, для которыхъ нанимаетъ пастуха или отдаетъ ихъ по частямъ въ стада надежнымъ оленеводамъ, а продукты оленеводства идутъ въ продажу.

Въ этой мѣстности, т.-е. въ центрѣ ижемскаго района, церковныя школы обзаводятся понемногу собственными, болѣе или менѣе хорошими зданіями, которыя уже существуютъ, напр., въ Ижмѣ, Мохчѣ, Поромцѣ и строятся въ Сизябскѣ, гдѣ 10 лѣтъ тому назадъ только отставные солдаты умѣли говорить по-русски, а грамотнаго, напр., для подписи документа можно было разыскать только съ великимъ трудомъ,—теперь все молодое поколѣніе грамотно и говоритъ по-русски. Но рядомъ съ этими существуютъ и школы, находящіяся въ совершенно жалкомъ положеніи. Такъ въ Картаіоли, маленькой ижемской деревнѣ, гдѣ на 279 жителей, по словамъ учителя, грамотныхъ наберется не болѣе 10—15 человѣкъ, школа съ 12 учениками безплатно занимаетъ крестьянскій домъ, какъ бы въ видѣ натуральной повинности, и, переходя изъ дома въ домъ, пользуется не только хозяйскимъ отопленіемъ, но и освѣщеніемъ, что представляетъ уже значительный расходъ въ странѣ, гдѣ зимою по утрамъ приходится заниматься съ лампами. Въ Кедвѣ уже сдѣланъ шагъ впередъ, и школа хотя перекочевываетъ также, но помѣщается не въ очередныхъ домахъ, а въ опредѣленномъ домѣ, по приговору общества, срокомъ

на 1 годъ. Въ Кулемѣ замѣтенъ еще нѣкоторый прогрессъ, ибо здѣсь общество отпускаетъ 21 р. 50 к. въ годъ въ распоряженіе учителя, который по собственному выбору подыскиваетъ квартиру. Есть и такія училища, что находятся въ совершенно неопредѣленномъ положеніи, какъ, напр., въ Пустозерскѣ, гдѣ школа устроена только усердіемъ о. Николая Попова и опредѣленныхъ средствъ не имѣетъ, какъ въ Тельвисочномъ, гдѣ подъ школу пожертвованъ отдѣльный маленькій домъ чердынскимъ купцомъ Сусловымъ, и хотя учитель долженъ получать жалованья 240 руб. въ годъ, но въ 1903 г. въ теченіе 5 мѣсяцевъ жалованья не получалъ, ибо попечитель ея, на средства котораго существуетъ школа, іеромонахъ Александро-Невской Лавры—о. Никодимъ,—самъ уроженецъ этого села, позабылъ выслать тѣ 300 р., на которые содержится школа, и которые до сей поры высылалъ аккуратно. Во всякомъ случаѣ, учитель принужденъ былъ сбѣжать, а между тѣмъ, по словамъ мѣстнаго священника, здѣсь хорошая школа, притомъ съ общежитіемъ для дѣтей, имѣла бы большое значеніе для внесенія началъ гражданственности въ среду самоѣдовъ, которые охотно оставляли бы здѣсь дѣтей, если бы имъ давалось помѣщеніе и пища.

Какъ ни жалки во многихъ мѣстахъ церковныя школы, но, во всякомъ случаѣ, изъ сказаннаго видно, что духовенство на Печорѣ много дѣлаетъ и старается дѣлать, а приведенные здѣсь примѣры отдѣльныхъ лицъ изъ его среды невольно вызываютъ уваженіе къ этой сторонѣ его дѣятельности, особенно, если сопоставить ее съ тѣмъ печальнымъ положеніемъ, въ которое по-

ставлены заброшенные въ глухія деревушки священники, и о которомъ будетъ упомянуто ниже.

Положеніе учительскаго персонала и его вознагражденіе также очень разнообразно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ учителя поставлены по сравненію ихъ съ учителями земскихъ школъ—не дурно. Такъ въ Усть-Цыльмѣ учитель при готовой квартирѣ, состоящей изъ двухъ хорошихъ комнатъ съ кухней, при готовомъ освѣщеніи и отопленіи, получаетъ жалованья 350 руб. Въ Мохчѣ при тѣхъ же условіяхъ—330 руб., а въ Ижмѣ старшій учитель 400 руб. Но надо, однако, сказать, что такое жалованіе въ Печорскомъ краѣ, гдѣ все необходимое для сколько-нибудь культурныхъ условій жизни очень дорого—совершенно недостаточно, и учителя бѣгутъ. Они остаются, обычно, на своемъ мѣстѣ не болѣе 2 — 3 л., и на Печорѣ извѣстенъ единственный случай, когда учитель въ Ижмѣ прослужилъ 14 лѣтъ, и служитъ еще понынѣ, что, однако, объясняется только его исключительнымъ семейнымъ положеніемъ. Примѣровъ обратнаго много, и, напр., въ Красноборскомъ сельскомъ училищѣ съ 1894 по 1903 г., т.-е. за 7 лѣтъ смѣнилось 7 учителей (въ 1894, 1895, 1897, 1898, 1901, 1902 и 1903 гг.). Причинами этого, кромѣ недостаточности жалованья, плохой въ нѣкоторыхъ школахъ обстановки учебными пособіями и другихъ тяжелыхъ условій, служитъ, главнымъ образомъ, отсутствіе тѣхъ привиллегій за службу въ отдаленномъ краѣ, которыми пользуются здѣсь, начиная съ инспектора народныхъ училищъ, учителя городскихъ, приходскихъ, нѣкоторыхъ школъ епархіальнаго вѣдомства, и даже фельдшера. Пенсіонная касса, на которую дѣлается 6% вычетъ изъ жалованья,

не обезпечиваетъ учителей на случай старости или болѣзни, а особенно тяжелымъ является то, что за отдаленностью отъ центра невозможно дать образованіе дѣтямъ и помѣстить ихъ некуда. Примѣромъ этого служитъ тотъ же учитель, что прослужилъ въ Ижмѣ 14 л., и дочь его, кончившая начальную школу, за неимѣніемъ средствъ должна оставаться дома. Страннымъ является и то обстоятельство, что съ переходомъ приходскаго училища, гдѣ учителя пользуются привилегіями, въ высшему типу, кончаются и всѣ привиллегіи.

Положеніе учителей епархіальнаго вѣдомства также разнообразно. Если въ Сизябскѣ старшій учитель получаетъ жалованья 540 руб., а его помощники, при готовой квартирѣ, отопленіи, освѣщеніи и казенной обстановкѣ, по 480, 360 и 400 руб., пользуясь и привиллегіями за службу, то существуютъ такіе несчастные труженики, что въ маленькихъ деревушкахъ перебиваются на жалованьѣ 10—12 р. въ мѣсяцъ и, чтобы существовать, должны отправляться въ каникулярное время на заработки на шведскій заводъ простыми рабочими или наниматься въ работники къ крестьянамъ.

Здѣсь кстати будетъ и упомянуть о положеніи духовенства, какъ служащаго также дѣлу просвѣщенія и дающаго, по преимуществу въ глухихъ мѣстахъ, такъ или иначе образованіе 989 дѣтямъ въ то время, какъ школы мин. народн. просвѣщенія имѣютъ ихъ только 449 чел. Если духовенство очень хорошо обставлено въ такихъ большихъ и богатыхъ селахъ, какъ Усть-Цыльма, Ижма, Можча или Сизябскъ, то положеніе его совсѣмъ иное въ другихъ мѣстахъ. Жизненныя условія и условія его службы здѣсь — тяжелы. Приходы обширны, и съ

требою лѣтомъ надо ѣхать лодкой сотни верстъ по быстрымъ и бурнымъ рѣкамъ, дѣлая противъ теченія не болѣе 30—35-ти верстъ въ день, ночуя на берегу, гдѣ миріады комаровъ не даютъ ни минуты покоя. Зимою дороги идутъ по глухой тайболѣ, гдѣ нѣтъ ни жилья, ни станцій, и гдѣ рискуешь на каждомъ шагу потерять здоровье, больше чѣмъ на половину край населенъ инородцами, а остальную половину составляютъ, большею частью, раскольники, и жить приходится особнякомъ, интересуясь только служебными и семейными дѣлами. Жизнь дорога, и изъ продуктовъ дешева развѣ только рыба. Самое же главное, что̀ дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ, это невозможность давать воспитаніе и образованіе дѣтямъ, и 9—10-ти лѣтняго ребенка приходится отправлять учиться за цѣлую тысячу верстъ, съ рискомъ при этомъ, что онъ не будетъ принятъ на конкурсномъ экзаменѣ даже въ духовное училище. Свидѣтелемъ подобнаго, поистинѣ возмутительнаго и жестокаго отношенія, какъ къ ребенку, его отцу, такъ и къ своему собрату со стороны учебнаго персонала, пришлось и мнѣ лично быть, когда ѣхавшій Ледовитымъ океаномъ сынъ псаломщика изъ с. Красноборскаго долженъ былъ отправиться обратно изъ Архангельска, и взявшій его на свое попеченіе священникъ с. Бугаева принужденъ былъ везти ребенка домой уже на собственныя средства, такъ какъ кромѣ 5 руб. и каравая хлѣба несчастный псаломщикъ ничего не могъ дать больше сыну на дорогу, въ полной надеждѣ, что учебное начальство во всякомъ случаѣ не заставитъ мальчика одного возвращаться за тысячу верстъ. Поневолѣ задумается всякій отецъ, поставленный въ такое положеніе, когда мате-

ріальныя жертвы на образованіе дѣтей требуются несравненно значительнѣе тѣхъ, которыя приносятся людьми, живущими ближе къ образовательнымъ центрамъ. Мало того, при опредѣленіи на должность, духовнымъ лицамъ не полагается никакихъ прогоновъ, ни подъемныхъ, и бывшему семинаристу, дьякону или псаломщику приходится иной разъ странствовать двѣ тыс. верстъ, пробираясь, гдѣ пѣшкомъ, гдѣ по пути со становымъ приставомъ или съ обратными лошадьми и лодками — Христа ради. Если онъ умретъ или потеряетъ здоровье раньше 35 лѣтъ, то самъ или семья его — живи какъ знаешь, ибо пенсіи тогда не полагается, а скопить средства среди старообрядческаго населенія — мудрено.

Положеніе духовенства въ Печорскомъ краѣ несравненно хуже положенія его въ Россіи, и справедливость требовала бы, чтобы и ему были присвоены тѣ привиллегіи, которыми пользуются другіе, хотя бы прогоны на поѣздку къ мѣсту служенія, право сокращенія срока выслуги на пенсію, пособіе на образованіе дѣтей и т. п.

Несмотря на благопріятную, воспріимчивую почву, которую встрѣчаетъ, повидимому, дѣло просвѣщенія народа въ Печорскомъ краѣ, несмотря и на относительно хорошо поставленныя въ нѣкоторыхъ селахъ школы, не слѣдуетъ обманывать себя и закрывать глаза на отрицательныя черты духовной жизни населенія. Въ сущности, народное образованіе находится и здѣсь въ очень жалкомъ положеніи, и благодаря тѣмъ громаднымъ разстояніямъ, на которыя школы отстоятъ другъ отъ друга, онѣ имѣютъ небольшое значеніе въ смыслѣ духовнаго развитія народа. Наконецъ, и сама школа, давая въ

видѣ только одного знанія грамоты и началъ ариѳметики лишь орудіе развитія, которое ни къ чему не прилагается, не можетъ измѣнить сама по себѣ всего строя понятій народа, слагавшихся путемъ долгой исторической преемственности, ибо тѣ новыя идеи, которыя были внесены въ народную жизнь реформами императора Александра II, Печоры не коснулись, и земскихъ учрежденій здѣсь не существуетъ. Если въ духовной жизни народа есть много привлекающихъ и положительныхъ чертъ, то есть и стороны обратныя, есть много давно отжившихъ, самыхъ нелѣпыхъ суевѣрій, низводящихъ его до уровня первобытнаго человѣка, который еще смотритъ на явленія и предметы природы, на весь окружающій міръ съ точки зрѣнія дикаря и язычника.

Нигдѣ, кажется, не распространены столь широко такіе остатки сѣдой древности, какъ вѣрованіе въ реальное существованіе массы злыхъ духовъ, нечистой силы, порчи, сглаза, оговора или колдовства,—какъ на Печорѣ. И нигдѣ, пожалуй, нѣтъ такого разнообразія суевѣрныхъ и фантастически-нелѣпыхъ средствъ лѣченія болѣзней, какъ здѣсь.

Колдунъ представляетъ неотъемлемую принадлежность печорской деревни и, какъ выражается церковная лѣтопись Пустозерска, „суевѣрій, волшебства и колдовства здѣсь непочатый уголъ“, а священникъ о. І. Михайловъ въ своей статьѣ („Епархіальныя Вѣдомости 1901 г.) свидѣтельствуетъ: „всевозможныхъ суевѣрій и предразсудковъ среди населенія — великое множество, и описывать ихъ въ подробностяхъ я нахожу здѣсь затруднительнымъ“. Всякій колдунъ, смотря по его силѣ, имѣетъ въ своемъ распоряженіи извѣстное количество

чертей: у иного ихъ бываетъ по парѣ, но бываетъ и десятка по два, а у нѣкоторыхъ и сотъ до двухъ. Если кто желаетъ обучиться у колдуна его искусству, то тотъ научивши способомъ, о которомъ сказано въ другомъ мѣстѣ, отдаетъ ученику въ его распоряженіе частичку чертей, а если обученіе происходитъ еще задолго до смертнаго часа учителя, то послѣ его смерти всѣ бѣсы передаются новому колдуну. Въ существованіи чертей можно убѣдиться и воочію. Такъ, одинъ крестьянинъ въ с. Усть-Кожвѣ, желая ихъ посмотрѣть, обратился съ просьбою къ колдуну, у котораго бѣсовъ было много. Пошли въ баню. Колдунъ, наговоривши, что̀ надо, и почитавши въ черной книгѣ, говоритъ: „Смотри черезъ мое лѣвое плечо въ озеро на воду“. Посмотрѣлъ тотъ и увидѣлъ разные огоньки—зеленые, желтые, красные.... Что было дальше, онъ не могъ объяснить, потому что сильно испугался и убѣжалъ домой. Нерѣдко колдуны крадутъ изъ тѣла матери ребенка, и этимъ, по преимуществу, занимаются колдуньи. Ночью является, и всегда черезъ трубу, „еретница“ съ распущенными волосами и блюдомъ въ рукѣ, на которомъ лежитъ ножъ. Иной разъ мать даже видитъ, какъ еретница вырѣзаетъ ребенка, но ничего не можетъ сдѣлать и даже пошевельнуться не въ состояніи. Вынутаго ребенка колдуны жарятъ и кушаютъ, а также имъ обкармливаютъ того, кого хотятъ испортить. То же самое дѣлаютъ со скотомъ и крадутъ у коровы еще не родившагося теленка, набивая вмѣсто него вѣники, тряпки и т. п., завернувши все въ синюю, преимущественно, нанковую тряпку.

Главный же вредъ отъ колдуновъ по всему Печорскому краю—это то, что они напускаютъ на женщинъ

„икоту“. Примѣровъ этому безчисленное множество и при томъ съ точными указаніями мѣстъ, лицъ и времени происшествія. Такъ, одна женщина въ деревушкѣ Нонбургѣ на Цыльмѣ ходила за водой, споткнулась и сказала „о, лембой съ тобой!“ (т.-е. чортъ съ тобой!), и въ нее вскочила икота: рветъ на себѣ волосы, кусается, царапается, бьется такъ, что трое-четверо сильныхъ мужиковъ не удержатъ. Только недѣли черезъ 2 — 3, когда пригласили колдуна, всячески ухаживали за нимъ, угощали и поили, онъ согласился снять порчу. Въ Сульскомъ выселкѣ Пустозерской волости, въ 1902 г., колдунъ, увидавъ, какъ одна женщина употребляетъ духи, попросилъ ихъ у нея. Раздраженный отказомъ, онъ напустилъ на нее такую икоту, которая пила бы духи, и передававшій этотъ случай торговецъ утверждалъ, что когда онъ предложилъ пришедшей за духами покупательницѣ вопросъ, для чего ей духи, сидѣвшая въ ней икота вдругъ страшнымъ голосомъ завопила: „духи буду пить, духи буду пить, давай духовъ“..., и пила духи дѣйствительно. Очевидецъ разсказываетъ также, какъ въ с. У.-Цыльмѣ колдунъ попросилъ женщину дать ему водки, и когда она не дала, онъ поставилъ на стаканъ пальцы и что-то проговорилъ. Раздались изъ стакана разные голоса, кричали, бранились, визжали... И посадилъ въ хозяйку колдунъ такую икоту, которая бы ѣла неочищенныя головы куропатокъ. И ѣла, гдѣ только находила,—въ грязи и на улицѣ.

Кромѣ икоты, о которой подробнѣе будетъ сказано ниже, колдуны напускаютъ также и „дикость“: напр., одинъ парень, окончивъ науку у колдуна, испортилъ свою сестру-дѣвушку такимъ способомъ. Поставилъ въ

сѣнцахъ заколдованную вершу и говоритъ: „принеси-ка мнѣ квасу“. Она вышла въ сѣни, а тамъ порча: случился испугъ, верша показалась за покойника. Вбѣжала она въ избу, кричитъ: „Артамонычъ у насъ въ сѣнцахъ!“ Артамонычъ съ недѣлю какъ умеръ. Стала дѣвушка безумной и все лѣто дичала: бѣгаетъ за курами, кричитъ: „бѣленькія, красненькія, синенькія, рветъ на себѣ одежду, складываетъ и поетъ пѣсни. Отецъ съ матерью были люди богобоязненные, возили ее по монастырямъ: отецъ съ кнутомъ рядомъ стоитъ, грозитъ и заставляетъ молиться, служили все молебны объ изгнаніи нечистаго духа, міро изъ трехъ церквей давали и дѣлали все, что̀ нужно, до самой осени, пока дѣвушка не поправилась.

Колдунъ можетъ также напустить и разныя болѣзни— лишаи, прыщи, грыжи, вѣтряную, костяную, сосцовую, мокрую... и другія страданія.

Вѣра въ домовыхъ, водяныхъ, лѣшихъ и въ существованіе, вообще, всякой нечистой силы очень распространена. И, напр., въ баню можно ходить только въ свое время: обыкновенно идутъ сперва мужики, потомъ бабы, а послѣ бабъ никто уже не ходитъ, потому что моются въ банѣ черти или, какъ въ ижемскихъ селахъ этотъ сортъ чертей называется „гуреньки“. Въ подтвержденіе приводился фактъ, что во время нашего пребыванія въ У.-Цыльмѣ, одинъ старикъ пошелъ въ баню, и черти его тамъ задавили на-смерть.

Легче всего, какъ извѣстно, испортить во время свадьбы и для предохраненія отъ этого въ Кулемѣ, напр., молодымъ надѣваютъ подъ платье сѣть [1]) и иной разъ,

[1]) Въ Шенкурскомъ уѣздѣ такая сѣть въ видѣ пояса надѣвается

кто этого не захочетъ дѣлать, даже насильно. Предполагается, что для того, чтобы порча подѣйствовала, дьяволъ долженъ развязать всѣ узлы сѣти, и чѣмъ больше ихъ будетъ, тѣмъ это сдѣлать труднѣе. Съ тою же предохранительною цѣлью вкалываютъ 9 булавокъ въ платье невѣсты, но такъ, чтобы ихъ совсѣмъ не было видно [1]).

Для предохраненія отъ колдовства существуетъ также много заговоровъ и заклинаній, приноровленныхъ къ разнымъ случаямъ: отъ „нечистаго духа“, отъ „сглазу“ и „испуга, отъ „окаяннаго дьявола“, „волшебника и волшебницы“, „колдуна и колдуницы“. „вѣдуна и вѣдуницы“, „порчельника“, „лихоглазаго“, „лихозубаго“, „богоотступника“, „лихошерстнаго„ и пр. Они имѣютъ тотъ же характеръ, что и заговоры отъ болѣзней, о которыхъ говорится дальше, и содержатъ смѣсь языческихъ молитвъ съ призываніемъ имени Божьяго, его угодниковъ ангеловъ, которые гоняются грозно и пылко за нечистыми духами, убѣгающими на свои старыя, на прежнія жилища подъ скрипучее дерево или подъ холмъ. „Стану я, рабъ Божій, благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ двора воротми, въ чистое поле, поклонюсь, помолюсь Господу Іисусу Христу и святымъ архангеламъ и ангеламъ Михаилу и Гавріилу, шестикрылымъ херувимамъ и серафимамъ и евангелистамъ:

передъ вѣнцомъ и жениху и невѣстѣ. Изготовленіемъ поясковъ въ широкихъ размѣрахъ занимаются въ Шенкурскомъ женскомъ монастырѣ, разъѣзжающія по деревнямъ монахини которыя продаютъ эти издѣлія по 10—50 к. за поясъ. При продажѣ, конечно, разъясняется значеніе и сила этихъ издѣлій монастыря.

[1]) Совершенно тотъ же обычай существуетъ въ Ярославской губ., гдѣ жениха обвязываютъ сѣтями и обкалываютъ подолъ невѣсты иголками и булавками. (Д-ръ Г. Поповъ „Русская народно-бытовая медицина 1903 г.“).

Матвѣю, Марку, Лукѣ, Іоанну Богослову, какъ васъ боится демонская сила, и какъ смущаетъ небесная стрѣла молнія и громъ, такъ бы мои заговоры и приговоры были бы сильны и крѣпки, и какъ наши родители въ землѣ лежатъ, не чуютъ звона колокольнаго, ни пѣнія церковнаго, и стоялъ бы крѣпокъ сей заговоръ во всякое время до будущаго вѣка во вѣки. Аминь“ [1]).

Вотъ другой заговоръ на ту же цѣль. „Стану я, рабъ Божій, благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ двора воротми въ чистое поле, подъ утренней зарей, къ истинному Богу Саваофу и святымъ Архангеламъ Михаилу и Гавріилу и Евангелистамъ Матвѣю, Марку, Лукѣ, Іоанну Богослову, создай Господь грозную тучу, каменную, темную, огненную и пламенную. И спустилъ Господь царя грома и царицу маланію; царь громъ грянулъ, а царица маланія огненное пламя спустила, молнія освѣтила, разскакалась, разбѣжалась и сколь она грозно и пылко ни ярко и приничиво дьявола изгоняетъ и нечистаго духа демона и мамонта насыльнаго и нахожаго у меня—раба Божія изъ двора изгоняетъ, а такъ бы раба Божія Георгія проклятый дьяволъ и нечистый духъ демонъ и мамонтъ насыльный и нахотій устрашился и убоялся, и всякіе нечистые духи разскакались и разбѣжались и во-свояси, водяной въ воду, а лѣсной въ лѣсъ подъ скрипучее дерево подъ корень и вѣтряной подъ кустъ и подъ холмъ, а дворовый мамонтъ насыльный и нахотій и проклятый дьяволъ и нечистый

[1]) Приводимые здѣсь заговоры частью взяты изъ числа собранныхъ г. Ефименкомъ въ его этнографическихъ трудахъ по Архангельской губ., частью записаны лично. Безчисленное количество заклинаній, оберегъ, подходовъ и т. п. могутъ быть найдены въ изданіяхъ Архангельск. Статист. Ком-та.

духъ демонъ на свои, на старыя на прежнія жилища, и какъ Господь умудрилъ слѣпцовъ, меня и на нечистыхъ духовъ также трепетны были бы нечистые духи отъ меня, раба Божія. И какъ наши родители въ землѣ лежатъ, не чуютъ звона колокольнаго, ни пѣнія церковнаго, и такъ бы сіи мои заговоръ и приговоръ сталъ бы крѣпокъ и силенъ во всякое время до будущаго вѣка во вѣки. Аминь".

Это смѣшеніе христіанскихъ понятій съ поэтическими воззрѣніями славянъ на природу повторяется и въ колдовскихъ заговорахъ, съ тою лишь разницею, что обращеніе уже направлено къ злой силѣ, и къ такимъ христіанскимъ обычаямъ, какъ огражденіе себя крестнымъ знаменіемъ или хожденіе обычнымъ путемъ черезъ дверь— отношеніе отрицательное. Вотъ, напр., заговоръ на раздоръ, который колдунъ наговариваетъ на воду или на съѣстное. „Стану я не благословясь, пойду не перекрестясь изъ избы не дверьми, изъ воротъ не въ ворота, выйду подпольнымъ бревномъ и дымнымъ окномъ въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ бѣжитъ рѣка черная, а по той рѣкѣ черной ѣздитъ чортъ съ чертовкой, а водяной съ водяновкой на одномъ челнѣ не сидятъ, въ одно весло не гребутъ, одной думы не думаютъ и совѣтъ не совѣтуютъ. Такъ бы рабъ Божій Александръ съ рабой Божіей Натальей на одной бы лавкѣ не сидѣли, одной бы думой не думали, одного бы совѣта не совѣтовали. Собака бѣла, кошка сѣра,—одинъ змѣиный духъ. Ключъ и замокъ словамъ моимъ".

Впрочемъ, и въ колдовскихъ заговорахъ нѣтъ иногда нужды отрицать имя Божіе или крестное знаменіе, и этотъ переходъ отъ языческихъ молитвъ къ христіан-

скимъ виденъ въ заговорѣ на такое уже не столь нечистое дѣло, какъ „присушиваніе“. „Стану я, раба Божія Надежда, благословясь, пойду перекрестясь изъ дверей дверьми, изъ воротъ въ ворота. Выйду на широкую улицу, поклонюсь, покорюсь утренней зарѣ. Выйду я, раба Божія Надежда въ чистое поле; въ чистомъ полѣ стоитъ печь кирпичная, топятся дрова сосновые жарко и палко, такъ у раба Божія Владиміра сердце горѣло и кипѣло о рабѣ Божіей Надеждѣ, такъ не могъ рабъ Божій Владиміръ ни жить, ни быть, ни часу часовать, безъ рабы Божій Надежды и ночи ночевать, ни думы думать, ни хлѣба и соли кушать, ни воды пить. Такъ бы горекъ сердцемъ рабъ Божій Владиміръ о рабѣ Божіей Надеждѣ, такъ ни быть, ни жить безъ рабы Божіей Надежды, какъ днемъ по солнцу, по ночамъ — по частымъ мелкимъ звѣздамъ, которыхъ слова недоговорныя будьте послухомъ, помогомъ, будьте слова крѣпки и забористы. Аминь [1]).

Какъ ни странна для насъ вѣра въ порчу и проявленіе нечистой силы, но она имѣетъ, однако, въ своей основѣ совершенно реальные факты, которымъ народное наблюденіе дало лишь демонологическое объясненіе, явившееся результатомъ того отсутствія положительныхъ знаній и невѣжества, въ которомъ народъ находится до настоящаго времени.

Факты несомнѣннаго вліянія, которое одинъ человѣкъ можетъ имѣть при опредѣленныхъ условіяхъ на другого, извѣстные подъ именемъ гипнотизма или внушенія

---

[1]) При этомъ надо взять слѣдъ отъ ноги присушиваемаго и вынутую землю сушить въ мѣшечкѣ; по мѣрѣ высыханія земли, сохнетъ отъ любви и испорченный.

и которые долго отвергались наукой, точно установлены теперь такими авторитетами, какъ Ліебо, Шарко, Бернгеймъ, Ш. Ришэ и др. Народное наблюденіе давно уже подмѣтило эти факты внушенія и самовнушенія и нельзя не согласиться со словами д-ра Г. Попова, который въ своей чрезвычайно интересной работѣ „Русская народно-бытовая медицина“ говоритъ: „Безъ сомнѣнія и въ народномъ ученіи о порчѣ грубые предразсудки и суевѣрія должны быть отдѣлены отъ того, что составляетъ факты вѣрнаго наблюденія. Съ этой стороны народныя вѣрованія въ порчу представляютъ широкую и благодарную почву для изслѣдованія со стороны врачей. Эти изслѣдованія представляютъ интересъ не только въ бытовомъ отношеніи, но они и вырабатываютъ и тѣ своеобразные методы, которые должны быть положены въ основу лѣченія этихъ видовъ заболѣваній. Земскіе врачи, мало индивидуализируя съ народной точки зрѣнія подобнаго рода заболѣванія, примѣняютъ къ нимъ почти исключительно лѣкарственную терапію. Лишь въ самое послѣднее время начинаютъ дѣлать попытки такой индивидуализаціи съ примѣненіемъ пріемовъ врачебнаго внушенія“ [1]).

---

[1]) Слово икоту напускать. „Снять съ шеи крестъ, положить въ сапоги подъ пяту, продержать полсутки, говорить слова:

„Отрекаюсь Бога и животворящаго Его Креста, отдаю себя въ руки дьяволамъ“. Шептать въ соль, упоминая имя человѣка, коему зло намѣренъ сдѣлать: „пристаньте сему человѣку скорби, подъ названіемъ икоты, трясите и мучьте (имя рекъ) до окончанія жизни“. Послѣ, вынувши изъ сапога крестъ, повѣсить на спину, въ то время будутъ дьяволы у тебя; помѣшкавъ сутки, перемѣнить, по обыкновенному, на передъ, тогда дьяволы отъ тебя отойдутъ, а будутъ мучить того, на кого сіе учинишь. Соль же бросить на дорогу или въ другое мѣсто, коимъ тотъ человѣкъ ходитъ, съ приговоромъ: „какъ

Относительно другихъ сторонъ жизни на Печорѣ, могущихъ имѣть вліяніе на состояніе здоровья, слѣдуетъ отмѣтить то, что здѣсь большею частью къ заболѣвшему члену семьи относятся внимательно, заботливо и стараются облегчить его страданія, какъ могутъ и умѣютъ: протопятъ для него баню, попарятъ, натрутъ саломъ, уложатъ и напоятъ пуншемъ изъ горячаго чая съ водкой, а кто можетъ, то и съ ромомъ, ставятъ горчишники или спускаютъ испорченную руду (кровь), приставляя для этого рожки и просѣкая потомъ имѣющимся для этого инструментомъ, нерѣдко, правда, и очень тупымъ. Больного угощаютъ пряниками, киселями и вообще кушаньями получше, а сосѣди, нерѣдко издалека, приносятъ что-нибудь вкусное, уговаривая ласково больного отвѣдать: „покушай, батюшка, я тебѣ здоровья принесла“.

Русское населеніе въ Печорскомъ краѣ носитъ обычную крестьянскую одежду съ незначительными видоизмѣненіями и одѣваются, вообще говоря, опрятно, а по праздникамъ и щеголевато. Употребленіе лаптей здѣсь совершеннно неизвѣстно, и всѣ имѣютъ обувь кожаную, при чемъ при отправленіи на промыслы надѣваютъ родъ непромокаемыхъ мягкихъ, очень высокихъ сапогъ, называемыхъ „бахилы“. Ижемцы же носятъ одежду, которая

будетъ сохнуть соль сія, такъ сохни и имя рекъ. Отступите отъ меня дьяволы, а приступите къ нему. И невдолгѣ сходить, соль ту разрыть и сказать: „поди, дьявольщина, отъ меня прочь“.

И тогда злой духъ (икота) начнетъ мучить того человѣка.

(Выписано П. С. Ефименкомъ изъ дѣла Пинежскаго уѣзднаго Суда 1815 г. о признавшемся чародѣѣ въ напускѣ болѣзней, подъ названіемъ икотъ, крестьянинъ Пильегорской волости Михаилъ Чупаревъ. Апрѣля 13 дня 1815 г. по генеральной описи подъ № 985).

мало чѣмъ отличается отъ одежды мѣщанъ или мелкихъ торговцевъ средней полосы Россіи. Впрочемъ, вмѣсто сапогъ тѣ, кто бѣднѣе надѣваютъ туфли изъ оленьей кожи при высокихъ разнаго цвѣта толстыхъ шерстяныхъ чулкахъ. Въ самой Ижмѣ и сосѣднихъ богатыхъ селахъ развито и даже въ сильной степени щегольство: ходятъ въ пиджакахъ, шляпахъ, большею частью котелками и носятъ щиблеты или какъ ихъ всюду въ Архангельской губерніи называютъ „камаши“. Среди женщинъ существуютъ даже моды и если какая-нибудь сошьетъ себѣ кофточку новаго фасона, то и другой надо сдѣлать по модному. Въ У.-Цыльмѣ лѣтъ 10 тому назадъ одна женщина завела себѣ глубокія резиновыя калоши; это вошло въ моду, и теперь всѣ носятъ ихъ въ сухую погоду, какъ праздничную блестящую обувь, надѣвая калоши прямо на чулки. Мода эта распространилась по всей Печорѣ, и всякій щеголь обязательно носитъ блестящія калоши по праздничнымъ днямъ. Женщины любятъ обшивать свою одежду по швамъ цвѣтными канатами и другими украшеніями, а во время гуляній, въ русскихъ селеніяхъ напр. въ У.-Цыльмѣ одѣваютъ старинныя парчевыя одежды, опушенныя соболемъ и дорогими мѣхами, на голову надѣваютъ кокошникъ, на шею массу старинныхъ цѣпей и крестовъ. Словомъ, получается старинный боярскій костюмъ русской боярыни или боярышни, какого нигдѣ нельзя встрѣтить теперь въ русской деревнѣ и которому только не соотвѣтствуютъ, надѣтыя на ноги, глубокія резиновыя калоши. Всюду на Печорѣ женщины одѣваются очень хорошо, и въ праздничные дни на нихъ можно видѣть не только хорошіе ситцы или сатинеты, а шелкъ, бархатъ, дорогое сукно или драпъ. Такая рос-

кошь въ одеждѣ, какъ мужского, такъ особенно женскаго населенія объясняется, однако, очень просто: все населеніе Печоры находится съ незапамятныхъ временъ въ долгу у чердынскихъ скупщиковъ-торговцевъ, которые, ведя мѣновую торговлю, отпускаютъ въ кредитъ предметы первой необходимости и особенно хлѣбъ не иначе, какъ при условіи забора въ кредитъ же предметовъ роскоши—шелковъ, платковъ, бархата, суконъ, дорогихъ ситцевъ и всевозможныхъ сластей, а также чая и сахара. Сбавляя, въ виду конкуренціи не такъ давно устроенныхъ правительственныхъ хлѣбныхъ складовъ, цѣны на предметы первой необходимости, они возмѣщаютъ потерянное на нихъ—цѣнами на другіе предметы.

Въ холодное время всѣ, и мужчины и женщины—носятъ сверхъ одежды такъ называемый „савикъ“, похожій на широкую женскую рубашку съ рукавами и капюшономъ, и сшитый изъ сукна, драпа или бобрика и опять цѣною 1 р. 25 коп. 1 р. 80 к. и дороже за аршинъ. При этомъ мужчины, по примѣру самоѣдовъ, почти никогда не надѣваютъ на голову капюшона, или развѣ въ особо исключительныхъ случаяхъ, и обыкновенно ходятъ съ непокрытой головой. Только лѣтомъ отъ комаровъ, они повязываютъ голову ситцевымъ женскимъ платкомъ, такъ какъ въ накомарникахъ дышать трудно. Зимою всѣ носятъ заимствованную отъ самоѣдовъ безконечно-теплую одежду, состоящую изъ савика, сшитаго изъ оленьей кожи шерстью внутрь, сверхъ котораго надѣвается, по здѣшнему „малица“, сдѣланная также, какъ и савикъ, шерстью наружу и также сшитая изъ оленя. На ноги мѣховые оленьи чулки, шерстью внутрь, и сверху „пимы“ изъ „Камусовъ“, т.-е. кожи

съ голеней оленя—шерстью наружу. На голову—оленья шапка или мѣховой капоръ малица, а на руки — рукавицы.

Въ концѣ надо упомянуть о томъ отношеніи, толкахъ и разговорахъ, которые вызвала наша санитарная экспедиція съ осмотромъ жилищъ, разспросами о разныхъ сторонахъ жизни и лѣченіемъ желающихъ. Это отношеніе также нѣсколько характеризуетъ культурный уровень населенія. На Печорѣ всякаго рода научныя экспедиціи бывали нерѣдко, хотя до сихъ поръ онѣ носили особенно спеціальный характеръ — геологическій, этнографическій, гидрологическій и др. Такъ, въ одномъ Пустозерскѣ напр. въ 1892 г. была ихтіологическая экспедиція Мин. Госуд. Имуществъ; въ 1901—1902 г. производилъ этнографическія изслѣдованія членъ Географич. об. г. Ончуковъ; въ 1896—98 г. жилъ художникъ г. Борисовъ; была здѣсь и экспедиція по изученію дѣйствія сибиреязвенныхъ прививокъ на оленей и др. Поэтому и въ населеніи, привыкшемъ къ посѣщеніямъ, и санитарное изслѣдованіе не возбудило особыхъ разговоровъ и толковъ, по крайней мѣрѣ замѣтныхъ, какихъ можно было бы ждать въ такомъ глухомъ краю. Обычныхъ во всякой русской деревнѣ толковъ объ Антихристѣ или о новыхъ налогахъ не было совсѣмъ, и наиболѣе распространенныя предположенія о цѣли разспросовъ были таковы. Шведы, а по мнѣнію другихъ финляндцы, которымъ стало тѣсно жить на родинѣ, испросивши царское разрѣшеніе, послали своихъ развѣдчиковъ узнать, какъ живутъ на Печорѣ и можно ли найти удобныя мѣста для поселенія. Другіе полагали, что турки, съ которыми опять предполагается война,

посылаютъ своихъ шпіоновъ узнать о силахъ русскаго государства. Иные думали, что это члены тайной полиціи, посланные узнать, не притѣсняетъ ли народъ начальство, а въ Ижмѣ особенно сильно распространено было мнѣніе, что правительство желаетъ провѣрить справедливость тѣхъ неблагопріятныхъ о зырянахъ отзывовъ, что были высказаны о. Василіемъ Новиковымъ въ статьѣ, помѣщенной въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1902 г. Вниманіе старообрядцевъ также было возбуждено изслѣдованіемъ, и съ р. Пижмы, центра старообрядчества, къ намъ явилась депутація изъ трехъ лицъ со старикомъ-начетчикомъ во главѣ для выясненія вопросовъ о старой вѣрѣ и уѣхала обратно съ просьбою передать Государю Императору, что они вѣрные его подданные, противъ воли Его не идутъ, но что Никонъ—проклятый еретикъ, и въ единовѣрческую церковь, которую старообрядцы сначала посѣщали, они не ходятъ, йбо ихъ обманули, начали опять служить по новымъ книгамъ, а единовѣрческій священникъ сталъ служить и въ православномъ храмѣ. Среди ижемцевъ очень распространено было также убѣжденіе, явившееся вслѣдствіе, съ одной стороны,—нашего незнанія языка, а съ другой—какъ результатъ предписанія, разосланнаго начальникомъ губерніи, контръ-адмираломъ Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ, объ оказаніи экспедиціи возможнаго содѣйствія.

Въ с. Красномъ Бору, давая наставленіе больному, страдающему воспаленіемъ почекъ, я упомянулъ о томъ, что отъ брайтовой болѣзни погибъ и покойный императоръ Александръ III. Отставной солдатъ, служившій переводчикомъ, передавая мои слова, очевидно, сдѣлалъ

собственныя добавленія, и въ слѣдующей деревнѣ стало уже извѣстно, что съ нами ѣдетъ докторъ, который лѣчилъ самого Царя. Видоизмѣняясь впослѣдствіи и особенно подъ вліяніемъ того, что въ каждой ижемской деревушкѣ десятскіе и сотскіе являлись къ намъ въ парадныхъ костюмахъ съ предложеніемъ услугъ, толкованіе это превратилось въ предположеніе, что съ нами путешествуетъ одинъ изъ членовъ царской фамиліи— инкогнито.

Не обошлось, конечно, и безъ подозрѣній на колдовство, и въ Кулемѣ старухи, убирая съ улицы свои постели изъ оленьей шкуры, одной изъ которыхъ заинтересовался участникъ экспедиціи, объясняли потомъ учителю: „Вѣрь только имъ! Они наговорятъ тебѣ! Вотъ ветеринаръ недавно прививалъ оспу отъ сибирской язвы, говоритъ, что все для пользы, а смотри лошадь у писаря и пропала! Икоту бы не напустили!“

Но всѣ неблагопріятные толки не имѣли обширнаго распространенія, а существовавшіе скоро стихали, чему особенно способствовала выдача лѣкарствъ и бесѣды съ больными, дававшія возможность стать въ близкія отношенія. Во всякой деревнѣ они быстро устанавливались на дружеской ногѣ, чему также и много способствовалъ духъ гостепріимства, необычайно развитой по всей Печорѣ. Бывшія, по пріѣздѣ въ У.-Цыльму, опасенія встрѣтить дурной пріемъ со стороны старообрядцевъ совершенно не оправдались. Встрѣтившіяся было сначала шероховатости быстро сгладились, и почтеннѣйшіе съ заплетенными сѣдыми бородами старцы не только угощали меня чаемъ, котораго сами не пьютъ, но показывали свои, уставленныя старинными иконами моленныя,

книги временъ патріарховъ, изображеніе птицы Сиринъ, которая такъ сладко поетъ, что услышавшій идетъ за нею „дондеже не умретъ“, или вопросы и отвѣты, разрѣшающіе различные вопросы духовной жизни. Даже самый способъ, коимъ необходимо молиться по старинному съ объясненіемъ, когда и сколько и какъ слѣдуетъ

Депутація отъ старообрядцевъ съ р. Пижмы.

бить поклоны, убѣленный сѣдинами старецъ демонстрировалъ передо мною на практикѣ паденіе старой вѣры среди молодого поколѣнія, которое не только пьетъ чай и даже потихоньку начинаетъ курить табакъ, но начинаютъ вѣнчаться въ церкви, хоронить у священниковъ, уступая требованію полиціи, и отдавать дѣтей въ цер-

ковную школу. Хотя депутація, пріѣхавшая съ Пижмы, не сошлась со мною въ вопросахъ о томъ или иномъ перстосложеніи, хожденіи посолонь, исправленіи богослужебныхъ книгъ, а также въ мнѣніи объ еретикѣ Никонѣ, но разстались мы настолько дружественно, что я получилъ приглашеніе пріѣхать на Пижму, гдѣ было обѣщано показать все и продолжить пренія о вѣрѣ. Къ сожалѣнію, побывать на Пижмѣ не пришлось.

Со стороны администраціи, служащихъ въ различныхъ учрежденіяхъ, священниковъ или торговцевъ экспедиція всюду встрѣтила самый радушный пріемъ и готовность помочь, и единственнымъ является случай, когда представитель народнаго просвѣщенія отказался дать просимыя свѣдѣнія, ссылаясь на циркуляръ, воспрещающій это.

Можно только сожалѣть, что короткость времени и ограниченность средствъ не позволили добыть намъ болѣе точныя свѣдѣнія о краѣ.

IV. Экономическія условія населенія.

Неблагопріятныя для земледѣлія условія климата и почвы и обиліе, съ другой стороны, рыбныхъ и лѣсныхъ богатствъ даютъ экономической дѣятельности населенія, главнымъ образомъ, промысловый характеръ и земледѣліе распространено, и то лишь какъ подспорье промысламъ, только въ болѣе южныхъ частяхъ Печорскаго края; въ остальныхъ же мѣстахъ по суровости климата оно невозможно. Но и тѣ мѣстности, гдѣ имъ занимаются, не могутъ считаться удобными для земледѣлія, какъ по недостатку удобной почвы, такъ и по скудости урожая, уничтожаемаго, при томъ, очень часто ранними морозами. Такъ, напр., по указанію „Обзора Архангельской губерніи“ за 1901 г., въ этомъ году, бывшими 6, 18, 19 и 25 августа морозами, были повреждены хлѣба на пространствѣ 127 десятинъ, отчего населеніе понесло убытка на 5800 руб. Нерѣдко также хлѣба задерживаются холодной погодой въ своемъ ростѣ, не успѣваютъ доспѣть, снимаются съ полей недозрѣвшими и въ такомъ недозрѣвшемъ видѣ идутъ не только на продовольствіе, но и на обсѣмененіе полей. Хлѣбопашецъ получаетъ

здѣсь, обыкновенно, скудный урожай самъ 3 —3 1/2, рѣдко самъ 4—4 1/2.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ посѣяно и собрано было:

	Посѣяно.		Собрано.		Степень урожая.	
Года.	Ржи.	Ячменя.	Ржи.	Ячменя.	Ржи.	Ячменя.
	четвертей.					
1897	134	4.558	288	10.459	2	2 1/2
1898	125	4.379	406	16.174	3 1/4	3 2/3
1899	71	4.441	104	10.712	1 1/2	2 1/2
1900	101	4.396	235	12.740	2 1/3	2 9/10
1901	109	4.096	457	16.323	4 1/5	4

Главный родъ хлѣба, который сѣютъ по Печорѣ—ячмень или, какъ его здѣсь называютъ, жито. Рожь сѣется въ незначительномъ количествѣ, какъ видно это изъ приведенной таблицы. Вслѣдствіе короткаго лѣта ранній посѣвъ есть главнѣйшее условіе успѣха урожая, но и онъ задерживается часто также морозами, и посѣвы ячменя начинаются, обыкновенно, въ первыхъ числахъ іюня, рѣдко въ концѣ мая, а рожь сѣютъ большею частью въ августѣ или концѣ іюля. При благопріятной погодѣ ячмень созрѣваетъ въ 8 и 9 недѣль, обыкновенно же для этого требуется отъ 9 до 10 недѣль.

Жатва начинается въ концѣ іюля или началѣ августа, и очень нерѣдко, благодаря ночнымъ морозамъ, жители снимаютъ съ корня хлѣбъ недозрѣвшимъ. Дозрѣваетъ онъ впослѣдствіи на солнцѣ, для чего его развѣшиваютъ въ снопахъ на жердяхъ. Молотьба происходитъ обыкновенно на открытомъ воздухѣ, а мелютъ зерно или на водяныхъ, а большею частью на первобытнаго устройства ручныхъ мельницахъ, о которыхъ было уже упомянуто.

Для обсѣмененія полей крестьяне не имѣютъ собственныхъ запасовъ и получаютъ для этой цѣли зерно или изъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ, или, въ виду обычной недостаточности здѣсь его (по указанію „Обзора Архангельской губерніи, 1901 г., нормальное количество хлѣба, которое должно находиться въ сельскихъ магазинахъ—озимыхъ 56.176 и яровыхъ 24.577,—состояло же къ 1 января 1901 г.—озимыхъ 0 и яровыхъ 13.390 пудовъ), изъ казенныхъ продовольственныхъ складовъ за плату и въ ссуду. Но качество тѣхъ и другихъ сѣмянъ далеко не всегда бываетъ хорошимъ, благодаря чему хлѣбъ не родится также и по этой причинѣ. Мѣстный хлѣбъ, какъ сказано, благодаря раннимъ заморозкамъ, часто собираютъ съ полей недозрѣвшимъ; онъ дозрѣваетъ уже на огородахъ, и плохое состояніе посѣвовъ объясняется также тѣмъ, что поля засѣваются сѣменами минувшаго года, мало пригодными для своей цѣли. Зерно, выдаваемое изъ комитетскихъ магазиновъ, также не всегда бываетъ удовлетворительно, такъ какъ старанія продовольственнаго комитета пріобрѣтать зерно изъ губерній, подходящихъ по климату къ Архангельской губ., не всегда удаются, вслѣдствіе недобросовѣстности поставщиковъ. Попытка же мѣстной администраціи поручить закупку хлѣба самимъ выборнымъ отъ крестьянскихъ обществъ, сдѣланная въ одномъ изъ уѣздовъ Архангельской губ., не нашла поддержки.

Если даже въ урожайные годы населенію недостаетъ собственнаго хлѣба настолько, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напр., по р. Ижмѣ, употребленіе голоднаго хлѣба представляетъ обычное явленіе, то въ годы неурожая, которые повторяются среднимъ числомъ

отъ 3 до 5 разъ въ каждыя 10 лѣтъ, оно терпитъ отъ голода, а отсутствіе путей сообщенія порождаетъ большую дороговизну хлѣба. Такое положеніе дѣлъ и побудило правительство къ устройству въ различныхъ частяхъ уѣзда продовольственныхъ складовъ, гдѣ хлѣбъ есть всегда, доставляемый ежегодно на пароходахъ или зимою на лошадяхъ. До устройства этихъ складовъ весь хлѣбъ на Печору доставлялся торговцами изъ г. Чердыни сплавомъ, и цѣна на него зависѣла исключительно отъ произвола чердынцевъ. Ставя населенію Печоры хлѣбъ и необходимые товары по невозможно-высокой цѣнѣ, напр., муку 2 р. и 2 р. 50 к. за пудъ, сахаръ 40 к. и 50 к. фунтъ, чердынцы въ то же время брали у него въ обмѣнъ всѣ продукты его промысловъ по самымъ низкимъ цѣнамъ. Торговля велась и до сихъ поръ еще ведется въ кредитъ, и печорецъ издавна состоитъ въ неоплатномъ долгу у чердынскихъ торговцевъ, скупщиковъ.

Итакъ, хлѣбопашество въ Печорскомъ краѣ можно считать совершенно ничтожнымъ, да и сама площадь, занятая хлѣбами, настолько мала по сравненію со всей площадью уѣзда, что даже оффиціальный „Обзоръ Архангельской губерніи“ считаетъ уже необходимымъ указать на то обстоятельство, что изъ 25.931.000 дес., числящихся въ уѣздѣ, въ концѣ августа 1901 года 127 десятинъ были повреждены заморозками. Что же касается до цѣнности земледѣлія, то занятіе имъ въ 1900 году дало 12.975 четв. хлѣба (ржи 235 четв. и ячменя 12.740 четв.) Изъ нихъ, по расчету статистическаго комитета, необходимо отложить на посѣвъ: ржи 111 четв., ячменя 4.766 четв , и на продовольствіе 37.074 четв. ржи и 18.537 четв. ячменя—всего 60.488 четв. Такимъ

образомъ, ясно, что земледѣліе не только не даетъ дохода населенію, но въ результатѣ его получается отрицательная величина — 47.513. И это повторяется ежегодно. Промыслы за тотъ же 1900 годъ дали населенію печорскаго уѣзда валового заработка 290.590 рублей. Такъ какъ почва Печорскаго края можетъ давать урожаи только при усиленномъ удобреніи и при самой тщательной обработкѣ, то въ короткій періодъ сѣвернаго лѣта населеніе не можетъ обрабатывать значительнаго количества земли. Принимая еще во вниманіе, что суровость климата позволяетъ произрастать только малоцѣннымъ хлѣбамъ — ржи и ячменю, что даже и тѣ часто побиваются морозами, надо придти къ заключенію, что земледѣліе въ Печорскомъ краѣ будущности не имѣетъ.

Гораздо менѣе рискованнымъ дѣломъ является скотоводство, которое на Печорѣ можетъ имѣть гораздо больше распространенія, чѣмъ оно имѣетъ теперь. Кромѣ тѣхъ обширныхъ пастбищъ, по здѣшнему „пожней“, которыя расположены въ изобиліи по бассейну самой Печоры, ея притокамъ и по островамъ, существуетъ еще много заливныхъ луговъ, остающихся нерасчищенными отъ зарослей, и могущихъ прокормить значительное количество скота. Къ сожалѣнію, намъ не пришлось побывать въ верховьяхъ Печоры, гдѣ, по разсказамъ, существуютъ цѣлые обширные острова, совершенно пустынные, дающіе прекрасную сочную траву и пригодные для устройства цѣлыхъ образцовыхъ фермъ. Не могутъ быть также приведены цифры, которыя указали бы на количество земель, годныхъ подъ луга и пастбища, но остающихся еще не культурными. Такихъ цифръ не существуетъ, и никто не знаетъ, какое число десятинъ

пригодной земли есть въ запасѣ, какъ фондъ для будущаго, и всѣ соображенія о возможности заселенія Печорскаго края представляютъ собою почву, на которой воображеніе можетъ рисовать себѣ все, что угодно и въ какомъ угодно направленіи. Остается пока руководствоваться личными впечатлѣніями и, если основываться на нихъ, то надо согласиться скорѣе съ общераспространеннымъ мнѣніемъ, что годныхъ подъ пастбища земель въ Печорскомъ краѣ существуетъ много. Помимо обширныхъ пожней, расположенныхъ въ населенныхъ мѣстахъ уѣзда, лично мнѣ, во время поѣздокъ по глухимъ мѣстамъ и особенно по совершенно пустыннымъ верховьямъ р. Цыльмы, приходилось удивляться прекрасной луговой растительности, съ изобиліемъ такихъ кормовыхъ травъ, какъ клеверъ, эспарцетъ или костеръ безостный, и отказываться отъ школьныхъ понятій о нашемъ русскомъ Сѣверѣ, слишкомъ блѣдныхъ по сравненію съ дѣйствительностью. Растительность по берегамъ Цыльмы напоминаетъ скорѣе объ американскихъ преріяхъ, но сколько есть такихъ пожней, какъ далеко тянутся онѣ, никому неизвѣстно, ибо все пустынно и, кромѣ нѣсколькихъ рыболововъ, да кое-гдѣ одиноко стоящихъ поселковъ изъ 4 — 5 домовъ, никого не встрѣтишь.

Производить кадастръ земель, значило бы производить работу, которая потребовала бы массу силъ и огромныя средства. Только допущеніе крестьянъ къ полной свободѣ въ образованіи новыхъ поселковъ среди лѣсныхъ пустынь Печорскаго края могло бы устранить препятствія къ развитію здѣсь земледѣлія, скотоводства и культуры земель вообще. Немногіе, существующіе те-

перь выселки, вродѣ Омелино или Нонбурга, которыя я могъ посѣтить во время поѣздки по Цыльмѣ, отличаются благосостояніемъ не только потому, что промыслы лѣсныхъ звѣрей и дичи были у нихъ подъ рукою, но и потому, что они имѣютъ большое количество и скота. Въ Печорскомъ краѣ, среди цѣлаго обширнѣйшаго царства, состоящаго изъ сплошныхъ лѣсныхъ пустынь, которыхъ насчитывается отъ 8 до $10^1/_2$ милліоновъ десятинъ, разбросаны мелкими клочками маленькіе хутора и поселки, являющіеся зародышами будущихъ болѣе обширныхъ деревень и образовавшіеся въ старые годы. Но дальнѣйшее образованіе этихъ выселковъ, которые, отнимая отъ необходимыхъ лѣсныхъ пространствъ мѣста, пригодныя для земледѣлія и скотоводства, обращаютъ ихъ въ пашни. луга, пастбища и являются желаннымъ пріобрѣтеніемъ вообще для культуры, въ настоящее время остановлено. Всякая подчистка на пространствѣ, остающемся за надѣломъ, запрещена, и крестьянинъ, безъ особаго разрѣшенія и особой платы, не только не можетъ расчищать мѣста подъ пашни или пастбища для скота, но даже вырубить нужное ему бревно, охапку дровъ или взять гніющія на землѣ бревна, потому-что все это принадлежитъ казнѣ. Относительно пользованія лѣсомъ всюду приходилось и мнѣ слышать отъ крестьянъ только однѣ жалобы противъ тѣхъ порядковъ, которые установились особенно сильно за послѣдніе годы. Прежде, когда никакого лѣсного надзора не существовало, населеніе пользовалось лѣсомъ совершенно безпрепятственно. Изобиліе дарового строевого лѣса позволило ему выстроить себѣ просторныя, чистыя избы или, скорѣе, дома и имѣть въ изобиліи

топливо, а существовавшая, также въ старые годы, свобода передвиженія дала возможность заселить Печорскій край, какъ она повела, хотя и путемъ незаконнымъ къ заселенію, напр., богатой теперь Новороссіи. Такимъ-то способомъ образовались всѣ нынѣ населенные пункты Печоры. Впослѣдствіи, ради цѣлей полицейскаго благоустройства, былъ затрудненъ выходъ отдѣльныхъ лицъ изъ общины, и если до сихъ поръ еще открываются иногда совершенно неожиданно, неизвѣстные начальству поселки, какъ было, напр., открыто въ 1897 г. село Валбанъ на р. Усѣ, — то это бываетъ сравнительно рѣдко.

Также точно, на основаніи охраненія принципа государственной собственности, была проведена рѣзкая граница между землей, находящейся въ пользованіи крестьянъ, и милліонами казенныхъ лѣсовъ, и принципъ этотъ неуклонно проводится и теперь. Лѣсъ принадлежитъ казнѣ, которая ежегодно отпускаетъ въ распоряженіе даннаго общества опредѣленное количество деревъ, считая по 7 бревенъ на каждый дворъ. Эти 7 бревенъ отпускаются спеціально для ремонта жилищъ, и если крестьянину понадобится бревно сверхъ отпущенныхъ, онъ долженъ пріобрѣсти его не иначе, какъ по опредѣленной таксѣ, устанавливаемой ежегодно самимъ министерствомъ, получивъ особый билетъ отъ лѣсничаго, живущаго иной разъ за 300 или болѣе верстъ. Только по этому билету лѣсная стража отпускаетъ просимое, а такъ какъ такая процедура очень затруднительна, то крестьянину остается или пользоваться лѣсомъ безъ разрѣшенія, но съ рискомъ попасть подъ судъ, или жить въ полуразваливающихся холод-

ныхъ домахъ. На отопленіе отпускается отъ казны по 16 погонныхъ саж. на каждый домъ за небольшую плату. Хотя это, въ общемъ, достаточно, но тяжелымъ и непріятнымъ является то, что въ опредѣленное время появляются лѣсники, измѣряютъ, дѣйствительно ли срублено разрѣшенное количество саженей, и если окажется больше, то слѣдуетъ составленіе протокола, тасканіе къ мировому и штрафъ. Если лѣсъ рубится въ неуказанномъ мѣстѣ, то онъ точно также отбирается,—опять штрафъ и опять мировой. Лѣсъ, плывущій и пойманный въ рѣкѣ, считается также государственной собственностью, а выловившій его долженъ не только заявить и уплатить за него также по таксѣ, но, въ случаѣ сомнѣнія, и долженъ доказать, что не онъ самъ срубилъ этотъ лѣсъ. Въ случаѣ невозможности доказать это, ему грозятъ неизбѣжные протоколы, суды, штрафы, а при его несостоятельности—и тюремное заключеніе. Таковъ, именно, былъ случай въ Ижмѣ, гдѣ почтенный крестьянинъ, бывшій устроитель и попечитель ремесленной школы, получившій за свои труды медаль и благодарственное письмо отъ начальника губерніи, имѣлъ неосторожность выловить плывшія по рѣкѣ нѣсколько бревенъ. Даже поваленному бурей на землю лѣсу предоставляется лучше гнить, нежели, безъ уплаты положенныхъ опять по таксѣ денегъ, отпустить его крестьянину. Трудно перечислить всю ту массу формальностей и правилъ, которыми ограждается собственность казны, и достаточно будетъ сказать, что въ одной только Ижмѣ въ 1902 г. было составлено до 140 протоколовъ, по нарушенію лѣсопромышленныхъ правилъ [1]).

[1]) На постоянныя недоразумѣнія въ Арх. губ. между рубщиками

Всѣ эти стѣсненія, не дозволяя населенію распредѣляться съ нѣкоторою равномѣрностью по всему необозримому лѣсному пространству путемъ, какъ уже указано, образованія на удобныхъ мѣстахъ новыхъ земледѣльческихъ и скотоводческихъ поселеній, не могутъ, конечно, не отражаться и на санитарномъ состояніи селъ. Ими объясняется, почему жилища, выстроенныя въ старые годы, оказались при осмотрѣ въ гораздо лучшихъ, съ санитарной точки зрѣнія, условіяхъ, по сравненію съ избами новѣйшей постройки. Тѣ, которые не успѣли выстроить или достроить себѣ домовъ, до введенія новой системы надзора за лѣсомъ, не могутъ ихъ окончить и донынѣ, и должны или строить себѣ избушки, мало чѣмъ отличающіяся отъ избушекъ Воронежской, Курской или Тамбовской губ., или приспособляться какъ-нибудь. Такіе случаи встрѣчались мнѣ нерѣдко; особенно замѣчателенъ случай въ богатой хорошими постройками Ижмѣ, гдѣ совершенно непьющій, работящій и единственный во всемъ селѣ, занимающійся разведеніемъ такой рѣдкой здѣсь вещи, какъ капуста, крестьянинъ, за невозможностью купить лѣсъ, долженъ былъ кое-какъ приспособить для жилья свой сарай, гдѣ онъ и живетъ съ семьей въ гнилой, промерзлой и полуразвалившейся комнатѣ, имѣющей 7 арш. длины и ширины, а семьи 12 человѣкъ.

Всѣ эти ограниченія объясняются, конечно, заботами объ огражденіи лѣсовъ отъ истребленія и объ увеличеніи

и лѣсной стражей, нужду крестьянъ въ лѣсѣ и желательность предоставленія населенію права пользованія лѣсомъ безъ всякихъ ограниченій указываютъ какъ изслѣдователи края (инспекторъ сельск. хоз. и рыбныхъ промысловъ Данилевскій), такъ и мѣстная администрація (Обзоръ Арх. губ. 1901 г.).

отъ нихъ государственныхъ доходовъ. Что касается до перваго соображенія, то, при настоящей степени заселенности Печорскаго края, съ опасеніями о быстромъ лѣсоистребленіи едва ли можно согласиться. На обстройку новыхъ поселковъ строевого лѣса пойдетъ такое ничтожное количество, что останавливаться на этомъ нѣтъ нужды. Сбывать его пока некуда, и крестьяне могутъ имѣть нужду только въ лѣсѣ дровяномъ. Но изъ 37 тысячнаго населенія Печорскаго у., какъ видно это по оффиціальнымъ статистическимъ даннымъ, 10—11 тысячъ человѣкъ ежегодно, уходя изъ своихъ деревень на промыслы не могутъ имѣть прикосновенія, собственно, къ лѣсу. Изъ остающихся дома 26 — 27 тысячъ, по даннымъ переписи 1897 г. число дѣтей до 10 лѣтняго возраста и стариковъ свыше 60-ти лѣтъ опредѣляютъ въ 12.331 чел. Остающіяся 13—14 тысячъ должны заниматься лѣтомъ и осенью хлѣбопашествомъ, уборкою хлѣба, заготовленіемъ сѣна для скота, молотьбой, домашнимъ хозяйствомъ и пр., такъ что, собственно говоря, для лѣсоистребленія остается зимнее время съ его короткими днями, бурями и мятелями, глубокими снѣгами и, наконецъ, праздники. При такихъ условіяхъ трудно, конечно, предполагать, чтобы даже при самомъ безжалостномъ и безсмысленномъ истребленіи лѣса, при его 8 — 10-ти милліонахъ десятинъ, былъ причиненъ замѣтный уронъ лѣсу, который, даже при его медленномъ ростѣ на Печорѣ, превышалъ бы подростъ.

Наконецъ, какъ это видно по переписи 1897 г., число мужского и работоспособнаго населенія Печорскаго уѣзда (т.-е. въ возрастѣ отъ 20-ти до 60-ти лѣтъ) составляетъ 6976 чел., и, слѣдовательно, при 8 — 10

милліонахъ десятинъ лѣса на каждаго взрослаго мужчину приходится отъ 1146,7 до 1433,4 дес.

Надо скорѣе думать, что никакими усиліями человѣка еще на долгое время лѣса не могутъ быть уменьшены, и всякое охраненіе ихъ излишне.

Опасенія, что лѣсъ будетъ истребляться около опредѣленныхъ мѣстъ или поселеній, также вызываютъ сомнѣнія. Въ Печорскомъ краѣ пока не существуетъ никакихъ фабрикъ или заводовъ, которые грозили бы истребленіемъ лѣсовъ возлѣ мѣста своего нахожденія. Здѣсь лѣсъ можно рубить или подъ устройство новыхъ поселеній, т.-е. дѣлать подсѣки и, обращая золу тутъ же для удобренія, культивируя только почву для земледѣлія и скотоводства, или же для добыванія смолы, дегтя, скипидара и т. п. продуктовъ. Въ обоихъ случаяхъ лѣсъ не доставляется на мѣсто, а желающіе должны отправиться сами туда, гдѣ онъ растетъ, и по необходимости распредѣляться также съ извѣстной равномѣрностью по всѣмъ лѣснымъ пространствамъ.

Что же касается до соображеній объ извлеченіи изъ лѣса доходовъ для государства, то для послѣдняго будетъ, конечно, выгоднѣе, если въ его лѣсахъ будутъ расти и благоденствовать деревни, если отъ однойдвухъ избъ распространятся цѣлыя села, безъ существующихъ нынѣ расходовъ на содержаніе лѣсного надзора, если все будетъ проще, чѣмъ теперь, когда за одно срубленное дерево приходится платить по 6—7 р., считая всѣ протоколы.

Еслибы нѣсколько столѣтій тому назадъ вырубка лѣса, напр., въ бассейнѣ Волги или другихъ мѣстахъ была обставлена нынѣ существующими на Печорѣ лѣ-

соохранительными правилами, а передвиженіе населенія такими же стѣсненіями, то можно смѣло сказать, что до нашихъ дней вся средняя Россія представляла бы собою нынѣшній Печорскій край, съ его лѣсными пустынями, кое-гдѣ разбросанными поселеніями, и торговала бы, какъ говоритъ лѣтописецъ, воскомъ, медомъ и звѣриными шкурами.

Новозможно, руководясь соображеніями теоретическо-отвлеченнаго характера, подводить хозяйственную жизнь огромной страны подъ одни и тѣ же принципы. То, что своевременно, хорошо, полезно и имѣетъ свое значеніе въ средней Россіи—вредно въ Печорскомъ краѣ, и формальное примѣненіе здѣсь лѣсоохранительныхъ правилъ едва ли разумно. На Печорѣ наступитъ еще для нихъ свое время, и невольно возникаетъ мысль объ отсутствіи здѣсь земскихъ учрежденій, могущихъ точнѣе выяснить мѣстныя нужды.

Итакъ, развитіе скотоводства въ Печорскомъ краѣ нераздѣльно связано съ законодательными мѣрами относительно лѣсовъ и передвиженія населенія. Пока же положеніе его таково. Количество скота по отчетамъ статистическаго комитета выражается за послѣднія 5 лѣтъ въ слѣдующихъ цифрахъ.

Годы.	Рогатый скотъ.	Лошади.	Овцы.
1897	11.867	8.234	13.482
1898	11.286	6.176	16.787
1899	13 441	7.734	13.744
1900	14.304	7.597	12.576
1901	15.157	8.077	13.737

Въ 1900 году все количество скота по отдѣльнымъ

волостямъ уѣзда (исключая самоѣдскія вѣдомства) распредѣлялось такъ:

Волости.	Рогатый скотъ.	Лошади.	Овцы.
Усть-Цылемская . . .	4.226	2.505	4.517
Красноборская	3.113	1.667	4.227
Мохченская	1.958	984	536
Пустозерская	1.338	670	1.045
Кожвинская	1.330	758	928
Кедвавомская	872	457	729
Ижемская	716	335	167

Изъ таблицы видно, что на первомъ мѣстѣ, по количеству скота, стоитъ волость Усть-Цылемская, затѣмъ Красноборская и Мохченская. Если зажиточная волость Ижемская занимаетъ послѣднее мѣсто, то это объясняется тѣмъ, что здѣсь развитъ другой родъ скотоводства— разведеніе оленей, которыхъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, насчитывалось 31.970 головъ, а на самомъ дѣлѣ наиболѣе бѣдной скотомъ является волость Кедвавомская, расположенная по теченію р. Ижмы и населенная зырянами. Даже расположенная на крайнемъ сѣверѣ волость Пустозерская, (самъ Пустозерскъ находится подъ $67^{\circ}32'$ с. ш.), гдѣ уже нѣтъ лѣсовъ и природа бѣднѣе, имѣетъ коровъ 1.338, лошадей 670 и овецъ 1.045 головъ. Эта волость состоитъ изъ 3 обществъ—Куйскаго, Пустозерскаго и Великовисочнаго, представляя собою рядъ разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ мелкихъ поселковъ и селеній. Самыя большія села это— Великовисочное 107 дворовъ, Оксино 57 дворовъ и Куя 30 дворовъ. Самый же „городокъ“ Пустозерскъ имѣетъ только 26 дворовъ съ 149 жителями (82 муж. и 67 жен.).

Остальная часть живетъ въ отдѣльныхъ, въ старые годы образовавшихся по удобнымъ мѣстамъ, поселкахъ, состоящихъ изъ 1, 2, 4, 6, 7 и болѣе дворовъ. Всѣхъ поселеній здѣсь 24, и если есть только 7 поселковъ, имѣющихъ отъ 1 до 7 дворовъ, то имѣющихъ отъ 10 до 35-ти ихъ уже 13. Всего населенія въ этой волости 2.613 чел., въ 489 дворахъ, и на каждый дворъ приходится, слѣдовательно, по 3 коровы, 1 лошади и по 2 овцы въ среднемъ.

Населеніе этой волости, живущее на крайнемъ сѣверѣ и при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, живетъ, однако, сравнительно недурно. Происходитъ это благодаря тому, что для населенія былъ нѣкогда свободный выборъ заселять пустыни, гдѣ и какъ ему казалось удобнымъ.

Нѣкоторое понятіе о размѣрахъ скотоводства въ Печорскомъ краѣ могутъ дать также и имѣющіяся въ отчетахъ статистическаго комитета данныя о количествѣ собраннаго сѣна. Конечно, какъ и всѣ вообще цифры, собираемыя оффиціальнымъ путемъ, онѣ могутъ давать только относительное понятіе, съ нѣкоторою лишь степенью приближенія къ истинѣ. Правильнаго статистическаго изслѣдованія края пока не сдѣлано, и приходится основываться на цифрахъ оффиціальныхъ [1]), которыя указываютъ, что сѣна собрано:

Годы.	1897	1898	1899	1900	1901
Пудовъ.	2.167.767	2.717.300	2.051.900	2.487.960	2.572.910

[1]) Даже цифры переписи 1897 года невольно внушаютъ сомнѣніе, когда, напр., читаешь, что количество старообрядцевъ въ Печорскомъ краѣ исчислено только въ 913 человѣкъ и старообрядцевъ мужчинъ въ возрастѣ, напр. 30—39 лѣтъ, по всей Печорѣ 29 чело-

Что цифры статистическаго комитета все же имѣютъ свое значеніе, указываетъ то, что по этимъ даннымъ наименѣе обезпеченною скотомъ волостью является Кедвавомская. Рогатаго скота здѣсь 872 шт., лошадей 457 и овецъ 729. Въ іюнѣ 1903 г., при посѣщеніи этой бѣдно-живущей зырянской волости, по свѣдѣніямъ, собраннымъ какъ по книгамъ волостного правленія, такъ и по разспросамъ, мы насчитали въ ней коровъ 834, лошадей 407, овецъ 1.029.

Цифры получаются очень близкія, и дѣйствительно, скотоводство здѣсь развито вообще незначительно. Объясняется это тѣмъ, что въ этой волости уже нѣтъ тѣхъ богатыхъ сѣнокосныхъ угодій, которыя позволяютъ крестьянамъ, напр., Усть-Цыльмы содержать значительное количество скота. Населеніе здѣсь стѣснено дремучими лѣсами, которые въ свое время были успѣшно расчищены устьцылемами, и если теперь у нихъ послѣднимъ бѣднякомъ и нищимъ считается тотъ, кто имѣетъ одну корову и одну лошадь, то по р. Ижмѣ, въ какой-нибудь Кулемѣ или Картаіолѣ, 2 лошади, 3 — 4 коровы и нѣсколько штукъ овецъ уже считаются признакомъ большого богатства.

Чѣмъ дальше подвигаешься вверхъ по теченію рѣки Ижмы, тѣмъ въ большемъ числѣ встрѣчаются хозяйства безлошадныя, а потомъ и безкоровныя. Кромѣ недостатка земли, годной подъ пашни, разведенію скота здѣсь препятствуютъ также и часто повторяющіеся падежи. Такъ, напр., по разсказамъ крестьянъ, въ 1886 г.

вѣкъ. Даже самая цифра населенія уѣзда въ тетради 2-й показана въ 34.992 чел., а въ выпускѣ 1 („населеніе имперіи по переписи 28 января 1897 г. по уѣздамъ“) въ 35.296 человѣкъ.

въ Картаіолѣ всѣ лошади пали, и осталось во всемъ селѣ только три. Въ 1892 г. также былъ падежъ, но не очень сильный; въ 1903 г. весной упало около сотни коровъ и лошадей. Овцы также падаютъ. Такіе падежи происходятъ большею частью отъ сибирской язвы, много падаетъ отъ ящура, а также отъ неизвѣстныхъ населенію болѣзней.

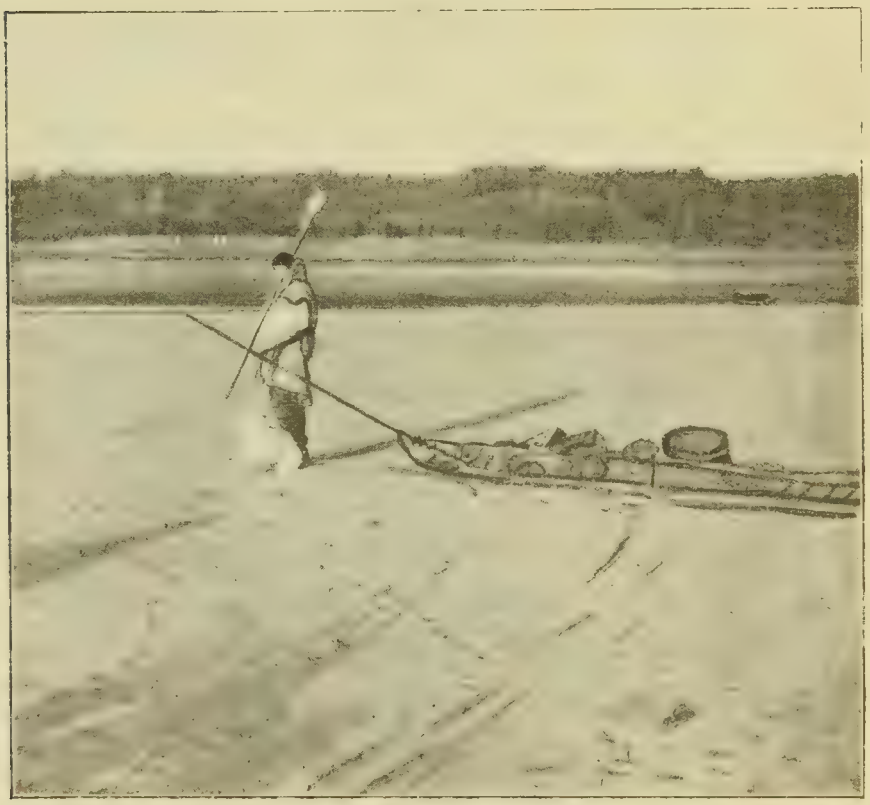
Что касается до качества скота на Печорѣ, то здѣсь нѣтъ извѣстной своей рослостью, красотой формъ и молочностью холмогорской породы: скотъ никакими выдающимися качествами не обладаетъ, и желательны, конечно, для разведенія скотоводства многія мѣры, какъ по улучшенію породы скота, такъ и по распространенію въ населеніи свѣдѣній объ уходѣ за нимъ,—вообще правильная организація скотоводства могла бы значительно поднять и развить экономическій бытъ Печорскаго края.

Порода лошадей здѣсь произошла отъ смѣшенія мезенской породы съ лошадьми, выведенными въ Печорскій уѣздъ сосланнымъ сюда въ концѣ XVII столѣтія несчастнымъ любимцемъ царевны Софьи, кн. В. В. Голицынымъ. Порода эта отличается выносливостью и крѣпостью, но вырождается также отъ плохого ухода.

Овцеводство на Печорѣ незначительно и служитъ только для домашнихъ нуждъ. Шерсть съ овецъ получается грубая и плохого качества.

Говоря о земледѣліи и скотоводствѣ, необходимо здѣсь коснуться и тѣхъ условій, въ которыхъ производится работа на пашнѣ и на сѣнокосахъ. Сѣнокосныя угодья или, какъ здѣсь ихъ называютъ, „пожни“, находятся на различныхъ разстояніяхъ отъ селеній и почти всегда на

разстояніяхъ очень далекихъ—въ 15—20, и даже 30 и 35, иногда и 50 верстъ. Пахотныя земли, наоборотъ, рѣдко отстоятъ дальше 3—4 верстъ и, вслѣдствіе ихъ близости къ селеніямъ, а также небольшихъ размѣровъ, работы на нихъ продолжаются не такъ долго, не требуютъ такой затраты силъ и энергіи, какъ сѣнокосы и



Охотникъ-ижемецъ.

имѣютъ въ общемъ тотъ же характеръ, какъ и работы въ средней полосѣ Россіи. Главный же и самый тяжелый трудъ, это—уборка сѣна. На это время села какъ бы вымираютъ: на улицахъ рѣдко встрѣтишь взрослаго человѣка, дома стоятъ заколоченными, на дворахъ только бѣгаютъ ребятишки, оставленные подъ присмо-

тромъ старшей сестры или на попеченіе какой-нибудь старухи. Вся жизнь сосредоточивается на пожняхъ, и вся работа, какъ уже сказано было, производится женщинами и подростками, при которыхъ лишь изрѣдка и въ качествѣ только помощниковъ являются мужчины. Все мужское населеніе уходитъ на промыслы. На пожняхъ живутъ иногда въ лѣтнихъ, особо выстроенныхъ избушкахъ, или подъ будками, снятыми съ лодокъ, или просто подъ навѣсомъ изъ паруса, или, наконецъ, въ шалашахъ изъ вѣтокъ и травы. Сюда же втаскиваются сундуки, лари съ съѣстными припасами и разнымъ необходимымъ домашнимъ скарбомъ; помѣщеніе становится тѣснымъ, неудобнымъ и холоднымъ. Что особенно затрудняетъ работу и подчасъ дѣлаетъ ее невыносимой, это тучи комаровъ, которыя облѣпляютъ черными кругами всякую открытую часть тѣла, и единственнымъ отъ нихъ спасеніемъ является накомарникъ — родъ мѣшка, съ отверстіемъ для лица, закрытымъ густой волосяной сѣткой. Но въ накомарникѣ скоро становится очень трудно дышать, и большинство предпочитаетъ повязывать просто голову платкомъ, оставляя лицо и руки открытыми для комаровъ, которые жалятъ безъ милосердія. Ночью комары также не даютъ уснуть, и спастись отъ нихъ можно, только залѣзая подъ особо устроенные пологи, куда однако при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи, немедленно врываются цѣлыя полчища этихъ инквизиторовъ-мучителей, уберечься отъ которыхъ нѣтъ возможности. Пища на пожняхъ состоитъ изъ солонины, хлѣба, кислаго молока, если оно есть; варятъ пустоваръ и 3—4 раза въ день пьютъ чай, согрѣвая его въ котелкахъ.

Косятъ траву не обыкновенной косой, а горбушей, большимъ, широкимъ, тяжелымъ серпомъ, насаженнымъ на короткую изогнутую ручку. Во время косьбы этой горбушей, надо дѣлать взмахи въ обѣ стороны, перекладывая инструментъ съ одной руки въ другую и оставаясь все время въ согнутомъ положеніи, что̀, конечно, отражается на организмѣ женщинъ, исполняющихъ эту работу. Женщины отправляются на пожни даже въ томъ случаѣ, когда онѣ находятся въ послѣднемъ періодѣ беременности, и нѣтъ ничего удивительнаго, когда онѣ рожаютъ на сѣнокосахъ или по пути къ нимъ—въ лодкахъ. Въ случаѣ рожденія ребенка, мать на другой, на третій день, уже снова берется за работы. Въ полевыхъ работахъ принимаютъ большое участіе и дѣти: съ 9—10 лѣтъ ребята возятъ уже съ полей хлѣбъ, а на поля удобреніе; съ 11—13 лѣтъ они подгребаютъ, боронятъ и даже косятъ, а съ 13—15 лѣтъ уже пашутъ самостоятельно. Въ низовьяхъ Печоры, гдѣ хлѣбопашества не существуетъ, дѣти работаютъ только на пожняхъ: имъ приходится подгребать и вѣсить сѣно съ 9—11 лѣтъ, а косить съ 11—12.

Таковы условія земледѣльческихъ работъ на Печорѣ. Условія эти тяжелы, вредны для женщины, которой приходится цѣлый день работать, а также и для дѣтей, принужденныхъ съ 9—10 лѣтъ исполнять почти весь трудъ взрослаго человѣка.

Главнымъ источникомъ матеріальнаго существованія населенія ижемскаго района, а отчасти также Пустозерской и другихъ волостей Печоры, служитъ занятіе оленеводствомъ, представляющимъ очень выгодный промыселъ. Огромныя тундры Печорскаго края даютъ воз-

можность разводить очень большое количество оленей, которые, не требуя за собой никакого ухода, кромѣ пастьбы, круглый годъ питаются подножнымъ кормомъ и кромѣ средствъ передвиженія доставляютъ не только пищу, но и даютъ очень выгодный денежный доходъ. Болѣе или менѣе значительное количество оленей находится во всѣхъ волостяхъ Печоры, за исключеніемъ одной только волости Кедвавомской (въ верховьяхъ Ижмы), населеніе которой ихъ совершенно не имѣетъ и число ихъ по годамъ можно видѣть изъ приводимой таблицы.

Волости.	1897	1898	1899	1900
Мохченская . .	149.919	103.634	99.087	126.387
Ижемская . . .	30.500	28.500	29.750	31.970
Красноборская .	11.975	8.745	7.790	11.445
Пустозерская .	9.519	9.590	10.560	10.774
Кожвинская . .	4.112	5.080	5.593	5.860
Устьцылемская .	3.280	2.326	2.613	3.457
Кедвавомская .	—	—	—	—

Изъ таблицы видно, что въ волостяхъ Мохченской и Ижемской, села которыхъ, какъ сказано было, въ сущности, составляютъ одну большую деревню, находясь въ очень близкомъ разстояніи другъ отъ друга, оленей имѣлось напр. въ 1900 г. [1]) 158.357 головъ, а въ одной Мохчѣ ихъ насчитывается 126.357. Если прибавить сюда и волость Красноборскую, тоже населенную зырянами-ижемцами, но отстоящую отъ центра ижемцевъ верстъ на 30—35, то во владѣніи ихъ окажется оленей

[1]) Отчеты статистическаго комитета за слѣдующіе годы пока (октябрь 1903 г.) не напечатаны.

169.802. Русскія же волости ихъ имѣли только 14.231 (волость Кожвинская населена зырянами, но не ижемцами) и держатъ ихъ только, такъ называемые здѣсь, „богачи“.

Большую часть времени оленеводы принуждены проводить съ оленями въ тундрахъ. Ежегодно, весною и въ началѣ лѣта, появляется масса оводовъ и, садясь на спину линяющаго оленя, откладываютъ свои яички; появляющіяся личинки проѣдаютъ кожу животнаго, и она бываетъ иногда вся покрыта ранами. Спасаясь отъ своихъ враговъ, дикій олень бѣжитъ къ Ледовитому океану и туда же угоняютъ оленеводы свои стада, возвращаясь обратно только уже зимою.

Оленеводство при благопріятныхъ условіяхъ, т.-е. при значительномъ количествѣ оленей, отсутствіи повальныхъ болѣзней, если при пастьбѣ находится самъ хозяинъ или она въ честныхъ рукахъ, можетъ хорошо обезпечить семью. Цѣна каждаго оленя 8—10—15 рублей и онъ даетъ такой приблизительно доходъ: ежегодный приплодъ (неблюй)—5 р.; если же оленя бьютъ, то шкура 4 р. 50 к. — 5 р., задъ (окорока) 2 р. — 2 р. 50 к., мясо (3 п.) 4 р. 50 к., камысы (кожа голени)—80 к. Всего, слѣдовательно, 11—12 р. съ копѣйками. Если есть пыжикъ (зародышъ оленя), то доходъ повышается еще на 2 — 3 руб. Оленій языкъ, шерсть, которая снимается въ случаѣ выдѣлки кожи въ замшу, также поступаетъ въ продажу. Даже внутренности служатъ иногда платою бѣднякамъ за битье, такъ что ничего здѣсь не пропадаетъ. Если взять оленевода, имѣющаго только 50—100 оленей, и предположить доходъ съ каждаго лишь въ 3—5 руб., то онъ получитъ

150—250 или 300—500 руб. Въ Мохченской волости напр., состоящей изъ 5-ти селеній, по книгамъ волостного правленія числится 819 дворовъ и 1.057 хозяйствъ, т.-е. въ 1900 г. на каждый дворъ приходилось по 154, а на каждое хозяйство по 118-ти штукъ оленей. Но въ дѣйствительности количество оленей по хозяйствамъ распредѣляется неравномѣрно. По свѣдѣніямъ, собраннымъ нами на мѣстѣ, въ спискахъ Мохченской волости на общее количество 1057 хозяйствъ насчитывается 805, не имѣющихъ совершенно оленей. По этимъ же спискамъ количество оленей по волости значится (въ 1903 г.) 148.330. Слѣдовательно, 252 хозяйства имѣютъ ихъ, и на каждое приходится 588 шт., а денежный доходъ, принимая его опять лишь въ 3—5 руб., отъ каждаго оленя равенъ 1764 — 2940 руб.

Обработывая оленью шкуру въ замшу, можно получать еще большій доходъ. Въ Печорскомъ краѣ въ 1900 году (отчетъ стат. ком.) замшевыхъ заводовъ было 62 съ 230 чел. рабочихъ. Сумма производства на нихъ 168.000 руб. Самые заводы представляютъ собою простыя избушки и не требуютъ почти никакихъ затратъ. Но съ другой стороны, само оленеводство занятіе рискованное, — оно можетъ въ одну недѣлю богача обратить чуть-ли не въ нищаго. Падежи между оленями, особенно отъ сибирской язвы, очень часты, и въ стадѣ, гдѣ появится эта болѣзнь, какъ бы велико оно ни было, олени падаютъ всѣ и напр. ижемская волость, которая лѣтъ 20 тому назадъ стояла первой по количеству оленей, уступила свое мѣсто Мохчѣ вслѣдствіе падежей. Отчеты стат. комитета показываютъ слѣдующія цифры павшихъ оленей.

Волости.	1896	1897	1898	1899
Мохченская . .	81.872	2.650	52.660	133.550
Кожвинская . .	5.830	—	63	87
Пустозерская. .	2.035	375	3.509	750
Красноборская.	1.905	—	8.180	800
Ижемская . . .	свѣдѣній нѣтъ.	2.700	3.800	1.570
Устьцилемская.	649	—	3.779	269
Кедвавомская .	—	—	—	—
Итого. . .	92.291	5.725	71.991	137.026

Свѣдѣній о размѣрѣ падежа оленей за слѣдующіе годы въ отчетахъ не помѣщено, но уже изъ приведенной таблицы видно, что ежегодно падаетъ очень значительное число и за 4 года ихъ погибло 307.033. Страхованія живыхъ оленей не существуетъ, и ни одно страховое общество не соглашается на это. Въ концѣ 90 годовъ въ Пустозерскъ пріѣзжала комиссія для производства опытовъ прививки оленямъ сибирской язвы. Къ какимъ пришла она выводамъ, мнѣ неизвѣстно, но олени продолжаютъ падать, формальныя, или, лучше сказать бумажныя, мѣры принимаются, когда падежъ уже начался, предупредительныя мѣры отсутствуютъ, отсутствуетъ также и ветеринарная помощь, ибо нельзя ею назвать проживаніе двухъ ветеринарныхъ врачей, изъ которыхъ чудовищные районы, гдѣ нѣтъ возможности и средствъ дѣлать что-либо полезное, несмотря на все свое желаніе. При такихъ условіяхъ оленеводство не можетъ быть прочнымъ промысломъ для населенія и останется въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ. Заинтересовать все населеніе въ этомъ чрезвычайно выгодномъ промыслѣ воз-

можно лишь, когда будетъ найдено и будетъ примѣняться на дѣлѣ вѣрное средство отъ падежа. Въ 1899 г. оленей пало 137.026 шт., такъ какъ доходъ съ каждаго равенъ 5—10 р. потерянъ капиталъ въ 685.130 — 1.370.260 р. Объ условіяхъ жизни оленеводовъ, о положеніи оленеводства у самоѣдовъ и объ эксплоатаціи ихъ ижемцами и пустозерцами не буду говорить, т. к. самъ въ тундрахъ не былъ. Въ отчетахъ же статистическаго комитета за 1898, 1899 и 1900 г. г. показаны слѣдующія цифры числа оленей у нихъ.

Самоѣдскія вѣдомства.	Число оленей.			Пало оленей.		
	1898	1899	1900	1898	1899	1900
Ижемское	13.297	13.846	22 270	—	—	не
Пустозерское	16.885	19 870	15.773	877	—	пока-
Устьцилемское . . .	4.735	5.635	7.490	3.500	—	зано.

Цыфры сомнительныя, особенно, если обратить вниманіе на число падающихъ оленей у самоѣдовъ и сравнить съ цифрами падежей у ижемцевъ и русскихъ.

Главную отрасль крестьянскаго хозяйства на Печорѣ и особенно въ низовьяхъ рѣки составляетъ рыболовство. Имъ занимаются какъ мужчины, такъ и женщины по самой Печорѣ и ея притокамъ и въ водахъ. Ледовитаго океана, а также и въ озерахъ. Въ 1901 г. имъ занято было 4922 лица и выручено 193.717 р. Для того, чтобы дать понятіе о значеніи этого промысла, приведемъ таблицу, изъ которой видно, какой значительный доходъ даетъ оно по сравненію со всѣми остальными занятіями населенія.

Года.	Выручено отъ промысловъ. Рыбнаго.	Морского звѣринаго.	Лѣсной охоты.	Лѣсного промысла.	Отхожіе заработки.	Другихъ промысловъ.	Всего. Промышленниковъ.	Сумма выручки.
1898. .	152.354	8.794	37 160	11.460	7.350	25.250	10.160	242.908
1899. .	179.950	7.948	36.889	28.444	5.522	24.052	11.746	282.805
1900. .	193.717	7.815	33.404	19.556	5.815	32.283	10.911	290.590

Рыбный промыселъ.

Такимъ образомъ, напр., въ 1900 г. въ то время, какъ изъ общей суммы выручки на долю рыбнаго промысла приходится 193.717 р., или 66,3%, на долю остальныхъ только 96.883 или 34,7%.

Рыбы ловится очень много, водится она въ изобиліи, и ловля ея не требуетъ большого искусства или хи-

тости. Требованія же на рыбу очень велики, такъ какъ она представляетъ главную составную часть пищи всего населенiи и, кромѣ того, идетъ на продажу.

Очень доходную статью представляетъ ловля семги, что и можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

	Семги.		Наваги.		Рѣчной и озерной рыбы.		Всего рыбы.	
Года.	Пуд.	На сумму.	Пуд.	На сумму.	Пуд.	На сумму.	Пуд.	На сумму.
1898 [1])	14.658	86.342	840	1.008	39.827	63.854	51.821	152.354
1899. .	16.378	102.340	900	980	47.647	76.630	64.925	179.950
1900. .	11.351	123.638	800	1.200	39.670	68.879	51.821	193.717

Семга появляется, обыкновенно, на Печорѣ въ августѣ, являясь изъ моря иногда въ огромномъ количествѣ. Затѣмъ она пробирается вверхъ по Печорѣ и ея притокамъ, выбирая при томъ самыя порожистыя мѣста. Выбравъ удобное мѣсто, она мечетъ икру, и послѣ этого утомленные и истощенные самецъ и самка стоятъ по цѣлымъ недѣлямъ неподвижно въ какой-нибудь ямѣ, гдѣ съ ними происходитъ, такъ называемое „лохованье“, или превращеніе въ лоха: красное мясо блѣднѣетъ, дѣлается дряблымъ и невкуснымъ, подо ртомъ выростаетъ костяной крюкъ, рыба становится тощей и теряетъ въ вѣсѣ. Семга дѣлается „лохомъ“ и въ такомъ видѣ уходитъ обратно въ море, возвращаясь на слѣдующій годъ для метанія икры опять настоящей семгой.

На рыбную ловлю промышленники ѣдутъ въ лодкахъ, составляя артели или нанимаясь въ работники на тони къ болѣе зажиточнымъ людямъ. Удобныхъ жилищъ во время ловли не существуетъ, и приходится оста-

[1]) Въ 1898 г. было выловлено еще сельдей 610 п. на 1168 р.

ваться на открытомъ воздухѣ, или строить себѣ шалашъ изъ прутьевъ или изъ паруса, растянутаго на кольяхъ.

Спятъ всегда прямо въ одеждѣ, растянувшись на землѣ и положивъ подъ голову первую попавшуюся вещь. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какъ, напр., на озерѣ Косьмѣ (у верховьевъ Цильмы), гдѣ добывается много рыбы (щука, пеледь, язь, чиръ, сорока и др.), и куда отправляются послѣ Троицы, а возвращаются домой къ концу августа, оставаясь на промыслахъ все лѣто, поставлены даже избушки, у нѣкоторыхъ есть и по двѣ, но всѣ онѣ очень плохи, всѣ топятся по черному, часто заливаются водой и представляютъ жилища еще, можетъ быть, болѣе неудобныя, чѣмъ шалаши. Пищу обыкновенно ѣдятъ три раза въ день. Обѣдъ состоитъ изъ ухи, по здѣшнему „щербы“, заправленной ячменной крупой. Второе блюдо — рыба, вынутая изъ „щербы“. Иногда изъ ржаной или ячменной муки пекутъ „олабыши“ — родъ лепешекъ—и ѣдятъ ихъ съ рыбьимъ жиромъ, который вываривается тутъ же изъ внутренностей рыбы. На паужинъ и ужинъ—то же самое, что за обѣдомъ и, кромѣ того, чай съ хлѣбомъ.

Медицинской помощи во время рыбной ловли не существуетъ, хотя отправляющіеся на ловлю проводятъ на ней, вдали отъ своихъ селеній, мѣсяца два, а часто и больше, при тяжелыхъ условіяхъ работы и вѣчномъ рискѣ заболѣть. Надо еще принять въ соображеніе, что многіе промыслы очень многолюдны. Такъ, напр., на песчаныхъ отмеляхъ у деревни Росвинской собираются ежегодно человѣкъ 800 промышленниковъ, изъ которыхъ человѣкъ до 500 приходитъ изъ одной У.-Цильмы; въ низовьяхъ рѣки у Великовисочнаго, Тельвиски и до моря

ихъ также, особенно во время хода семги, бываетъ значительное скопленіе, но ни доктора, ни фельдшера нигдѣ нѣтъ, послѣдній продолжаетъ оставаться, напр., въ Пустозерскѣ, который на это время становится безлюднымъ.

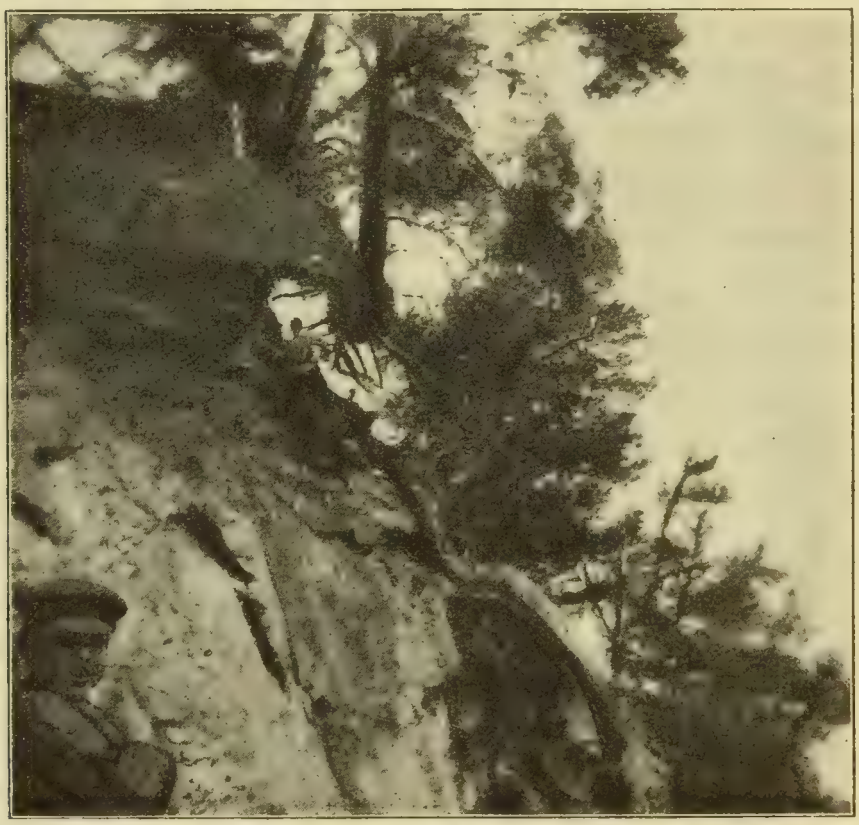
Во время нашего посѣщенія Печоры, между промышленниками много поднялось разговоровъ о желательности имѣть хотя бы какую-нибудь медицинскую помощь, но... Мурманскій берегъ, на который обратилъ свое попеченіе Красный Крестъ, въ этомъ отношеніи счастливѣе.

На ловлю семги выѣзжаютъ въ различное время. Это чаще всего дѣлается въ августѣ, но иной годъ она идетъ въ срединѣ іюля или даже съ половины іюня; иногда же, какъ это было, напр., въ 1903 г., она не появлялась и въ концѣ августа.

Семгу могутъ добывать только люди богатые, такъ какъ для этого требуются снасти, запасы продовольствія, рабочіе, чего бѣдный сдѣлать не въ состояніи. Приблизительный расходъ на это таковъ. Лодка стоитъ 25 р., сѣти—70 р., 3—5 рабочихъ (по 20 р. въ мѣсяцъ)—60—100 р., за „воду“, т.-е. за участокъ рѣки—15—100 р. При болѣе серьезныхъ промыслахъ, какъ семужій, рыболовныя мѣста раздѣляются на участки, которыми и пользуется по жребію опредѣленная часть населенія или партія, состоящая изъ извѣстнаго числа душъ. Иногда, впрочемъ, участки дѣлятся не по партіямъ, а по душамъ и также по жребію. Такъ какъ обзаведеніе стоитъ дорого, то или соединяются въ артели, или бѣдные продаютъ свою „воду“ богатымъ. Весенній же ловъ, когда ловится, преимущественно, сигъ, нельма, щука, налимы и др.—уже вольный, т.-е. производится

гдѣ кому угодно. Зимой ловъ рыбы подо льдомъ—также вольный.

Для примѣра приведу здѣсь условія жизни рабочихъ при ловлѣ семги на одной изъ тонь крайняго сѣвера, недалеко отъ Болванской губы. Здѣсь живутъ они въ землянкахъ, построенныхъ изъ теса и покрытыхъ землей.



Избушка въ соснахъ.

Землянку приходится строить каждый годъ, такъ какъ самоѣды зимой растаскиваютъ ее себѣ на дрова. Она имѣетъ 5 аршинъ длины и ширины, 3 арш. высоты и служитъ для помѣщенія 4—5 чел. Печка, сложенная изъ камней—безъ трубы, и надъ ней просто продѣлано отверстіе въ кровлѣ. Питаются рабочіе, главнымъ образомъ,

чаемъ и хлѣбомъ, иногда варятъ себѣ рыбу, иногда пшенную кашу и солонину. Живутъ здѣсь съ 20 іюля (Ильина дня) до 14 сентября (Воздвиженье). Каждому рабочему, кромѣ жалованья за это время въ 25 руб., полагается по 6 ф. масла и пшенной крупы, по 4 пуда хлѣба, 1 ф. чаю цѣной въ 2 р., сахару по 4 ф., калачей по 4—5 ф. и по пуду соленаго мяса и рыбы. За все время выдается по бутылкѣ водки на каждаго, но это уже не входитъ въ договоръ и представляетъ любезность хозяина. На каждаю артель въ 4 человѣка полагается одинъ кашеваръ, который особой платы за это не получаетъ и работаетъ на общемъ основаніи вмѣстѣ съ другими На работу выѣзжаютъ 2 раза въ сутки и работаютъ во всякую погоду, несмотря на холодъ и дождь, и только въ то время не выѣзжаютъ, когда это окончательно невозможно вслѣдствіе сильной бури.

Если довѣрять показаніямъ рабочихъ на этой тонѣ, то расходъ ихъ хозяина таковъ:

Лодка	25 р.		Хлѣбъ . .	4 р.	80 к.
Пай („за воду“) .	70 „	На одного.	Чай . . .	2 „	— „
Снасти	30 „		Сахаръ . .	1 „	— „
5 рабочихъ . .	125 „		Рыба . . .	1 „	40 „
Содержаніе раб. .	56 „		Мясо . . .	1 „	40 „
			Калачи . .	— „	60 „
Всего .	306 р.		Итого	11 р.	20 к.

Средняя цѣна на семгу 25—30 р. пудъ, и такъ какъ ежегодно ловится въ среднемъ же 40—50 пудовъ, то на долю хозяина, по расчету его рабочихъ, приходится

1020—1250 р. или, при цѣнѣ въ 30 р., валового дохода 1200—1500 р., или 714—944 и 894—1194 чистаго.

До самаго послѣдняго времени всѣ продукты какъ рыбнаго, такъ и другихъ промысловъ пріобрѣтали купцы, пріѣзжавшіе для торговли на Печору изъ г. Чердыни Пермской губ., или, какъ ихъ называютъ здѣсь, „чердаки“ или „усольцы“. Они же устанавливали и цѣну по полюбовному между собою соглашенію. Только съ недавняго времени стали пріѣзжать сюда представители крупныхъ петербургскихъ фирмъ, устраивать здѣсь ледники для храненія семги, и, благодаря ихъ конкурренціи, цѣна на нее поднялась и, напр., въ 1902 г. доходила до 35 руб. за пудъ. Съ развитіемъ болѣе правильнаго пароходства моремъ, проведеніемъ путей сообщенія, которые болѣе близкимъ и удобнымъ путемъ соединили бы Печорскій край съ дорогами центра Россіи, съ улучшеніемъ, наконецъ, техники рыбнаго дѣла, надо думать, для рыбныхъ продуктовъ откроются болѣе обширные рынки, и населеніе освободится отъ экономической зависимости отъ чердынскихъ купцовъ и мѣстныхъ скупщиковъ, которымъ принуждено сбывать предметы всѣхъ своихъ промысловъ. Пока же дѣло стоитъ такъ.

Печорскій край всегда былъ отрѣзанъ отъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ. Собственныхъ центровъ торговли, куда населеніе могло бы сбывать продукты промысловъ и получать все необходимое, также въ немъ не образовалось. Словомъ, онъ находился, да и теперь находится въ положеніи, въ какомъ еще не такъ давно была центральная Африка, или, скорѣе, онъ напоминаетъ Россію временъ Ивана Васильевича Грознаго. или страну, въ которой торговля и промышленная дѣятельность зави-

сятъ отъ энергіи и предпріимчивости отдѣльныхъ лицъ. Такими предпринимателями явились купцы изъ Чердыни, которые еще съ незапамятныхъ временъ съ большими неудобствами и лишеніями пробирались зимнимъ путемъ или пользуясь короткимъ временемъ разлива рѣкъ къ верховьямъ Печоры и снабжали все населеніе необходимыми запасами на круглый годъ. Торговля велась частью въ обмѣнъ на промыслы, частью продукты раздавались въ кредитъ, и, какъ всякая торговля со странами, находящимися на низкомъ культурномъ уровнѣ, доставляла смѣлымъ предпринимателямъ очень большія выгоды. И до сихъ поръ еще торговля въ Печорскомъ краѣ представляетъ всѣ выгоды монополіи для чердынцевъ, которые являются полными обладателями всѣхъ его произведеній.

Ежегодно съ открытіемъ навигаціи на своихъ огромныхъ баркахъ, нагруженныхъ хлѣбомъ, одеждой, пшеномъ, ячменной крупой, горохомъ, мыломъ, коноплей, холстомъ, разнымъ крестьянскимъ товаромъ, а также лакомствами— орѣхами, пряниками, калачами и пр., плывутъ они съ верховьевъ Печоры и останавливаются у всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ селеній для торговли. Въ селахъ болѣе значительныхъ, какъ, напр., въ У.-Цильмѣ, скопляются цѣлые караваны каюковъ, остаются здѣсь недѣли 2—3 и больше, а жители всѣхъ, даже самыхъ отдаленныхъ деревушекъ съѣзжаются сюда на лодкахъ для того, чтобы въ обмѣнъ на продуктѣ своихъ промысловъ запастись всѣмъ необходимымъ, особенно же хлѣбомъ, уже на цѣлый годъ до будущей навигаціи. Въ это время такія села представляютъ очень оживленный видъ; на берегу, около того мѣста, гдѣ остановится ка-

раванъ, окруженный теперь сотнями лодокъ, открывается ярмарка, строятся балаганы, выкидываются флаги, и какъ самые каюки, такъ и берегъ оживлены толпой народа. Мужчины и женщины, одѣтые въ лучшее платье, идутъ дѣлать закупки или отдавать долги, а дѣвушки и молодые люди собираются сюда же водить хороводы. Чердынцы угощаютъ женщинъ пряниками и орѣхами, а мужчинъ виномъ, и заключаютъ сдѣлки. Вся торговля ведется въ кредитъ безъ всякихъ документовъ, на честное слово, и покупателю выдается, да и то не всегда, счетъ на взятый товаръ, при чемъ всякій можетъ забирать сколько угодно продуктовъ, но по заранѣе составленному каждымъ купцомъ расчету, кому и сколько можно дать изъ запаса. Цѣны устанавливаются торговцами по соглашенію между собой, конкурренціи нѣтъ, а опасеніе не получить долговъ—минимальное, ибо покупщики распредѣлены между чердынцами также по соглашенію, и не возвращающій долговъ рискуетъ остаться совершенно безъ хлѣба, соли, гороха, конопли и другихъ необходимыхъ припасовъ. Сперва задатчикъ долженъ забрать лакомства—пряники, орѣхи, калачи, конфекты или варенье, чай и сахаръ, а также дорогіе ситцы, сукно, трико, драпъ, платки, нерѣдко шелковыя, бархатныя матеріи и другіе предметы роскоши. Хлѣбъ также раздается въ долгъ (только по мелочамъ иной разъ продается) промышленникамъ—съ обязательствомъ отдать за то всѣ свои промыслы.

Въ болѣе отдаленныхъ отъ самой Печоры мѣстахъ, куда проѣхать на баркахъ невозможно, хлѣбъ и товары чердынцы даютъ въ кредитъ зажиточнымъ крестьянамъ или „богачамъ“, которые, въ свою очередь, даютъ про-

мышленнику все необходимое для содержанія его семейства съ условіемъ, что весь свой промыселъ онъ будетъ отдавать кредитору по цѣнѣ, кредиторомъ установленной. Такимъ образомъ, не получившіе отъ чердынцевъ, платятъ еще большій процентъ. Долги переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, и населеніе, издавна привыкшее къ такой кабалѣ, до того освоилось съ этимъ порядкомъ вещей, что уже не торгуется о цѣнѣ, а лишь проситъ дать болѣе запасовъ.

Такимъ образомъ, все населеніе Печорскаго края распадается на двѣ категоріи: на капиталистовъ, или „богачей“, которые съ помощью чердынцевъ заправляютъ экономическими силами неселенія и удивляютъ путешественника своимъ довольствомъ и изобиліемъ въ жизни, и крестьянъ-промышленниковъ, живущихъ въ вѣчномъ долгу, въ кабальной зависимости, и внѣшній достатокъ ихъ представляетъ только обманъ зрѣнія, объясняясь жизнью въ кредитъ, чѣмъ, какъ извѣстно, можно жить долго, находясь, повидимому, въ полномъ довольствіи. Словомъ, положеніе Печорскаго населенія, какъ видно изъ сказаннаго, представляетъ нѣкоторую аналогію съ современнымъ положеніемъ русскаго дворянства.

Только законодательными мѣропріятіями, направленными къ развитію новыхъ отраслей промышленности и, главнымъ образомъ, болѣе удобныхъ и доступныхъ путей сообщенія съ центромъ Россіи, населеніе Печоры можетъ быть выведено изъ печальнаго положенія, и пока еще слабое вліяніе послѣдняго фактора начинаетъ проявляться здѣсь съ проведеніемъ Вологодско-Архангельской и Пермь-Котласской жел. дорогъ, устройствомъ телеграфа къ

У.-Цыльмѣ и Ижмѣ и правильными сообщеніями по Ледовитому океану.

Новые же источники доходовъ и заработковъ для населенія находятся пока въ періодѣ научныхъ изысканій или слабыхъ попытокъ къ эксплоатаціи. Къ нимъ я и обращусь.

V. Источники будущей промышленности Печорскаго края.

Существованіе нефти на р. Ухтѣ извѣстно съ очень давнихъ временъ благодаря тому, что она обильно выходитъ здѣсь прямо на поверхность земли. На нее обратилъ вниманіе еще Петръ Великій, и слабыя попытки къ ея разработкѣ производились уже въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны. Въ 1864 г. на нее обратилъ вниманіе извѣстный дѣятель по сѣверу Россіи М. К. Сидоровъ и задумалъ начать ея разработку. Исторія этой попытки очень интересна по тѣмъ формальнымъ затрудненіямъ, что онъ встрѣтилъ, и поучительна даже для нашихъ дней. Всю эту исторію съ приведеніемъ подлинныхъ документовъ, очень подробно описываетъ самъ Сидоровъ въ своей книгѣ „Сѣверъ Россіи“ (1870 и 1881 гг.). Въ 1864 г. онъ произвелъ развѣдки, подалъ требуемыя закономъ заявки и просьбу въ Архангельскую казенную палату объ отводѣ ему заявленныхъ площадей подъ разработку нефти. Вмѣсто разрѣшенія, палата отвѣчала ему 2 ноября 1866 г. (т.-е. черезъ 2 года) отказомъ на томъ основаніи, что

„относительно разработки нефти никакихъ законоположеній и правилъ въ Горномъ Уставѣ не существуетъ, и она не можетъ быть разрѣшена до утвержденія новаго Устава“, а также, что „поставленные имъ знаки въ мѣстахъ залежей нефти и поданныя имъ заявленія не должны имѣть никакого значенія“ и „такъ какъ разрѣшеніе промысловъ зависитъ отъ соглашенія министерства финансовъ съ министерствомъ государственныхъ имуществъ, то онъ долженъ туда обратиться, если не желаетъ ожидать утвержденія новаго Горнаго Устава“.

Кромѣ того, палата запретила крестьянамъ добывать нефть, которую они собирали, какъ лѣкарство, въ размѣрѣ 25 пуд., а также и доманикъ, изъ котораго выдѣлывали подносы, столешницы, линейки и т. п. вещи, что̀ составляло единственный ихъ промыселъ. Было обращено вниманіе на то, что все составляетъ собственность казны.

По просьбѣ Сидорова, министерство государственныхъ имуществъ въ мартѣ уже 1867 г. (т.-е. черезъ годъ) дозволило ему получить въ отводъ одну изъ площадей. Но когда онъ, выписавъ изъ Швеціи горнаго мастера и другихъ опытныхъ людей, послалъ партію на Ухту, то губернское начальство не позволило ей производить работы на томъ основаніи, что „мѣстная администрація посылаетъ туда особую комиссію для изслѣдованія источниковъ нефти“.

Сидоровъ опять обратился въ министерство и оно, убѣжденное его доводами, вновь предоставило уже одну версту подъ разработку, о чемъ и сообщило мѣстному губернатору; но послѣдній сообщилъ министерству, что

Сидоровъ—ненадежный человѣкъ, и настаивалъ на необходимости, за его неблагонадежностью, отказать ему даже и въ одной верстѣ, хотя Сидоровъ состоялъ уже въ это время почетнымъ членомъ архангельскаго статистическаго комитета „за многознаменательныя его заслуги по Сѣверу“.

Послѣ личныхъ объясненій Сидорова съ министромъ, было сдѣлано опять распоряженіе отвести ему одну версту. Но этимъ приключенія Сидорова еще не кончились, и въ маѣ 1868 г. онъ снова обращается въ министерство съ указаніемъ, что онъ встрѣтилъ новыя препятствія: „будто бы изъ распоряженія вашего высокопревосходительства видно, что вы представляете мнѣ отвести мѣсто буквально въ 40 верстахъ отъ р. Ухты, т.-е. гдѣ эти 40 верстъ, по измѣренію цѣпью, придутся, то тутъ и сдѣлать отводъ, ни шагу далѣе и что будто бы по долинѣ—одну версту, черезъ что останется за гранью тотъ источникъ, который мною заявленъ“.

Сидоровъ указываетъ также, что „по распоряженію мѣстной администраціи онъ долженъ имѣть отводъ только длиною въ одну версту при ширинѣ также въ одну версту, хотя бы тутъ были скалы и горы, на которыхъ немыслимо никакое буреніе и никакое производство“. На это прошеніе послѣдовало новое распоряженіе министерства отвести Сидорову одну версту, при чемъ „форма площади должна быть соображена съ требованіями промышленника“ и заключить съ нимъ арендный контрактъ. Затѣмъ, послѣ длиннаго ряда проволочекъ и хлопотъ съ казною при заключеніи контракта, перечислять которыя было бы утомительно, а достаточно здѣсь указать, что они тянулись съ 31 мая 1868 г. до 5 сен-

тября 1870 г., т.-е. еще 2 года и 4 мѣсяца, М. К. Сидоровъ могъ приступить, наконецъ, къ разработкѣ нефти на Ухтѣ. Надо, однако, добавить, что явившіеся вслѣдъ за Сидоровымъ желающіе дѣлать изысканія нефтяныхъ мѣсторожденій и сдѣлавшіе заявленія на 432 участка, не были такъ счастливы, какъ самъ Сидоровъ. Они хлопотали болѣе 6-ти лѣтъ и, какъ указываетъ Сидоровъ, дошли до полнаго разоренія, вслѣдствіе непонятныхъ и безцѣльныхъ дѣяній администраціи.

Какъ бы то ни было, и хотя только черезъ 7 лѣтъ, но Сидоровъ могъ приступить къ добыванію нефти на Ухтѣ. Здѣсь были имъ заложены 2 буровыхъ скважины; работа производилась самымъ примитивнымъ способомъ и самыми несовершенными инструментами. Когда скважина была доведена до 24 саж., буръ сломался, извлечь его не удалось, и работа прекратилась. Въ 1883 г. Сидоровъ заказалъ въ Москвѣ полный комплектъ новѣйшихъ буровыхъ инструментовъ, для того чтобы ими продолжать начатыя работы.

Предполагалось, что въ 1874 г. инструменты будутъ доставлены на Ухту, но расчетъ не оправдался. Лишь незначительная часть ихъ была доставлена на мѣсто, а остальные наиболѣе громоздкіе и необходимые предметы—котлы, резервуары, трубы и пр., не могли быть доставлены, и донынѣ еще валяются въ различныхъ мѣстахъ чердынскаго уѣзда, пермской губ. Самъ М. К. Сидоровъ умеръ, и попытки къ нефтяной разработкѣ на Ухтѣ опять прекратились.

Въ началѣ девяностыхъ годовъ съ наслѣдниками Сидорова вошелъ въ соглашеніе, на правахъ арендатора, екатеринбургскій купецъ А. М. Галинъ, который, при-

нявъ въ компанію московскаго подрядчика по буренію артезіанскихъ колодцевъ Б. Л. ф. Вангеля и исходатайствовавъ у казны нѣкоторыя льготы,—какъ, напр., право на безакцизную выдѣлку 5 милл. пудовъ керосина, произвелъ на Ухтѣ нѣкоторыя развѣдочныя работы, на чемъ дѣло прекратилось съ одной стороны вслѣдствіе, какъ надо думать, отсутствія капиталовъ, а главнымъ образомъ—вслѣдствіе отсутствія путей сообщенія и невозможности привлечь лицъ, которыя рискнули бы затратить средства на предпріятіе въ такомъ мѣстѣ, гдѣ, какъ полагали, эти пути невозможны.

Въ 1899 г. дѣлается новая попытка—и попытка крайне интересная къ разработкѣ нефти на Ухтѣ. Инженеръ А. Г. Гансбергъ, бывшій самъ нефтянымъ дѣятелемъ въ Баку, изучивъ предварительно во всѣхъ деталяхъ пути сообщенія отъ нефтяныхъ источниковъ по направленію къ Архангельской, Вологодской и Пермской губерніямъ и проживъ нѣсколько лѣтъ на Ухтѣ для изученія климатическихъ условій, могущихъ имѣть значеніе для будущей промышленности, а также сдѣлавъ своими средствами детальныя развѣдочныя работы,—вполнѣ убѣдился, что ухтинскіе нефтяные источники не менѣе богаты, чѣмъ бакинскіе. Онъ обратился къ министру финансовъ С. Ю. Витте съ просьбою о содѣйствіи ему въ его попыткѣ развить новую промышленность въ Печорскомъ краѣ. Встрѣтивъ отказъ, онъ вошелъ въ переговоры съ гр. Канкринымъ, предлагая послѣднему составить компанію для разработки нефти. Гр. Канкринъ, узнавши о богатствѣ Ухты, отъ составленія компаніи отказался и въ скоромъ времени самъ сдѣлался единственнымъ обладателемъ всей нефтеносной

земли, получивъ срокомъ на 5 лѣтъ исключительное право на эксплоатацію ухтинской нефти. Во владѣніи гр. Канкрина въ настоящее время (1903 г.) находится площадь размѣромъ около 2000 кв. верстъ, въ которую не входятъ лишь тѣ немногіе участки, заявки на которые были сдѣланы до установленія монополіи.

Такимъ образомъ, была прекращена возможность развитія частной предпріимчивости на Ухтѣ. Самимъ же гр. Канкринымъ и понынѣ ничего не предпринято. Что же касается до трудовъ г. Гансберга по развитію новой промышленности, то такъ же, какъ и раньше, онъ продолжаетъ свои работы, дополняя ихъ все новыми изслѣдованіями, и надо надѣяться, что усилія его увѣнчаются успѣхомъ, если, конечно, правительство обратитъ вниманіе на его труды и дастъ возможность развить дѣло, требующее большихъ затратъ энергіи и средствъ и могущее создать новый источникъ заработка для мѣстнаго населенія. Въ настоящее время (іюнь 1903 г.) на Ухтѣ производятся имъ работы въ 14 различныхъ мѣстахъ, изъ коихъ въ 6-ти пунктахъ, можно сказать и въ 8-ми, г. Гансбергъ достигъ уже весьма утѣшительныхъ результатовъ: нефть, какъ и надо было ожидать, появилась во всѣхъ шурфахъ. Рѣшивъ такимъ образомъ вопросъ о богатствахъ мѣстности нефтью, онъ пришелъ къ убѣжденію, что дальнѣйшія развѣдки безполезны и что слѣдуетъ приступить къ закладкѣ эксплоатаціонныхъ буровыхъ скважинъ, а также заботиться объ устройствѣ путей сообщенія. Къ сожалѣнію, при всемъ его стараніи, его мечты начать въ этомъ году закладку эксплоатаціонныхъ скважинъ не удались, ибо отсутствіе денежныхъ средствъ затормозило его дѣло. Желательно,

конечно, чтобы лица, имѣющія капиталы, поддержали это начинаніе, имѣющее, какъ видно изъ дальнѣйшаго, блестящую будущность.

Въ научномъ отношеніи на ухтинскую нефть впервые обратилъ вниманіе горный инженеръ гр. Кейзерлингъ. Въ своемъ изслѣдованіи [1]) онъ сообщаетъ, между прочимъ, что московскій купецъ Набатовъ построилъ здѣсь при Елизаветѣ Петровнѣ (1745 г.) небольшую химическую фабрику. Управляющій ею Сараевъ добывалъ чистую прозрачную „нафу“ посредствомъ дистиллировки горнаго масла. По смерти Набатова, дочь его продолжала заниматься этимъ дѣломъ; но, по несчастному случаю, управляющій замерзъ, что́ и положило конецъ промыслу.

Остальные жители сожгли всѣ постройки и покинули мѣстность. За гр. Кейзерлингомъ послѣдовали другіе изслѣдователи, а въ 1889 г. была снаряжена особая экспедиція, которая, подъ руководствомъ академика Ф. Н. Чернышева, тщательно изслѣдовала область Ухты и, произведя развѣдочныя работы, вполнѣ подтвердила и доказала присутствіе здѣсь нефти.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи я руководствоваться буду отчасти личными впечатлѣніями, а главнымъ образомъ свѣдѣніями, полученными мною отъ инженера А. Г. Гансберга, являющагося столь же замѣчательнымъ и энергичнымъ, къ сожалѣнію, столь рѣдкимъ у насъ дѣятелемъ, преданнымъ дѣлу разработки минеральныхъ богатствъ нашего Сѣвера, какимъ былъ только покойный

---

[1]) Wissenschaftliche Beobachtungen auf eine Reise in das Petschora Land, 1846.

М. К. Сидоровъ [1]). Помимо объясненій, лично мнѣ данныхъ г. Гансбергомъ, этимъ единственнымъ у насъ человѣкомъ, въ совершенствѣ знающимъ всю ту область, о которой идетъ здѣсь рѣчь, я имѣлъ возможность пользоваться также драгоцѣнными свѣдѣніями въ его запискѣ, предназначенной для одного изъ ученыхъ обществъ, а также проектами и соображеніями, изложенными имъ въ прошеніи, съ которымъ онъ предлагаетъ обратиться въ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

Наиважнѣйшія мѣста залеганія нефти расположены по бассейну р. Ухты (притокъ Ижмы), начиная отъ 10-й кончая приблизительно 50-й верстой отъ устья этой рѣки. Естественные выходы ея встрѣчаются въ многочисленныхъ мѣстахъ, какъ по самой Ухтѣ, такъ и по ея притокамъ на протяженіи, приблизительно, 40 верстъ. Есть мѣста, гдѣ нефть выступаетъ на поверхность земли на нѣсколько аршинъ выше горизонта воды въ рѣкѣ, вытекая въ видѣ ключей и образуя цѣлыя лужи густой смолистой массы. На поверхности воды въ рѣкѣ она появляется въ видѣ крупныхъ капель, всплывающихъ снизу и быстро расплывающихся по водѣ, уносимыя теченіемъ, и это продолжается безпрерывно, ежеминутно цѣлые дни и годы. Въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ теченія, и въ

[1]) А. Г. Гансбергъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ при невѣроятно-тяжелыхъ условіяхъ производилъ изученіе пустынныхъ лѣсныхъ дебрей по Печорѣ, Ижмѣ, Нижмѣ, Цыльмѣ и другимъ рѣкамъ, отыскивая родныя богатства. А его путешествіе и доставка громоздкихъ матеріаловъ и орудій для нефтяного дѣла на Ухту черезъ Мезень, вполнѣ доказавшая возможность судоходности по этой рѣкѣ, сами по себѣ заслуживали бы спеціальнаго описанія.

заливахъ нефть скопляется на поверхности воды толстымъ слоемъ.

Выдѣленіе отдѣльно нефтяного газа встрѣчается на Ухтѣ въ безчисленныхъ мѣстахъ. Газы, поднимаясь со дна рѣки бурлятъ и пузырятъ воду: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тянутся цѣлыя полосы этихъ пузырей съ газомъ, которые при поднесеніи спички вспыхиваютъ свѣтлымъ пламенемъ и потухаютъ лишь отъ порыва вѣтра. Всѣ эти естественные выходы нефти и газовъ сами по себѣ уже указываютъ насколько обширны тѣ нефтяные пласты, изъ которыхъ они выдѣляются, обнаруживая громадные запасы нефти и газовъ. На существованіе такихъ запасовъ нефти въ глубинѣ указываетъ и господствующая по берегамъ Ухты порода камня. Самой характерной здѣсь породой является доманикъ или глинисто-известковый, пропитанный нефтью сланецъ, дающій полное основаніе допустить, что онъ имѣетъ весьма близкую связь съ нефтяными источниками, потому что повсемѣстно, гдѣ встрѣчается выходъ нефти, тамъ встрѣчается и этотъ сланецъ. Отложенія горючаго сланца на Ухтѣ простираются свыше, чѣмъ на 1600 кв. верстъ. Очевидно, когда-то этотъ сланецъ въ нижнихъ горизонтахъ почвы напитывался нефтью и впослѣдствіи былъ выдвинутъ на поверхность земли.

„Не вдаваясь, говоритъ въ своей запискѣ инженеръ А. Г. Гансбергъ, въ подробности высчитыванія того количество нефти, которое потребовалось для того, чтобы пропитались эти громадныя массы милліардовъ кубическихъ саженей сланцевъ (сланецъ содержитъ 40—45% летучихъ веществъ), — нельзя не видѣть, что это количество нефти было колоссальное, и такъ какъ все

еще продолжается съ большей интенсивностью выступленіе нефти въ многочисленныхъ ея выходахъ на Ухтѣ, то надо допустить, что подземные ея запасы должны быть грандіозны, но тщательно закупорены твердыми породами".

Извлеченіе на Ухтѣ нефти искусственнымъ путемъ производилось до сихъ поръ лишь на самой незначительной глубинѣ отъ 3-хъ арш. до 24-хъ саж. Всѣ эти развѣдочныя работы показали, что нефть встрѣчается вездѣ на очень незначительной глубинѣ и что притокъ ея, съ углубленіемъ въ почву, все болѣе и болѣе возрастаетъ. Это даетъ право заключить, что пройденныя породы, по своей плотности и своему сложенію, не могутъ быть настоящими коренными нефтеносными породами, при встрѣчѣ коихъ надо было бы остановиться, а, напротивъ, онѣ являются только попутными, пропитанными нефтью породами а глубже залегаютъ нефтеносные (бассейные) пласты.

Несомнѣнно, что эти коренныя залежи нефти здѣсь находятся такъ же, какъ и въ Баку, на болѣе значительной глубинѣ—въ предѣлахъ 150 и болѣе саженей. Въ настоящее время, когда геологическое строеніе ухтинскаго нефтеноснаго района уже вполнѣ выяснено, представляется полная возможность закладывать безъ риска практическія буровыя скважины не пробнымъ порядкомъ, а по строго установленнымъ научнымъ даннымъ, гарантирующимъ отъ всякой случайности.

Что касается до качества нефти, то согласно анализу, сдѣланному г. Гансбергомъ, ухтинская нефть является первой въ Россіи, которая, сравнительно съ такимъ значительнымъ удѣльнымъ вѣсомъ, даетъ такое большое количество легкихъ дистилляровъ: она близка

къ бакинской нефти съ балаханской площади и тамошней биби-эйбатской. Значительный удѣльный вѣсъ ухтинской нефти—0,883—относится къ, такъ называемымъ, тяжелымъ сортамъ бакинской нефти 0,880 — 0,885, а по выходу освѣтительныхъ маслъ ее можно причислить къ американской нефти изъ Пенсильваніи. Но надо замѣтить, что для изслѣдованія были взяты образцы далеко не лучшіе, а лишь съ незначительной глубины и значительно окисленные, т.-е. потерявшіе значительную часть своихъ легкихъ углеводородовъ: результаты анализа получились бы лучшіе, еслибы нефть могла быть взята изъ коренныхъ нефтеносныхъ слоевъ [1]).

Послѣ отгона дестиллятовъ и приведенія перегон-

---

[1]) Анализъ ухтинской нефти.

Взятая изъ скважины глубиною въ 35 фут., нефть представляетъ собою негустую, довольно подвижную жидкость бураго цвѣта съ обычнымъ нефти запахомъ, удѣльнаго вѣса при 15° С.—0,883 со вспышкою газовъ при 1°24° С. и барометрическомъ давленіи 765 mm. Температура загоранія 28° О. 1000 граммъ обезвоженной нефти при анализѣ даютъ слѣдующіе результаты:

№№ Погоновъ.	Температура.	Вѣсъ погоновъ. Въ граммахъ.	Удѣльный вѣсъ. Выходъ % при 15° С.		
1.	Отъ нач. до 100	17	1,70%	0,710	Бензинъ 0,733 = 6 %.
2.	„ 100—200	20	2,00%	0,736	
3.	„ 120—140	22	2,20%	0,756	
4.	„ 140—150	32,5	3,25%	0,760	Керосинъ.
5.	„ 150—200	87	8,70%	0,785	
6.	„ 200—250	125	12, 5%	0,814	
7.	„ 250—270	60	6,00%	0,838	0,817 = 36%.
8.	„ 270—280	34	3,40%	0,846	
9.	„ 280—300	22	2,20%	0,849	
10.	„ 300—310	16	1,16%	0,851	Соляровое масло.
		435,5 гр.	43,55%.		

наго прибора къ нормальной температурѣ въ 15 °С, въ немъ оказались нефтяные остатки вѣсомъ въ 550 гр., что̀ составляетъ по отношенію къ взятой въ перегонъ нефти 55% мазута. При соединеніи же вышеполученныхъ перегоновъ получилось:

1. Соединеніе погоновъ №№ 1, 2, 3 дало бензинъ вѣсомъ при 15 °С. 0,733, количествомъ выхода 6%.

2. Соединеніе погоновъ №№ 4, 5, 6, 7, 8 и 9— керосиновый дестиллятъ уд. в. при 15 °С 0,817, количествомъ выхода 36%.

3. Погонъ № 10—соляровое масло уд. в. при 15°С. 0,851, количествомъ выхода 1,6%. Погонъ этотъ можетъ быть присоединенъ къ керосиному дестилляту, или же оставленъ въ нефтяныхъ остаткахъ для пониженія ихъ удѣльнаго вѣса.

4. Мазутъ, или нефтяные остатки, темно-бураго цвѣта оказались удѣльнаго вѣса при 15 °С. 0,950, количествомъ 55%. Итакъ, мы видимъ, что ухтинская нефть не взирая на то, что брались съ пробы незначительной глубины, не только пригодна для полученія хорошаго, даже высшаго качества керосина, но и способна дать значительно большее количество, чѣмъ бакинская нефть (Записка инженера А. Г. Гансберга).

Анализъ, приводимый академикомъ Ф. Н. Чернышевымъ (Извѣст. Геологич, ком-та 1891 и 1892 г.г.), даетъ цифры почти тождественныя; по изслѣдователю— „полученные перегоны подходятъ ближе всего къ нефти кубанской и грозненской. Можно ли утверждать, что нефть эта тождественна съ американской, покажутъ опыты И. Ф. Шредера“ Анализа г. Шредера я найти въ Архангельскѣ не могъ.

Развитіе нефтяного дѣла на Ухтѣ имѣло бы для всего Печорскаго края очень большое значеніе и съ санитарной точки зрѣнія. Населеніе его, не имѣя собственнаго хлѣба въ количествѣ, достаточномъ для пропитанія, принуждено ежегодно употреблять въ пищу, такъ называемый, голодный хлѣбъ, примѣшивая къ мукѣ различные суррогаты—мякину, солому, траву, листья и сѣмена дико-растущихъ растеній. Единственнымъ промысломъ по теченію Ижмы, который могъ бы давать населенію возможность покупать необходимый для него хлѣбъ, является въ настоящее время охота на птицу и мелкаго звѣря. Но этотъ промыселъ съ каждымъ годомъ падаетъ, и населеніе находится въ неоплатномъ долгу у чердынскихъ купцовъ. При развитіи нефтяного дѣла для населенія открылся бы новый и, можно сказать, безграничный источникъ заработковъ, какъ ухтинская нефть, при ея громадныхъ запасахъ и высокомъ качествѣ, могла бы снабжать свѣтомъ и топливомъ не только значительную часть Россіи, но и имѣть свободный доступъ за границу.

Надо, однако, сказать, что развитіе этой промышленности, такъ же, какъ и вообще развитіе Печорскаго края, совершенно невозможно, безъ проведенія удобныхъ путей сообщенія. Въ настоящее время они совершенно отсутствуютъ, такъ какъ невозможно назвать путями сообщенія тотъ, поистинѣ варварскій, способъ передвиженія, который долженъ испытать всякій путешественникъ, желающій проѣхать къ нефтянымъ источникамъ на Ухтѣ. Маршрутъ его таковъ. Отъ Москвы до Архангельска, на протяженіи 1049 в., путь совершается по желѣзной дорогѣ въ теченіе 36 часовъ. Далѣе — отъ

Архангельска надо ѣхать моремъ до устьевъ Печоры въ теченіе 4—5, а иногда 8—9 дней, въ худшемъ случаѣ — возвращаться обратно и ждать, когда очистятся ото льда устья этой рѣки; затѣмъ ѣхать надо на пароходѣ по самой Печорѣ до с. Ижмы 258 в. — 6 дней. Далѣе, вверхъ по теченію р. Ижмы, путь совершается уже въ лодкахъ, и на разстояніе 230 в. приходится тратить уже цѣлыхъ 106 часовъ, т.-е. въ часъ дѣлать только двѣ съ небольшимъ версты. При этомъ путника, сидящаго на лодкѣ, въ будочкѣ, имѣющей видъ собачьей конуры, куда приходится залѣзать на четверенькахъ, переваливаясь черезъ очень высокій порогъ—все время тащатъ на бичевкѣ лямкой идущіе по берегу лодочники, припрягая на нѣкоторыхъ станціяхъ, гдѣ позволяетъ это берегъ, вмѣсто себя лошадь. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ идти по берегу бичевой невозможно, лодку двигаютъ, упираясь въ дно лодки шестами.

Весь этотъ путь отъ Москвы до Ухты черезъ Ледовитый океанъ, р.р. Печору, Ижму и Ухту имѣетъ протяженіе 3859 в. и, при условіи безостановочной ѣзды, можно сдѣлать не менѣе, какъ въ 11—12½ сутокъ. Но ѣзда безъ остановки возможна лишь по желѣзной дорогѣ отъ Москвы до Архангельска. Дальше начинается цѣлый рядъ случайностей, на болѣе или менѣе продолжительный срокъ ее прерывающихъ и не дающихъ возможности даже съ приблизительной точностью сказать, на какой срокъ она можетъ затянуться.

Печорскій край богатъ не одной только нефтью: мѣдная руда, золото, которое встрѣчается во многихъ мѣстахъ западнаго склона Уральскихъ горъ, марганецъ,

желѣзо, точильный камень, аспидный сланецъ, горючій сланецъ или доманикъ, каменный уголь, бурый уголь, повареная соль и другія минеральныя богатства найдены во многихъ мѣстахъ, и разработка ихъ могла бы сдѣлать этотъ край одной изъ богатыхъ промышленныхъ областей Россійской Имперіи, имѣющій при томъ близкій сбытъ заграницу.

Станъ нефтепромышленниковъ на р. Ухтѣ.

Между тѣмъ, всѣ недостатки и бѣдствія, неизбѣжно соединенныя съ отсутствіемъ путей сообщенія, легко могутъ быть по изысканіямъ, сдѣланнымъ на мѣстѣ инженеромъ А. Г. Гансбергомъ, устранены проведеніемъ четырехъ дорогъ, не требующихъ къ тому же значи-

тельныхъ расходовъ. Помимо своихъ спеціально коммерческихъ и промышленныхъ цѣлей, дороги эти будутъ имѣть и весьма важное государственное и экономическое значеніе, какъ соединяющія нынѣ совершенно изолированный край съ главными пунктами хлѣбныхъ складовъ. Не менѣе важное значеніе имѣли бы эти пути и въ административномъ отношеніи для посѣщенія властями тѣхъ, нынѣ совершенно изолированныхъ пунктовъ населенія, до которыхъ онѣ теперь съ большимъ трудомъ и огромной потерей времени пробираются рѣчками въ лѣтнее время.

Если мы примемъ за центръ нефтяные источники на Ухтѣ, какъ будущее средоточіе промышленной дѣятельности въ Печорскомъ краѣ, то проведеніемъ одной грунтовой дороги или даже просто просѣки, очень значительно былъ бы сокращенъ путь отъ центра Россіи до Печоры. Какимъ образомъ совершается этотъ путь теперь—черезъ Ледовитый океанъ по р.р. Печорѣ, Ижмѣ и Ухтѣ, насколько онъ удобенъ и продолжителенъ, было сказано выше. Проведеніемъ просѣки въ 110 в. отъ с. Вислянь (на р. Выми), докуда пароходное сообщеніе существуетъ уже теперь [1]), къ р. Ухтѣ при впаденіи въ нее р. Тобыша, и дальше правымъ берегомъ Ухты до ея устья (33 в.), съ вѣтвью отъ 38-й версты р. Ухты (считая отъ ея устья) по направленію къ р. Ижмѣ до деревни Порожской, на разстояніи 45 верстъ, была бы создана дорога, весьма значительно сокращающая доступъ къ Печорѣ и не имѣющая неудобствъ настоящаго пути.

[1]) Пароходство Л. Н. Козлова по р. Вымь.

Маршрутъ по этому южному пути существуетъ и въ настоящее время и идетъ такъ:

Отъ Москвы желѣзной дорогой до Ярославля . .	262 в.	454 в.—16 ч.	
„ Ярославля „ „ „ Вологды . .	192 „		
„ Вологды „ „ „ Котласа . .	550 в.	1002 в.—63 ч.	
„ Котласа пароходомъ до устья Выми . . .	292 „		
„ Устья Выми „ „ села Вислянь . . .	160 „		
„ с. Вислянь лодкой до устья р. Шонвуквы . .	115 в.	310 в.—90 ч.	
„ Устья р. Шонвуквы „ „ Волока . . .	100 „		
Пѣшкомъ по волоку „ „ р. Ухты	5 „		
Рѣкой Ухтой въ лодкѣ до нефтяныхъ промысл. .	90 „		
Всего . .	1766 в.	8 сутокъ.	

Хотя и этотъ путь по сравненію его съ обыкновеннымъ путемъ черезъ Ледовитый океанъ короче на цѣлыхъ 2093 версты и совершается лишь въ 8 сутокъ (также при условіи безостановочной ѣзды), но, въ виду вымьскихъ пороговъ и мелководья р. Шонвуквы, онъ не можетъ имѣть серьезнаго промышленнаго значенія, и имъ пользуются очень мало.

При устройствѣ же проектированной дороги (просѣки) отъ с. Вислянь до нефтяныхъ источниковъ, маршрутъ будетъ имѣть слѣдующій значительно упрощенный и сокращенный видъ,

Отъ Москвы желѣзной дорогой до Вологды . . .	454 в.	— 16 ч.	
„ Вологды пароходомъ „ Котласа. . . .	550 в.	1112 в.—79 в.	
„ Котласа „ „ устья р. Выми.	292 „		
„ Устья Выми „ „ с. Вислянь . .	160 „		
„ С. Вислянь экипажемъ до нефтяныхъ пром.	110 „		
	1566 в.	4 сутокъ.	

Итакъ, помимо того, что все время путь совершается въ культурныхъ условіяхъ, сокращается до 4-хъ дней, онъ пріобрѣтаетъ громадное значеніе продолжи-

тельностью своего навигаціоннаго времени. Взамѣнъ дальняго и сложнаго пути по Ледовитому океану эта дорога будетъ открыта въ продолженіе по меньшей мѣрѣ 5 мѣсяцевъ (съ мая по сентябрь включительно), и хлѣбные грузы изъ своего центра—ст. Котласъ — до мѣста назначенія будутъ совершать путь почти на 2000 верстъ болѣе короткій, не говоря уже о томъ, что продукты существующаго по р. Печорѣ и ея притокамъ охотничьяго и другихъ промысловъ могутъ быть направляемы прямо въ Москву безъ посредства чердынскихъ купцовъ и мѣстныхъ скупщиковъ.

Съ точки зрѣнія санитарнаго состоянія края, особенно важное значеніе имѣетъ удешевленная и упрощенная доставка въ Печорскій край хлѣба, который ежегодно населеніе принуждено покупать и который въ правительственныхъ складахъ на Печорѣ продается по цѣнѣ отъ 1 р. 18 к. до 1 р. 60 к. за пудъ. Разработка же минеральныхъ богатствъ края сдѣлается доступной для каждаго предпринимателя, давъ ему возможность получать необходимыя орудія производства непосредственно изъ центра Россіи и избавивъ отъ того же несчастья, вслѣдствіе котораго попытки Сидорова и другихъ окончились такъ печально.

Другая, не менѣе важная для будущности края грунтовая дорога и также легко возможная къ проведенію въ видѣ просѣки, необходима, какъ для передвиженія нужныхъ для производства рабочихъ (съ населенныхъ верховьевъ р. Мезени къ мало населенному мѣсту по р. Ухтѣ, такъ и для сбыта продуктовъ и промышленности заграницу въ тѣхъ случаяхъ, когда устья Печоры заперты льдами.

По изслѣдованіямъ г. Гансберга, этотъ транзитный путь совершенно исполнимъ и можетъ быть проведенъ отъ того же с. Вислянскаго (на р. Выми) по направленію къ р. Мезени до селенія Кослянскаго на протяженіи приблизительно 120—125 верстъ длиною. До означеннаго селенія, какъ убѣдился въ этомъ личнымъ опытомъ г. Гансбергъ, р. Мезень вполнѣ судоходна, а устья ея, значительно раньше освобождаясь отъ льда по сравненію съ устьями Печоры, раньше становятся доступными для судоходства.

Означенный транзитный путь съ открытіемъ нефтяной промышленности явится неизбѣжнымъ въ виду того короткаго времени навигаціи, которая существуетъ благодаря встрѣчаемымъ затрудненіямъ отъ постоянныхъ льдовъ при устьяхъ Печоры и того громаднаго груза, который явится съ открытіемъ нефтепромышленности. Этотъ же путь будетъ служить и путемъ для хлѣба, который нынѣ провозится на Мезень такъ же, какъ и на Печору, моремъ, но который теперь пробирается дальше очень тяжелымъ путемъ по р.р. Ирвѣ и Іольвѣ, рядомъ озеръ и 6-верстнымъ волокомъ отъ той же деревни Вислянь до с. Глотовскаго на Мезени. При существованіи дороги этотъ сложный путь по порожистымъ рѣкамъ и по озерамъ значительно упроститъ и удешевитъ доставку хлѣба, водки и другихъ продуктовъ.

Третья, весьма важная просѣка должна быть проведена съ р. Ижмы отъ деревни Ухты по направленію къ р. Печорѣ до селенія Печорскаго, близъ устья р. Подчеремы, примѣрно длиною въ 180 в. Эта дорога имѣла бы громадное государственное значеніе, сообщая верховья Печоры съ общими дорогами центра Россіи. Съ

проведеніемъ ея соединятся между собою будущій промышленный центръ Печорскаго края, западные склоны Урала и сѣть дорогъ центра Россіи. Означенная дорога соединится также съ главнымъ центромъ хлѣбныхъ грузовъ на сѣверѣ, съ желѣзно-дорожной станціей Котласъ, и болѣе чѣмъ на 2 тысячи верстъ сократится на Печору путь хлѣбу, который направляется нынѣ отъ станціи Котласъ до Архангельска по С. Двинѣ (700 в.), моремъ 2200 в. и затѣмъ уже противъ теченія по р. Печорѣ, находясь притомъ, какъ упомянуто, въ полной зависимости отъ льдовъ сѣвернаго океана.

Кромѣ морского пути, издревле хлѣбъ на Печору доставлялся и понынѣ еще доставляется купцами инымъ путемъ: отъ г. Чердыни Пермской губ. по р. Колвѣ, ея притоку Березовкѣ, Чусовому озеру и р. Волостницѣ къ Якшинской пристани на Печорѣ. Этотъ путь, который также не былъ оставленъ г. Гансбергомъ безъ обслѣдованія, эксплоатируется чердынскими купцами и теперь въ виду большихъ выгодъ обмѣнной торговли, поддерживаемой всѣми силами.

Населеніе Печорскаго края, не имѣя возможности покупать хлѣбъ изъ казенныхъ складовъ, гдѣ онъ отпускается лишь за наличныя деньги, имѣетъ его почти исключительно отъ чердынскихъ купцовъ и цѣликомъ находится въ зависимости отъ ихъ произвола. Чердынцы привозятъ хлѣбъ и другіе предметы первой необходимости, увозя обратно за безцѣнокъ семгу, пушнину, дичь и продукты оленеводства въ громадной массѣ, беря все буквально, какъ сказано, за безцѣнокъ.

Но этотъ путь доступенъ только зимой, когда замерзаютъ болота, или весною, въ теченіе очень корот-

каго промежутка времени, сейчасъ же послѣ вскрытія рѣкъ во время половодья, и невозможенъ въ другое время по мелководью. Подстерегши время и прорвавшись на Печору, чердынскіе купцы становятся здѣсь уже полнымй хозяевами и попытки казны регулировать цѣны на хлѣбъ путемъ устройства складовъ до сей, по крайней мѣрѣ, поры успѣха не имѣли.

Между тѣмъ, постройкой одной лишь короткой желѣзной дороги отъ г. Чердыни до Якшинской пристани на Печорѣ, на протяженіи только 200 в. былъ бы созданъ транзитный путь, соединяющій Волгу съ Печорою и вполнѣ доступный для движенія хлѣбныхъ грузовъ. Этотъ путь представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Отъ устьевъ Камы до г. Перми. .	963 в.	пароходомъ.
„ г. Перми „ г. Чердыни.	110 в.	
„ г. Чердыни (рябинскій перекатъ) до Якшинской пристани на Печорѣ . .	200 в.	по проектируемой желѣз. дорогѣ.

Кстати, предполагаемая желѣзная дорога была бы только въ разстояніи 110 вер. отъ станціи Березники линіи Пермь-Котласской желѣзной дороги Чусовской вѣтви.

Такимъ образомъ, будетъ имѣться два пути: рѣчной по Камѣ и Волгѣ, или желѣзно-дорожный съ Печоры по направленію къ Перми или на Екатеринбургъ—къ главной станціи Сибирской желѣзной дороги.

Но рядомъ съ облегченной доставкой хлѣба изъ Сибири, обязательно должны быть проведены указанныя просѣки въ Вологодской и Архангельской губерніяхъ. Безъ этого остается то же положеніе: безъ развитія про-

мышленности населеніе не будетъ въ состояніи купить хлѣбъ и останется въ той же кабальной зависимости отъ чердынскихъ купцовъ, у которыхъ нынѣ средній крестьянинъ въ долгу на 300 — 400 — 600 и болѣе рублей.

Желѣзно-дорожный путь, который соединялъ бы бассейны Камы и Печоры, проектировался въ 1887 г. и чердынскими купцами. Онъ долженъ былъ, по ихъ мнѣнію, идти отъ, такъ называемой, сусловой пристани до той же Якшинской пристани на Печорѣ и имѣть протяженіе 30 верстъ. Но рѣчка Березовка до начальнаго пункта проектируемой дороги пересыхаетъ, и доставка товаровъ по ней возможна только весной въ теченіе одного мѣсяца. Чердынцы, слѣдовательно, желали весной перевозить на Печору только свой собственный грузъ, такъ какъ дорога будетъ бездѣйствовать круглый годъ.

Данныя о направленіи желательныхъ для будущности Печорскаго края дорогъ, какъ я много разъ упоминалъ, взяты мною у неутомимаго изслѣдователя Печоры А. Г. Гансберга. Конечно они требуютъ спеціальной провѣрки, и я не могу здѣсь приводить подробности его расчетовъ и техническихъ соображеній, но достаточно, полагаю, взглянуть на карту, чтобы видѣть, какую будущность пророчатъ эти пути совершенно дикому и пустынному въ настоящее время краю, если стремленія г. Гансберга увѣнчаются успѣхомъ.

Что же касается до путей сообщенія въ самомъ уѣздѣ, такъ сказать, во внутренности страны, то, думается, что практика жизни сама укажетъ ихъ наилучшее направленіе, разъ мѣстное населеніе, очень смѣтливое и предпріимчивое, со введеніемъ земскихъ учрежде-

ній само будетъ сообразоваться съ мѣстными условіями, которыя трудно доступны не только случайному путешественнику, но и мѣстной администраціи.

Кромѣ нефти, какъ я упомянулъ, и другія минеральныя руды были найдены уже давно въ Печорскомъ краѣ. Историческія свѣдѣнія о попыткахъ къ ихъ экс-

Способъ передвиженія лѣтомъ.

плоатаціи могутъ быть найдены въ сообщеніяхъ академика Ф. Н. Чернышева, въ справочныхъ книжкахъ по Архангельской губ., разбросаны по многимъ изданіямъ учебныхъ обществъ, но особенно много интересныхъ свѣдѣній собрано въ многочисленныхъ трудахъ по Сѣверу М. К. Сидорова. Наибольшее вниманіе всегда при-

влекала и до сихъ поръ привлекаетъ мѣдная руда по р. Цыльмѣ. Карамзинъ въ своей исторіи говоритъ о ней слѣдующее: „Доселѣ мы пользовались чужими драгоцѣнными металлами, добываемыми торговлею черезъ Югру (нынѣшній Печорскій край). Но издавна былъ слухъ, что страны полунощныя близъ Каменнаго пояса (Урала) изобилуютъ металлами. Въ 1491 г. два нѣмца, Иванъ и Викторъ, отправились искать серебряной руды въ окрестностяхъ Печоры. Черезъ 7 мѣсяцевъ они возвратились съ извѣстіемъ, что они нашли оную вмѣстѣ съ мѣдною на р. Цыльмѣ, верстахъ въ 20 отъ Космы на пространствѣ 10 верстъ, и съ того времени мы начали сами добывать и плавить металлы и чеканить монету.

И дѣйствительно, слѣды этихъ шахтъ, представляющіе нынѣ огромныя, заросшія, заброшенныя и заваленныя гніющими деревьями ямы, мнѣ пришлось самому видѣть въ 1903 г. въ дремучемъ лѣсу на берегу Цыльмы. „Въ лѣто 6999 (1492 г.), продолжаетъ Карамзинъ, Великій Князь отпустилъ Мануила Илларіева сына, грека, да съ нимъ боярскихъ дѣтей съ мастеры фрязы серебра дѣлати и мѣдь на рѣкѣ Цыльмѣ руду копать“. Въ началѣ XVII в. иностранецъ Миллеръ основалъ заводъ на р. Космѣ, при этомъ жители, опасаясь закрѣпощенія къ заводу, старались скрыть отъ него мѣстонахожденія руды, а заводчикъ, непривычный къ климату, вскорѣ умеръ. При императорѣ Николаѣ I посланные на Печору сенаторы Мертенсъ и Корниловъ докладывали, что „тамъ есть каменный уголь, нефть и сѣрные источники, и что въ непроходимыхъ лѣсахъ толщина и величина деревьевъ— невѣроятны“. Въ 1864 г. на берегахъ Цыльмы вновь открыта мѣдная руда: отставной межевщикъ Лебедевъ

собралъ и доставилъ въ статистическій Комитетъ очень хорошіе образцы руды, содержавшей около 20% мѣди. Снаряженная въ 1867 г. экспедиція также нашла здѣсь руду съ содержаніемъ 33% чистой мѣди. Наконецъ, въ 1889 г. экспедиція академика Ф. Н. Чернышева, произведя научное изслѣдованіе края, доказала присутствіе здѣсь, кромѣ нефти и другихъ металловъ и минераловъ, также мѣдной руды. Такія руды встрѣчаются во многочисленныхъ пунктахъ по Цыльмѣ, Косьмѣ и Сулѣ. Главная масса руды представляетъ мѣдный блескъ, проникающій ткани растительныхъ остатковъ, превращенныхъ въ каменный уголь. Онъ сопровождается окисленными мѣдными рудами, проникающими въ массу зеленовато-сѣрой глины. Но такъ какъ развѣдочныя работы академика Чернышева по ограниченности средствъ и времени, имѣли цѣлью опредѣлить только условія залеганія руды и ихъ качество, то онъ приходитъ къ заключенію, что самый запасъ руды можетъ быть опредѣленъ только детальными и дорого стоющими работами. До сихъ поръ такихъ работъ не сдѣлано, и мѣстонахожденіе коренной руды остается неизвѣстнымъ. Средняя проба содержащей глины дала 3,2% мѣди.

Въ 1896 г. членъ Географическаго Общества И. П. Бартеневъ также отправился для развѣдокъ мѣди на Цыльму. „Развѣдки, говоритъ онъ въ своемъ докладѣ (Извѣстія Императ. Русск. Географ. Общ. т. XXXIII, 1397 г.), дали весьма мало результатовъ и подтвердили только изслѣдованія Ф. Н. Чернышева. Что же касается до главнаго вопроса о запасахъ мѣдныхъ рудъ, то онъ остается совершенно невыясненнымъ. Можетъ быть, на руду нужно смотрѣть, какъ на минералогически-любо-

пытный фактъ присутствія мѣдныхъ рудъ въ девонскихъ слояхъ, но, можетъ быть, и богатые рудою пласты скрыты отъ насъ плывунами, черезъ которые мы не имѣли средствъ пробраться за отсутствіемъ сильныхъ водоотливныхъ насосовъ". На Цыльмѣ, добавляетъ г. Бартеневъ, наши предки производили разработки; это—несомнѣнно, и добывалась руда, а не минералогически-интересныя рѣдкости. По его вычисленію, подъ древними работами была площадь болѣе 4-хъ кв. верстъ или 4.000.000 кв. саженей. Если предположить здѣсь пластъ глины, содержащей въ среднемъ хотя 0,05 саж., то и тогда (предполагая, согласно анализу Чернышева, содержаніе 3,2% чистой мѣди въ глинѣ) получимъ 50.000.000 пудовъ вынутой рудоносной глины или 1.600.000 пудовъ чистой мѣди, добытой на пространствѣ 4-хъ кв. верстъ.

Особенно интересныя свѣдѣнія о своихъ попыткахъ къ разработкѣ минеральныхъ богатствъ Печоры и вообще всего Сѣвера сообщаетъ М. К. Сидоровъ, этотъ замѣчательный въ исторіи Сѣвера Россіи человѣкъ. Препятствія, встрѣченныя имъ, невѣроятны и доходятъ положительно до курьезовъ. Въ 1840 г., сообщаетъ онъ, купецъ В. Латкинъ обратился въ министерство съ просьбой о дозволеніи ему открыть путь съ моря въ Печору и при этомъ отпускать ему безпошлинно югорскій лѣсъ въ возмездіе за его труды и издержки. Въ просьбахъ его ему было отказано, какъ въ „несбыточныхъ мечтахъ". Что же касается другого его ходатайства—о безпошлинной добычѣ соли и другихъ минераловъ, то „дѣло не подвигалось, и прошло 18 лѣтъ въ тщетной перепискѣ", пока онъ не истощилъ всѣхъ своихъ

средствъ и лишился всѣхъ своихъ компаньоновъ. Въ 1861 г. самъ Сидоровъ нашелъ золотосодержащія земли по системѣ р. Щугора, впадающей въ Печору, и сдѣлалъ заявки на 7 площадей. „Отъ подачи просьбы объ отводѣ этихъ пріисковъ до настоящаго времени, говоритъ Сидоровъ, прошло около 20 лѣтъ, и изъ всѣхъ компаньоновъ остался въ живыхъ только самъ Сидоровъ, затратившій на это открытіе около 30 тысячъ рублей".

Страннымъ является и то, что когда Сидоровъ въ 1877 г. заявилъ объ открытіи имъ золота на Новой Землѣ—въ Костиномъ шарѣ и въ Маточкиномъ шарѣ, въ рѣчкахъ и ключахъ, впадающихъ здѣсь въ море, и просилъ объ отводѣ ему участковъ подъ разработку, то архангельское управленіе государственныхъ имуществъ 29 іюня 1877 г., за № 3190 отвѣтило, что „отводъ разрѣшить не можетъ по той причинѣ, что Новая Земля не перечислена къ казеннымъ дачамъ". Отъ министерства же, куда обратился неутомимый Сидоровъ, данъ отвѣтъ, что „такъ какъ заявка не удовлетворяетъ требованіямъ о частной золотопромышленности, то не можетъ считаться дѣйствительной, почему никакого распоряженія объ отводѣ сдѣлано быть не можетъ". Попытки разрабатывать мѣдь на Печорѣ и въ другихъ сосѣднихъ мѣстахъ терпѣли ту же участь и, напр., въ 1855 и въ 1860 гг. Кузнецовымъ были сдѣланы заявки на пріисканіе мѣди по системѣ Цыльмы, и съ прошеніемъ объ этомъ онъ обратился въ департаментъ горныхъ дѣлъ. Но департаментъ отвѣтилъ, что съ подобными заявленіями просители должны обращаться въ горное правленіе. Кузнецовъ обратился въ олонецкое горное пра-

вленіе, такъ какъ по горнымъ дѣламъ архангельская губернія была причислена къ олонецкому округу [1]); но и оно ему отказало „за непринадлежностью тому правленію архангельской губерніи“. Послѣ того, сколько ни ходатайствовалъ самъ Кузнецовъ, а послѣ его смерти и его наслѣдники передъ министерствомъ финансовъ,— въ теченіе 20 лѣтъ отвѣта не получено.

Приведу еще примѣръ. 20 апрѣля 1878 г. дочь статскаго совѣтника Ольга Рубцова представила министру государственныхъ имуществъ прошеніе объ отводѣ ей 3-хъ участковъ на Новой Землѣ, для разработки открытыхъ здѣсь ею залежей нефти и доманика, и смѣту въ размѣрѣ 50-ти тысячъ рублей на расходы экспедиціи. Отвѣта не было въ теченіе 7-ми лѣтъ. Послѣ того г-жа Рубцова 30 октября 1880 г. просила министра возвратить ей суммы, затраченныя на расходы, и убытки отъ неполученія ею отвѣта, ни удовлетворенія вопреки закона, такъ точно и ясно выраженнаго въ нефтяномъ уставѣ 1872 г. § 15. „Отвѣта нѣтъ, говоритъ г. Сидоровъ, и по сіе время“ (книга М. К. Сидорова „Сѣверъ Россіи“, 1881 г.).

Приведя огромный рядъ такихъ примѣровъ, Сидоровъ справедливо замѣчаетъ: „у насъ часто раздаются голоса на недостаточность русской предпріимчивости. Но кто прочтетъ эту книгу, убѣдится, что нельзя разсчитывать ни на существовавшіе законы, ни на здравый смыслъ чиновниковъ, ни на обязанности администраціи содѣйствовать выводамъ государства: все зависитъ отъ

[1]) Нынѣ сдѣланъ значительный шагъ впередъ, ибо архангельская губ. причислена не къ олонецкому, а только къ вологодскому округу, и до Вологды 595 верстъ.

произвола или отъ того, что какой-нибудь столоначальникъ не хотѣлъ вникнуть въ дѣло, переданное ему для разработки".

Кстати будетъ здѣсь, говоря о промышленности, сказать, что біографія выдающагося дѣятеля сѣвера, самого М. К. Сидорова,—очень интересна. Очень богатый человѣкъ, золотопромышленникъ, авторъ 184 докладовъ въ различныхъ ученыхъ обществахъ и многочисленныхъ статей по самымъ разнообразнымъ вопросамъ Сѣвера, авторъ также 14 докладовъ и записокъ о мѣрахъ къ улучшенію эксплоатаціи богатствъ Сѣвернаго Края, поданныхъ министру внутреннихъ дѣлъ гр., Лорисъ-Меликову, и 7-ми таковыхъ же, обращенныхъ къ графу Игнатьеву въ 1880 — 1881 г.г., членъ 19 ученыхъ и благотворительныхъ обществъ русскихъ и 6-ти иностранныхъ, получившій 4 медали за свои труды и орденъ Владиміра 4-й степени „во вниманіе къ особымъ по развитію русскаго торговаго мореходства заслугамъ", пожертвовавшій, наконецъ, 160 тысячъ рублей на дѣла народнаго образованія и научные труды по Сѣверу и еще 160 тыс. на пріобрѣтеніе коллекцій изъ полярныхъ странъ для 16 выставокъ, — словомъ, человѣкъ, посвятившій жизнь свою на развитіе Сѣвера, — какъ это ни странно, былъ представленъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири гр. Н. Н. Муравьевымъ къ административной ссылкѣ изъ Сибири въ Архангельскъ, какъ „безпокойный и вредящій золотопромышленности человѣкъ", причемъ ему было сдѣлано оффиціальной бумагой, черезъ управляющаго Енисейской губ. Радюкова,—„нравственное внушеніе".

Нѣсколько странно и то, что когда Сидоровъ по-

жертвовалъ на открытіе въ Сибири университета 25 тысячъ руб., то было сперва приказано освидѣтельствовать его, не принадлежитъ ли онъ къ скопческой сектѣ, а когда, по осмотрѣ въ присутствіи Енисейскаго губерна-тора, оказалось, что онъ не скопецъ, то было возбуждено противъ Сидорова уголовное дѣло по обвиненію его въ томъ, во 1) что онъ, имѣя дипломъ домашняго учителя, не долженъ былъ имѣть пріисковъ, и во 2) что Сидоровъ употребилъ подлогъ при исходатайствованіи себѣ чина, представивъ удостовѣреніе родителей, что онъ занимался съ дѣтьми годъ, между тѣмъ какъ онъ занимался не годъ, а 9 мѣсяцевъ, такъ какъ на лѣтнее время каникулъ уѣзжалъ для поисковъ золота. Слѣдствіе продолжалось 4 года, и Сидорову былъ воспрещенъ выѣздъ изъ города. Но такъ какъ законъ запрещаетъ принимать пожертвованія отъ подсудимыхъ, то 25 тысячъ Сидорова не были приняты.

Самъ Сидоровъ объ этихъ событіяхъ или о томъ, какъ въ 1864 г. въ Красноярскѣ, дабы его не выбрали городскимъ головой, было заведено противъ него нѣсколько уголовныхъ дѣлъ, при чемъ подъ конвоемъ представляли его въ полицейское управленіе и томили тамъ по нѣскольку часовъ, или какъ ему въ 1863 г. было велѣно выйти вонъ изъ присутствія губернскаго 'совѣта, куда онъ явился съ просьбою, желая помочь экспедиціи адмирала Крузенштерна по изслѣдованію устьевъ Печоры, а также и о многомъ другомъ,—передаетъ въ настолько эпически-спокойномъ тонѣ, что можно лишь удивляться временамъ и взглядамъ, давнымъ давно канувшимъ въ вѣчность.

Какъ интересный архивный документъ того времени, позволю себѣ привести здѣсь, въ сокращенномъ видѣ,

достойное сохраненія въ памяти потомства письмо Ольги Рубцовой, характеризующее тѣ затрудненія, которыя встрѣчала частная предпріимчивость на Сѣверѣ Россіи.

Въ 1873 г. дочь статскаго совѣтника Ольга Рубцова получила отъ окружного инспектора, согласно предложенія управляющаго министерствомъ, приглашеніе пожертвовать капиталъ по поводу столѣтія горнаго института. Вотъ ея отвѣтъ: „Предложеніе это я сочла бы долгомъ исполнить, еслибы мнѣ извѣстно было содѣйствіе или, по крайней мѣрѣ, сочувствіе со стороны главнаго начальства къ лицамъ, заботящимся о развитіи горнаго промысла на сѣверѣ. Напротивъ, мнѣ извѣстны грустные факты, указывающіе, что невниманіе къ такимъ лицамъ дошло до невѣроятія. Я открыла на самомъ дальнемъ сѣверѣ — Новой Землѣ — нефть и каменный уголь, вошла въ компанію по разработкѣ графита, открыла свинцовыя руды въ Варангерѣ и пр. Каковы результаты? Въ 1864 г. я съ г. Сидоровымъ просила объ отводѣ 3-хъ кв. верстъ подъ разработку нефти на Ухтѣ. Въ 1866 г. министерство предоставило только одну. Въ 1867 г. лишило насъ и этой версты, найдя землю необходимой для правительственныхъ надобностей. Въ 1868 г. опять признало возможнымъ дать одну версту въ оброкъ на 12 л., но съ ежегодной платой по 316 р. въ годъ, т.-е. по 3 р. съ десятины, когда такса на казенныя земли въ Архангельской губ. была по 10 коп, съ десятины. По изданіи правилъ 1872 г. о нефтепромышленности, оно подчинило нефтяное производство этимъ правиламъ, несмотря на то, что по ст. 65 законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ. Точно также поступило и съ другими заявителями: Мажарову

и Рубцову были отведены 5 участковъ, а потомъ объявлены на нихъ торги. Получивши вновь отводы, заявители послали въ отдаленную мѣстность довѣренныхъ и бурильщиковъ, и когда сдѣлали скважины и открыли нефть, сдѣлано было распоряженіе объ отобраніи у нихъ отводовъ и объ отдачѣ ихъ въ то же время другимъ лицамъ. Въ іюлѣ 1873 г. М. К. Сидоровымъ былъ спущенъ на Печорѣ, пароходъ приспособленный къ отопленію нефтью. Но, когда онъ приготовился къ плаванію, было получено извѣстіе, что пріискъ, на которомъ добывалась нефть, предоставленъ министерствомъ другому лицу и, такимъ образомъ, дѣло отопленія пароходовъ нефтью на сѣверѣ было остановлено.

„Дѣло о добычѣ серебро-свинцовой руды на Медвѣжьемъ островѣ длится десятки лѣтъ въ одномъ министерствѣ финансовъ, гдѣ и теперь еще находится на разсмотрѣніи.

„Кто рѣшится употребить капиталъ на разработку каменнаго угля на Новой Землѣ, когда прежде отвода требуютъ обезпеченія въ осуществленіи предпріятія? Такое распоряженіе, несогласное съ законами, можно считать формальнымъ запрещеніемъ. Упомяну и о томъ, что налагаютъ запрещеніе на перевозку графита черезъ печорскій портъ и держатъ подъ арестомъ перевезенный графитъ съ 1867 по 1870 г., потому только, что объ отпускѣ съ Печоры моремъ графита въ таможенномъ уставѣ ничего не сказано. Слѣдуетъ добавить и то, что горное начальство признало этотъ графитъ негоднымъ, между тѣмъ какъ его нашли полезнымъ на заграничныхъ заводахъ.

„Я рѣшилась устроить складъ горныхъ произведеній

на Мурманскомъ берегу въ какой-либо незамерзающей гавани и просила отдать мнѣ въ аренду только $1^1/_2$ десятины земли. Но въ этихъ $1^1/_2$ десятинахъ мнѣ было отказано, несмотря на то, что черезъ 3 года я обязалась устроить здѣсь гавань, доки, пристани и другія заведенія. Отъ меня была потребована даже подписка,

Розовый алебастръ.

что по первому требованію я сдамъ въ казну во всякое время, безъ всякаго возмездія, всѣ свои постройки и, когда я согласилась и на это условіе,—я получила оффиціальный отказъ.

„Мнѣ извѣстно далѣе, что нѣкоторымъ лицамъ, ко-

торыя обратились за дозволеніемъ на добычу металловъ и минераловъ въ Архангельской губ. въ 1857 году, оно было выдано только въ 1873 году, т.-е. черезъ 16 лѣтъ.

„Изъ этого краткаго изложенія ваше превосходительство можете видѣть, что главное начальство не только не содѣйствуетъ развитію горной промышленности на Сѣверѣ, но разоряетъ частныхъ лицъ. Со времени основанія горнаго института, въ Архангельской губ. не было добыто металловъ и минераловъ болѣе, чѣмъ въ предшествующее время 18 ст., и потому, имѣя въ виду, что горное вѣдомство нисколько не заботится о развитіи горныхъ промысловъ на Сѣверѣ, я считаю съ своей стороны несправедливымъ сдѣлать какое-либо пожертвованіе и не имѣю права обращаться съ просьбой къ другимъ лицамъ.

„Я полагаю, что еслибы также откровенно, какъ дѣлаю это я, высказались бы и другіе и помогали бы другъ другу, то и администрація давно обратила бы вниманіе на Сѣверъ, гдѣ въ началѣ восемнадцатаго вѣка, при Петрѣ I, горная промышленность процвѣтала и развивалась болѣе полувѣка послѣ его смерти“.

Копія этого письма, добавляетъ Сидоровъ, была представлена г-жею Рубцовой и директору института Н. И. Кокшарову съ убѣдительной просьбой, ради пользы всего нашего отечества, прочесть на юбилеѣ.

Оно не было прочитано и нигдѣ не помѣщено въ отчетахъ.

Къ счастью, повторяю, въ наши дни всѣ формальныя стѣсненія промышленности въ Печорскомъ краѣ значительно уменьшились, хотя желательно было бы

упростить ихъ еще болѣе. Теперь (1903 г.) всякій желающій разрабатывать какую-либо отрасль горной промышленности, долженъ поступить такъ:

1) Поставить заявочный столбъ, на которомъ непремѣнно должны быть вырѣзаны (писать хотя бы несмывающейся краской воспрещено) инициалы, годъ и число.

2) Подать прошеніе въ архангельскую палату государственныхъ имуществъ о выдачѣ дозволительнаго свидѣтельства на развѣдки.

3) Если препятствій нѣтъ, выдается дозволеніе срокомъ на 3 года на нефть и на 5 лѣтъ на другіе промыслы (кромѣ золота, о которомъ правила особыя).

4) Въ случаѣ благонадежности мѣста, горнопромышленники обращаются съ прошеніемъ въ горный департаментъ (въ Петербургъ) объ отводѣ участка.

5) Департаментъ обращается съ запросомъ къ окружному инспектору (въ Вологду) о неимѣніи препятствій.

6) Окружный инженеръ обращается съ такимъ запросомъ къ своему помощнику въ Архангельскъ.

7) Помощникъ ѣдетъ осматривать пріискъ и возвращается въ Архангельскъ.

8) По возвращеніи сообщаетъ бумагой отвѣтъ окружному инженеру (въ Вологду).

9) Окружный инженеръ препровождаетъ свое заключеніе въ горный департаментъ въ Петербургъ.

10) Департаментъ дѣлаетъ предписаніе окружному инженеру въ Вологду объ отводѣ.

11) Единовременно съ этимъ предписаніе управленію земледѣлія и государственныхъ имуществъ въ Ар-

хангельскѣ о командированіи за счетъ горнопромышленника (т.-е. суточныя и прогоны) землемѣра для отвода.

12) Землемѣръ сносится бумагой съ окружнымъ инженеромъ въ Вологдѣ иля его помощникомъ въ Архангельскѣ о срокѣ совмѣстнаго выѣзда.

13) Окружный инженеръ (или помощникъ) сообщаетъ письменно свой отвѣтъ землемѣру.

14) Окружный инженеръ (или его помощникъ), вмѣстѣ съ землемѣромъ, отправляются на мѣсто и производятъ отводъ въ натурѣ.

15) Оба возвращаются обратно.

16) Помощникъ (если ѣздилъ онъ) препровождаетъ документы въ Вологду.

17) Составленный актъ съ планами отсылается въ горный департаментъ.

18) Департаментъ производитъ утвержденіе. Подлинный актъ оставляется въ департаментѣ; одна копія препровождается въ архангельское управленіе государственныхъ имуществъ, другая—къ горнопромышленнику. Мѣстный же горный надзоръ увѣдомляется объ утвержденіи (для свѣдѣнія).

По закону вся процедура должна быть окончена въ теченіе года. На дѣлѣ при личныхъ, энергичныхъ притомъ, хлопотахъ въ департаментѣ, если довѣрять частнымъ свѣдѣніямъ, все можетъ быть окончено въ срокъ. Въ противномъ случаѣ (оговариваюсь, ибо боюсь ошибиться, довѣрившись частнымъ свѣдѣніямъ), онъ будто бы удлиняется до 3—4 и болѣе лѣтъ.

Волокитный характеръ этой процедуры едва ли требуетъ особыхъ поясненій. Нетрудно представить себѣ,

какого рода діаграмма могла бы получиться, еслибы читатель далъ себѣ трудъ изобразить эту процедуру графически.

Комментаріи будутъ не нужны, если принять во вниманіе еще, что отъ Вологды до Архангельска 595 верстъ, помощникъ горнаго окружнаго инженера на губернію одинъ, и площадь самой губерніи числится въ 90.000.000 десятинъ.

Возвращаюсь послѣ этого отступленія опять къ минеральнымъ богатствамъ Печорскаго края, о которыхъ, не будучи спеціалистомъ, могу говорить, поскольку видѣлъ ихъ и понялъ изъ разъясненій, данныхъ болѣе знающими людьми.

О нефтяныхъ источникахъ Ухты было уже сказано. Мнѣ пришлось побывать также на Цыльмѣ, извѣстной и мѣдью и другими ископаемыми. Если вообще почтовыя сообщенія на Печорѣ плохи, то по Цыльмѣ ихъ нѣтъ совсѣмъ, и чтобы проѣхать къ рудникамъ Ивана Васильевича Ш, надо предпринять такую же экспедицію, какъ въ центръ Африки во времена Ливингстона. Мѣстность на Цыльмѣ очень живописна и очень мало населена: на пространствѣ 60 верстъ отъ Устья есть, правда, четыре небольшихъ старообрядческихъ деревни, но дальше самыхъ верховьевъ на протяженіи 300 верстъ существуетъ только два поселка: Омелино и Нонбургъ въ 4 — 5 дворовъ. Берега рѣки покрыты пышной травой, достигающей роста человѣка, непроходимо-дремучими лѣсами, гдѣ раскиданы на пространствахъ 15—20 и болѣе верстъ жалкія промысловыя избушки.

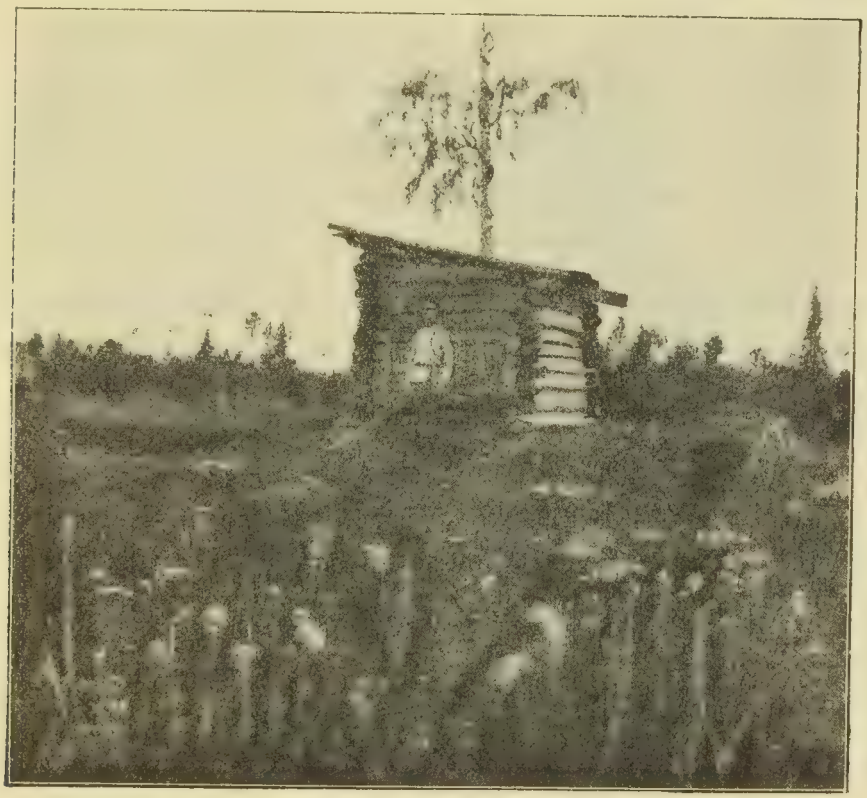
Но вся прелесть мѣстности, замѣчательной и по своей живописности, и по богатству минералами, и, на-

конецъ, по историческимъ воспоминаніямъ, исчезаетъ при неудобствахъ самаго путешествія. Они велики. Остановка на ночь дѣлается у заброшенной избушки. Противъ нападенія комаровъ разводится большой костеръ. Но никакіе костры и сѣтки, дымъ и перчатки не помогаютъ, особенно при тихой безвѣтренной погодѣ, когда дымъ поднимается прямо столбомъ къ небу. Они тысячами милліоновъ покрываютъ все платье сплошнымъ сѣрымъ налетомъ, если только человѣкъ съ полминуты смирно посидитъ на мѣстѣ. Если приподнять накомарникъ, въ которомъ трудно дышать, то въ глаза и ноздри, ротъ и уши набиваются мгновенно массы комаровъ и, если одни погибаютъ, то прилетаютъ новыя тысячи, и снова идетъ нападеніе.

Съ трудомъ можно себѣ представить картину, когда въ темномъ, дремучемъ лѣсу, окруженный двухъ-аршинною травою, около миніатюрной, деревянной, полуразвалившейся избушки, пылаетъ громадныхъ размѣровъ костеръ, и около него, спасаясь отъ уколовъ комаровъ, рисуются какіе-то съ закоптѣлыми лицами силуэты, всѣ жадно глядящіе на висящій надъ костромъ котелъ, ожидая, когда можно будетъ приступить къ утоленію голода.

Ночевать надо въ избушкѣ, куда уже набились комары, но какъ ни ѣстъ глаза дымъ, какъ ни тяжело бываетъ дышать ѣдкой гарью, изъ двухъ мученій приходится выбирать меньшее, и мы ложимся, кто на лавкахъ, кто на полу, спать среди облаковъ дыма отъ тлѣющихъ въ углу сырыхъ сучьевъ. Клубы дыма выходятъ въ разбитыя стекла избушки, преграждая доступъ комарамъ, которые, однако, на караулѣ и, при прекра-

щеніи дыма, опять врываются жужжа въ наше помѣщеніе. Приходится всю ночь поддерживать спасительный костеръ, и на утро путешественники по цивилизованному Россійскому государству, въ началѣ XX столѣт., встаютъ съ закоптѣлыми отъ дыма лицами, внимательно перекликаясь, не угорѣлъ ли кто-нибудь.



Промысловая избушка.

Трудно также себѣ представить послѣ 300 — 400 верстъ путешествія по разнымъ рѣкамъ и рѣченочкамъ въ утлой лодочкѣ и по совершенно пустынной мѣстности, то ощущеніе, когда попадешь въ сравнительно культурныя условія станціонной избы. Контрастъ великъ. Въ почтовой избѣ—мѣдные подсвѣчники со стеариновыми свѣчами, въ лѣсныхъ избушкахъ—коптящая лучина.

Здѣсь деревянный столъ со скамейками и табуретками, тамъ—обрубки дерева, изрубленные, закоптѣлые, низенькіе чурбаки. Одно отсутствуетъ въ почтовой избѣ—матрасы и тюфяки, но зато въ лѣсныхъ избушкахъ спалось съ большимъ удобствомъ на зеленой травѣ а, главное, здѣсь на мгновенье остаемся мы въ покоѣ отъ вражьей силы нашихъ истязателей—комаровъ: здѣсь не плачемъ отъ дыма, его нѣтъ. Есть контрастъ и въ столѣ: въ лѣсныхъ избушкахъ совершается истребленіе пищи прямо пальцами или, если ихъ догадались захватить съ собой, деревянными ложками изъ общаго котла, здѣсь же имѣются кое-какія уже культурныя принадлежности—вилки, тарелки, а главное, наши закоптѣлые жестяные чайники замѣнены самоваромъ и деревянныя палочки—чайными ложечками.

Берега Цыльмы совершенно пустынны. И, однако, и исторія, и преданіе говорятъ, что на этой рѣкѣ при Иванѣ III и Иванѣ IV кипѣла работа по добыванію металловъ, даже такихъ цѣнныхъ, какъ серебро и мѣдь. Воспоминанія о бывшихъ здѣсь когда-то работахъ сохранились среди мѣстныхъ жителей въ видѣ смутныхъ легендъ и преданій; остатки же старинныхъ шахтъ, кирпичныхъ фундаментовъ и шлаковъ мѣдной руды разбросаны среди непроходимыхъ лѣсовъ во многочисленныхъ мѣстахъ. Богатство мѣдью здѣсь, надо думать, дѣйствительно, большое, и мнѣ также приходилось встрѣчать лично самому въ очень многихъ мѣстахъ большіе куски мѣдной руды съ богатымъ содержаніемъ металла (мѣдный блескъ до 60%). Зеленовато-сѣрая глина съ содержаніемъ мѣди, о которой говоритъ академикъ Чернышевъ, — на каждомъ шагу; но гдѣ скрывается, какъ

здѣсь выражаются, „руда-матка“, или, какъ говорятъ ученые, „запасы мѣдной руды“, остается неизвѣстнымъ. Предприниматели и техники пытаются ее отыскать, но, хотя столбовъ, свидѣтельствующихъ о заявкахъ на развѣдку мѣди и другихъ минераловъ, стоитъ и много по берегамъ Цыльмы, въ настоящее время здѣсь производится только разработка точильнаго камня, котораго цѣлыя громадныя горы высятся по берегамъ. По отзыву г. Вышемірскаго, начавшаго первымъ это дѣло на Цыльмѣ, кварцевый песчаникъ, или точильный камень, здѣсь очень высокаго качества, и по своему достоинству съ нимъ могутъ сравниться только французскій изъ Нордена и мексиканскій,—это показало изслѣдованіе, сдѣланное по просьбѣ г. Вышемірскаго въ государственной лабораторіи Шарлоттенбурга. Помимо назначенія его для точенья, онъ очень пригоденъ на постройку домовъ, представляя то удобство, что его не надо штукатурить, онъ не подвергается дѣйствію воздуха, имѣетъ красивый видъ разнообразныхъ оттѣнковъ — красноватый, зеленоватый, бѣловатый и сѣрый. Постройка зданій изъ кварцеваго песчаника очень распространена въ Германіи, и почти всѣ новые дома въ Берлинѣ выстроены изъ этого матеріала.

На Цыльмѣ пока обработка точильнаго камня производилась ручнымъ способомъ; но съ послѣднимъ рейсомъ парохода въ 1903 г. г. Вышемірскимъ получены всѣ необходимыя машины, и съ будущаго года обработка его будетъ производиться по американскому способу. Заграничный точильный камень продается, по словамъ г. Вышемірскаго, въ Архангельскѣ по 90 коп. за пудъ, въ Москвѣ цѣна его приблизительно та же, а

печорскій камень онъ продалъ въ 1903 г. въ Пермь, по 1 р. 50 коп. за пудъ. Изъ-за границы точильный камень ввозится въ Россію, приблизительно въ размѣрѣ 5 милліоновъ пудовъ, а при благопріятныхъ условіяхъ добываніе его на Печорѣ можетъ дать населенію хорошій заработокъ. Пока же оно еще въ зародышѣ.

Не буду говорить объ аметистахъ, аспидномъ камнѣ, каменномъ углѣ и другихъ. Все это есть на Цыльмѣ, но все это ждетъ дорогъ и „бельгійскихъ“ капиталовъ.

VI. Лѣсопильные заводы на Печорѣ.

Заводъ нордъ-русской компаніи Альфреда Лидбека расположенъ на берегу одного изъ протоковъ р. Печоры недалеко отъ впаденія ея въ море, и въ разстояніи 5—6 верстъ отъ с. Тельвисочнаго противъ маленькой деревушки Екуши.

Количество рабочихъ на заводѣ бываетъ среднимъ числомъ отъ 200 — 350 человѣкъ; лѣтомъ, во время усиленной спѣшной работы, число ихъ доходитъ до 450 чел. и временами даже нѣсколько болѣе. По большей части работаетъ здѣсь пришлый народъ—ижемцы,—являющіеся сюда частью на пароходахъ, частью зимнимъ путемъ изъ отдаленной Ижемской, Мохченской, Кедвавомской и другихъ волостей округа, населеннаго зырянами. Только на два мѣсяца въ самое усиленное время нагрузки лѣса привозятся русскіе рабочіе моремъ изъ Архангельска, такъ какъ ижемцы не такъ привычны и опытны въ лѣсопильномъ дѣлѣ, какъ русскіе рабочіе, издавна занятые на многочисленныхъ лѣсопильныхъ заводахъ Архангельской губ. Смѣна состава рабочихъ происходитъ чрезвычайно часто: рѣдкій человѣкъ остается

здѣсь болѣе чѣмъ на 2—3 мѣсяца, и на каждомъ пароходѣ, идущемъ вверхъ по Печорѣ, можно видѣть 30—40 иногда и 60 человѣкъ ижемцевъ, возвращающихся со шведскаго завода въ свои деревни. Такія частыя смѣны рабочихъ объясняются, главнымъ образомъ, тѣми неблагопріятными условіями, въ которыя поставлена ихъ жизнь на заводѣ и на которыя будетъ указано ниже.

Рабочій день начинается на „биржѣ“, т.-е. внѣ зданій завода, въ 6 ч. утра и оканчивается въ 7 час. вечера, на самомъ заводѣ съ 6 ч. утра до 6 ч. вечера. Перерывъ по одному часу дѣлается два раза въ день, какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ рабочихъ, при чемъ въ это время они должны и отдохнуть и сами себѣ сварить пищу, такъ какъ особыхъ кашеваровъ или кухарокъ для рабочихъ не имѣется.

Всѣ, какъ служащіе, такъ и рабочіе, пропитываются на своихъ харчахъ, которые состоятъ изъ соленаго оленьяго мяса, соленой рыбы и чернаго хлѣба. Свѣжимъ мясомъ, которое привозится на пароходѣ изъ Усть-Цильмы разъ въ 10 дней, пользуются только служащіе. Всѣ продукты покупаются въ заводской лавкѣ по слѣдующимъ цѣнамъ: мясо свѣжее 3 р. 20 коп., соленое 2 р. 80 коп., сахаръ 8 р., крупа пшенная и гречневая 2 р. 40 к., ржаная мука 11 р. 50 к. куль, масло топленое 35 к. фунтъ, рисъ 4 р. 80 к. и 5 р., сушки 4 р. 40 к., сыръ 50 к., колбаса 1 ф. 50 к. и т. д. Конечно, такіе продукты какъ сыръ, колбаса, бѣлый хлѣбъ, рисъ и т. п., для рабочихъ недоступны, и ихъ питаніе состоитъ, главнымъ образомъ, изъ солонины и чернаго хлѣба.

Но уже изъ разспросовъ и служащихъ, и рабочихъ

скоро и намъ стало извѣстно, что рабочіе здѣсь питаются почти исключительно чаемъ и хлѣбомъ вслѣдствіе плохого качества солонины: „ее какъ поѣшь“, говорили рабочіе, „то нутро болитъ, несетъ съ обоихъ концовъ“. И дѣйствительно, при осмотрѣ соленой оленины въ амбарѣ, который, кстати сказать, помѣщается въ одномъ зданіи съ отхожимъ мѣстомъ для служащихъ, отдѣляясь отъ послѣдняго только небольшимъ помѣщеніемъ и при входѣ въ который прежде всего поражаетъ запахъ гнили, оказалось, что она совершенно испорчена, и зловоніе, столь слышное при открываніи дверей амбара, исходитъ изъ бочки съ соленой олениной, представляющей собою на видъ куски сѣровато-зеленоватой массы, покрытой слизью и издающей сильный запахъ загнившаго мяса. Такая солонина выдается рабочимъ по 7 к. за фунтъ и супъ изъ нея, сваренный въ котелкѣ самими же рабочими, представляетъ собою мутную жидкость съ огромной массой плавающей сверху накипи, рѣзко соленаго и кислаго вкуса съ отвратительнымъ гнилымъ запахомъ. Кусокъ свѣжей говядины, которая предназначена уже для служащихъ, также былъ совершенно испорченъ; но это не представляетъ чего-либо особеннаго, ибо это были послѣдніе остатки того свѣжаго мяса, которое привозится сюда съ каждымъ рейсомъ парохода и въ неудачно построенномъ ледникѣ пролежало уже 8 дней.

Соленая треска, идущая также въ пищу рабочимъ по 6 к. за фунтъ, оказалась не лучше соленой оленины: она желтовато-сѣраго цвѣта, рвется какъ тряпка, совершенно испорчена, и нѣтъ ничего удивительнаго, что при ея употребленіи являются тѣ острыя разстройства

желудочно-кишечнаго канала, на которыя такъ часто жаловались мнѣ рабочіе, при моемъ посѣщеніи завода 3 августа 1903 г.

Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго, что при такомъ качествѣ солонины и рыбы, рабочіе предпочитаютъ питаться хлѣбомъ, чаемъ и варятъ себѣ овсянку, довольные тѣмъ, что хотя есть топленое масло, отпускаемое по 35 к. за фунтъ, несмотря на то, что при наймѣ на словахъ (въ контрактахъ ничего про цѣны на съѣстные припасы не упоминается) обѣщалась цѣна 30 к. за фунтъ.

Служащіе же находятъ для себя болѣе выгоднымъ выписывать многое изъ необходимаго изъ Архангельска лѣтомъ на пароходѣ, а зимою по почтѣ.

Очень большимъ неудобствомъ является и то, что каждый рабочій долженъ себѣ готовить пищу самъ, употребляя на это то время, которое предназначено для отдыха. Особыхъ артельныхъ кухарокъ или кашеваровъ не имѣется. Не имѣется также и отдѣльной кухни, гдѣ можно было бы хотя съ нѣкоторымъ удобствомъ сварить себѣ обѣдъ или согрѣть себѣ воду въ чайникѣ. Это дѣлается въ тѣхъ же помѣщеніяхъ — отдѣльныхъ маленькихъ баракахъ и казармахъ, гдѣ живутъ рабочіе, на тѣхъ же печахъ, которыя служатъ для отопленія зимою. Помимо потери времени, невыносимой жары отъ печки и неизбѣжной грязи, неудобство здѣсь и то, что на одномъ — двухъ, рѣдко трехъ гнѣздахъ или конфоркахъ, сдѣланныхъ въ печи, приходится варить себѣ пищу, въ теченіе часа, 8 — 9, а иногда и болѣе рабочимъ. При этомъ никакихъ приспособленій для храненія воды не имѣется, и каждый долженъ предвари-

тельно сходить къ рѣкѣ и набрать для себя воды самъ.

Помѣщеніемъ для рабочихъ (какъ въ зимнее, такъ и въ лѣтнее время, служатъ маленькіе тесовые бараки или, лучше сказать, шалаши размѣромъ 8 × 5 1/2 арш., высотою 2 арш. 6 верш. Часть пространства отнимается печкой, имѣющей 2 арш. длины, 1 1/2 арш. ширины и 1 1/4 арш. высоты, остальное занимаютъ нары, 4 арш. глубиною, идущія вдоль всей стѣны. Такимъ образомъ, остаются лишь узенькіе тѣсные проходы, гдѣ не безъ затрудненія можетъ пройти только одинъ человѣкъ. Въ такомъ помѣщеніи лѣтомъ живутъ 5 человѣкъ, а зимою 10, т.-е. объемъ помѣщенія равенъ 100,77 куб. арш. и на одного человѣка приходится 10,08 — 20,015 куб. арш. Но опредѣленнаго количества занимающихъ такое помѣщеніе не установлено, и бываетъ нерѣдко, что здѣсь тѣснится и большее число народа.

Въ такихъ баракахъ очень тѣсно, темно и грязно. Здѣсь же, на нарахъ, подъ нарами, въ углахъ и на узенькой полкѣ, идущей вдоль стѣны, раскинуты вещи рабочихъ, такъ какъ особыхъ помѣщеній или цейхаузовъ, или хотя бы простыхъ маленькихъ амбарчиковъ, гдѣ можно было бы сложить свои вещи, не имѣется. Вонь, духота и жаръ здѣсь невыносимы, такъ какъ здѣсь же рабочіе варятъ себѣ пищу. Какъ некому приготовить пищу, такъ некому смотрѣть за чистотою помѣщенія: сами рабочіе цѣлый день заняты при заводѣ, а особыхъ людей или кухарокъ для этой цѣли, какъ сказано, не имѣется. Только благодаря настояніямъ урядника, нанимаются по временамъ за счетъ конторы женщины, которыя моютъ полы и приводятъ бараки въ нѣкоторый

порядокъ. Но при этомъ самъ же представитель русской государственной власти на шведскомъ заводѣ долженъ и найти такихъ женщинъ, и нанять ихъ, и посмотрѣть, какъ онѣ работаютъ, а контора завода только соглашается уплачивать деньги. Такого же типа и остальные бараки. Разница только въ размѣрахъ: нѣкоторые нѣсколько больше, другіе немного меньше.

Другая часть рабочихъ помѣщается въ казармахъ, представляющихъ особою двухъ-этажныя деревянныя зданія легкой постройки. Каждый этажъ раздѣленъ на отдѣльныя комнаты. Размѣръ каждой $10^1/_2 \times 8$ арш., высота 3 арш. съ двумя небольшими окнами. Помѣщаются здѣсь отъ 30—45 человѣкъ, т.-е. на одного приходится отъ 8,4 до 5,53 куб. арш. Безполезно повторять уже сказанное объ условіяхъ жилища. Они тѣ же, что и въ баракахъ. Та же нечистота, грязь и испорченный воздухъ, недостатокъ свѣтовой поверхности, отсутствіе всякихъ соображеній о необходимости опредѣленнаго кубическаго объема воздуха на человѣка, отсутствіе присмотра за соблюденіемъ чистоты, приспособленій для сохраненія вещей или храненія воды для питья, приготовленіе здѣсь же пищи каждому отдѣльно и т. д. [1]). Достаточно сказать, что въ казармахъ не существуетъ даже иконъ и, несмотря на настоянія урядника, просьбы рабочихъ и даже указанія священника с. Тельвисочнаго, управленіе шведскаго завода до сей поры еще ихъ не пріобрѣло; одна изъ казармъ расположена надъ конюшней.

---

[1]) Хотя при казармахъ и есть маленькія помѣщенія (2—3 арш,), для храненія вещей, въ которыхъ рабочіе, за отсутствіемъ помѣщенія, иногда спятъ и часто обѣдаютъ, но они настолько грязны, тѣсны и скверны, что нѣкоторые сами сколотили временныя постройки, въ которыхъ и спасаются отъ таракановъ.

Помѣщенія для служащихъ немногимъ лучше. Они живутъ въ отдѣльныхъ, наскоро выстроенныхъ домикахъ, которые холодны настолько, что зимою иначе какъ въ малицѣ и валенкахъ сидѣть здѣсь невозможно. Особенно тяжело бываетъ во время очень частыхъ здѣсь метелей и вьюгъ, продолжающихся нерѣдко по 2—3 дня, когда при холодѣ 36, 37 и 40° остаются не занесенными снѣгомъ однѣ крыши. Въ такія метели вѣтеръ настолько сильно продуваетъ сквозь стѣны, что гаснутъ горящія у иконъ лампадки, а въ нѣкоторыхъ домикахъ, какъ утверждали служащіе, снѣгъ наносится даже на печку. Помѣщенія настолько плохи, что для нѣкоторыхъ служащихъ нанимаются на зиму квартиры въ сосѣдней деревнѣ Екушахъ, гдѣ и живетъ, напр., зимою урядникъ въ тепломъ и сухомъ помѣщеніи, также и фельдшеръ на зиму переселяется въ Тельвисочное, откуда изрѣдка и пріѣзжаетъ на заводъ.

Для поддержанія чистоты тѣла также не имѣется соотвѣственно устроенной бани. Та баня, которая существуетъ для рабочихъ и въ которой иногда, за отсутствіемъ помѣщеній, живутъ нѣкоторое время вновь пришедшіе рабочіе [1]), представляетъ собою невообразимо грязную избушку, съ полуразвалившейся печкой и полкомъ, закоптѣлымъ отъ дыма потолкомъ и стѣнами. Здѣсь же на протянутыхъ надъ потолкомъ жердяхъ столяры сушатъ свои доски.

Баня, предназначенная для 200—300 человѣкъ, имѣетъ 9 арш. длины, 5 ширины $2^3/_4$ арш. высоты; котла, или какихъ-либо иныхъ приспособленій для на-

[1]) Весной 1903 г. въ банѣ жило 15 чел. чуть не въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ.

грѣванія воды, не имѣется, и для того, чтобы ее получить, рабочіе раскаливаютъ камни въ печкѣ и ими нагрѣваютъ воду въ единственной имѣющейся въ банѣ бочкѣ. Но тогда они остаются безъ холодной воды и для того, чтобы ее имѣть, необходимо каждому для себя принести воды въ собственномъ котелкѣ или чайникѣ, ибо никакой посуды для воды напр. ведеръ или небольшихъ кадушекъ не полагается. Не полагается также ни какихъ тазовъ или шаекъ для мытья, и единственную посуду въ банѣ представляетъ собою калка и маленькій, грязный, измятый туесъ, которымъ черпается вода изъ кадушки. Предбанника также никакого нѣтъ и раздѣваться предоставляется или въ самой же банѣ, или прямо на воздухѣ.

Грязь, нечистота въ банѣ, отсутствіе воды, объясняются тѣмъ, что особой прислуги при банѣ не имѣется, никто за ней не наблюдаетъ и если бы не старанія урядника, исполняющаго на шведскомъ заводѣ роль и санитара, то она была бы несомнѣнно въ гораздо худшемъ состояніи. Къ сожалѣнію, надо сказать, что попытки урядника завести надлежащую посуду, кадушки, шайки, ведра и т. п. сдѣлать предбанникъ, назначить особыхъ людей для надзора за нею и ея регулярной топки, остаются безплодными, и всякій топитъ баню, когда ему заблагоразсудится, оставляя потомъ все неприбраннымъ.

Баня для служащихъ помѣщается въ томъ же зданіи и, хотя она нѣсколько чище благодаря тому, что держится на замкѣ и количество пользующихся ею незначительно, но остальныя неудобства—отсутствіе банщика, горячей воды, посуды для мытья и пр.—остаются тѣ же самыя.

Въ 1903 году заводомъ были наняты въ Архангельскѣ 55 человѣкъ рабочихъ на 2 мѣсяца. За отсутствіемъ иного помѣщенія они размѣщены въ темномъ трюмѣ стараго корабля и живутъ совершенно какъ въ тюрьмѣ, въ спертомъ, дурномъ и тяжеломъ воздухѣ. Всѣ остальныя условія жизни таковы же, какъ въ баракахъ и казармахъ, съ той лишь разницей, что на 55 человѣкъ имѣется только одна печь, почему они и наняли себѣ кашевара для приготовленія пищи.

Такъ какъ пріѣхавшіе изъ Архангельска рабочіе были уже русскіе, не привыкшіе, подобно зырянамъ, къ употребленію соленой оленины, при томъ испорченной, то очень скоро начались недоразумѣнія между ними и управленіемъ завода. Первое столкновеніе произошло изъ-за того, что вмѣсто обѣщанной при наймѣ цѣны на масло 30 к. за фунтъ, цѣна на него оказалась 35 коп. и даже за эту цѣну масло не выдавалось. Только послѣ того, какъ пріѣзжіе рабочіе въ теченіе двухъ дней не выходили на работу, они стали опять получать масло, за которое въ началѣ августа уплачивали по 35 к. за фунтъ. Во время нашего посѣщенія завода 3 августа 1903 года, русскіе рабочіе уже 3 дня не выходили на работу. Не жалуясь на свое помѣщеніе въ темномъ трюмѣ, они требовали только улучшенія пищи, указывая, что испорченную оленину и треску они ѣсть не могутъ.

Медицинскою помощью заводъ не обезпеченъ. Врача нѣтъ, и въ пріемномъ покоѣ принимаетъ фельдшеръ, который нынѣ предназначенъ къ увольненію за весьма нетрезвое поведеніе.

Самый пріемный покой представляетъ собою уголъ

въ той же заводской конторѣ, гдѣ зимою температура доходитъ до—5°.

Здѣсь же въ маленькомъ шкапчикѣ помѣщаются и медикаменты, состоящіе изъ остатковъ касторовaго масла, иноземцевыхъ капель, другихъ лекарствъ и какихъ-то мазей, стоящихъ здѣсь же на грубыхъ деревянныхъ полкахъ, сдѣланныхъ вблизи аптечнаго шкапчика. Ни стола для перевязочныхъ матеріаловъ, ни умывальника, подставокъ для кружки, стола для приготовленія лекарствъ и вообще какихъ либо обычныхъ въ самой бѣдной амбулаторіи приспособленій здѣсь не имѣется. Ближайшій докторъ находится въ Усть-Цильмѣ, болѣе чѣмъ за 270 верстъ отъ завода, и, имѣя подъ своимъ наблюденіемъ цѣлое государство, онъ естественно можетъ навѣщать заводъ не болѣе 2-3 разъ въ году. Такія санитарныя и гигіеническія условія вызываютъ, прежде всего, частыя заболѣванія цынгою. Еще во время путешествія по зырянскимъ волостямъ, доставляющимъ главный контингентъ рабочихъ на шведскій заводъ, намъ приходилось встрѣчать нерѣдко людей, вернувшихся отсюда вслѣдствіе страданія цынгой. Ранней весной, когда эта болѣзнь обыкновенно развивается, на заводѣ бываетъ обычно 30—40 человѣкъ больныхъ [1]).

Если не обнаруживается ихъ большее количество, то только потому, что, какъ сказано, смѣна состава рабочихъ происходитъ на заводѣ весьма часто, и всякій заболѣвшій стремится поскорѣе оставить его.

Неизбѣжны также и недоразумѣнія между управле-

---

[1]) По сообщенію врача 1 уч., въ 1903 г. при посѣщеніи имъ завода изъ 300 чел. рабочихъ 50 оказались страдающими цынгой. Въ другихъ мѣстахъ участка заболѣванія цынгой не обнаружено.

ніемъ завода и рабочими изъ-за плохого содержанія. И дѣйствительно, на другой день послѣ нашего посѣщенія тѣ 55 русскихъ рабочихъ, которые были привезены изъ Архангельска и уже 3 дня не выходили на работу, не жалуясь на помѣщеніе въ трюмѣ, съ которымъ такъ или иначе мирились, 4-го августа принесли кусокъ испорченной соленой оленины, бросили его на столъ въ конторѣ, подняли шумъ, брань, крикъ съ управляющимъ, едва не избили конторщика и въ концѣ концовъ потребовали или улучшенія пищи, или расчета, собираясь даже уйти безъ него. Только присутствіе и уговоры урядника предотвратили дальнѣйшіе безпорядки.

35 человѣкъ, не получивши расчета и безъ паспортовъ, оставили заводъ и пѣшкомъ добрались до пристани кн. Горчакова въ надеждѣ безплатно доѣхать до Архангельска и явиться съ жалобой къ начальству. На морской пароходъ ихъ безплатно не приняли. Они остались на безлюдной пристани, и дальнѣйшая ихъ участь мнѣ неизвѣстна.

Заводъ Альфреда Лидбека существуетъ съ 1901 г., при чемъ при основаніи его было выстроено сперва зданіе самого завода, а рабочіе помѣщались тамъ, гдѣ каждый могъ найти себѣ мѣсто и гдѣ ему угодно, а потомъ уже начались строиться кое-какія временныя помѣщенія для рабочихъ. Несмотря на то, что заводъ существуетъ уже третій годъ и что управленіе его обѣщаетъ выстроить надлежащія помѣщенія для рабочихъ, до сихъ поръ все остается въ прежнемъ положеніи, и рабочіе продолжаютъ бѣдствовать и болѣть цынгой, а настоянія мѣстной администраціи объ улучшеніи ихъ положенія продолжаютъ оставаться безплодными.

Условія жизни рабочихъ на шведскомъ заводѣ настолько плохи, что лишь вопросомъ времени, надо думать, является здѣсь возникновеніе крупныхъ безпорядковъ, хронически повторяющихся и теперь въ малыхъ пока размѣрахъ. Если среди смирныхъ и тихихъ зырянъ приходилось даже въ самыхъ отдаленныхъ отъ завода волостяхъ слышатъ только полные негодованія отзывы о его порядкахъ, то трудно ждать, чтобы рабочіе русскаго происхожденія надолго примирились бы съ ними.

Со стороны не только однихъ рабочихъ, бывшихъ на заводѣ, получались такіе о немъ отзывы. Печальная репутація завода громка во всѣхъ кругахъ населенія Печоры и уже по пріѣздѣ въ Усть-Цильму отъ представителей полиціи, администраціи и врачей пришлось услышать многое и о самомъ заводѣ, и о безплодности многократныхъ попытокъ мѣстной власти добиться отъ шведской компаніи улучшенія санитарнаго положенія работающихъ на немъ.

На разстояніи 2 верстъ отъ шведскаго завода находится лѣсопильный заводъ архангельской фирмы Ульсенъ, Стампе и К°.

Постройка его началась весной 1903 года, но еще въ августѣ 1902 г. были сдѣланы нѣкоторыя подготовительныя работы, какъ, напр., выстроена одна казарма для рабочихъ и заложенъ фундаментъ подъ кочегарное помѣщеніе. Къ октябрю текущаго года, какъ предполагается, зданіе самаго завода будетъ окончено.

Въ настоящее время (августъ 1903 г.) идетъ работа по достройкѣ, какъ завода, такъ и помѣщеній для служащихъ и рабочихъ. Занято около 350 человѣкъ и

всѣхъ служащихъ, вмѣстѣ съ распорядителями работъ 16 человѣкъ, исключая десятниковъ.

Сооруженіе зданія самаго завода было начато уже по окончаніи работъ по постройкѣ наиболѣе необходимыхъ для помѣщенія служащихъ и рабочихъ зданій. Три имѣющіяся казармы очень хорошей постройки изъ толстаго лѣса $7^1/_2$ верш. въ среднемъ размѣрѣ, положеннаго не на мохъ, а на паклю и паклею же проконопаченнаго съ обѣихъ сторонъ. Каждое отдѣльное помѣщеніе имѣетъ внутри по 4 саж. длины и ширины при высотѣ въ $4^1/_2$ аршина, съ 5 окнами въ 2 арш. высоты и 18 вершковъ шириною. По одной изъ стѣнъ тянутся нары въ 2 яруса, у другой стоятъ чистые обѣденные столы $3^1/_4$ арш. длины и 1 арш. ширины. Такое помѣщеніе предназначается для 12—15 человѣкъ (на одного приходится 1,6 куб. саж. или 43,2 куб. арш.) и таковыхъ имѣется въ настоящее время 12, такъ какъ каждое изъ зданій раздѣлено стѣнами на 4 отдѣльныхъ казармы. Во всѣхъ нихъ имѣется центральный корридоръ 8 саж. длины и 2 саж. ширины, гдѣ устроены отдѣльныя, запирающіяся на замокъ кладовыя, предназначенныя для храненія вещей рабочими. При всякой казармѣ находится артельная кухарка, получающая жалованье отъ рабочихъ и предъ ними отвѣтственная. Она обязана слѣдить за чистотою и порядкомъ помѣщенія, а также приготовлять для рабочихъ обѣдъ. Для нея имѣется здѣсь же отдѣльная маленькая комнатка за перегородкой. Посуда для приготовленія пищи—хозяйская; также какъ и огромныхъ размѣровъ самоваръ, имѣющійся при всякой казармѣ. Есть также

бочки для воды, ведра, ковши, квасныя бочки, глиняная и эмалированная посуда.

Всѣ казармы содержатся въ полномъ порядкѣ и поражаютъ своей чистотой, представляя собою, въ этомъ отношеніи, рѣзкій контрастъ съ только что осмотрѣннымъ нами заводомъ шведской компаніи. Кромѣ имѣющихся при заводѣ пожарныхъ принадлежностей и машинъ, въ нѣкоторыхъ казармахъ хранятся и ручные огнетушители, а между казармами на улицѣ поставлены большіе чаны съ водою.

Семейные мастеровые помѣщаются въ отдѣльномъ корпусѣ съ 8-ю квартирами по 2 комнаты каждая съ соотвѣтствующими помѣщеніями для храненія вещей, устроенными также въ корридорахъ. Для служащихъ и конторы въ настоящее время оканчивается постройка двухъ отдѣльныхъ двухъэтажныхъ большихъ зданій. Для наблюденія за порядкомъ на заводѣ существуетъ особый табельщикъ, который, согласно данной ему письменной инструкціи, долженъ наблюдать, чтобы рабочіе не спали на чердакахъ, отхожія мѣста содержались бы въ чистотѣ, чтобы въ казармахъ не было ломаной посуды и грязнаго тряпья, чтобы рабочіе не просушивали мокрую одежду у плиты и т. д.

Совершенно отдѣльный домъ предназначенъ подъ больницу на 2—4 кровати съ амбулаторіей при ней и квартирой для фельдшера, состоящей изъ 3-хъ комнатъ съ кухней. Медикаментовъ, перевязочныхъ матеріаловъ, аптечныхъ принадлежностей и инструментовъ выписано для будущей больницы на 600—650 руб. а ранѣе еще весною, пріобрѣтено было изъ Петербурга на 150 руб. Въ августѣ мѣсяцѣ фельдшера на заводѣ не

было. Бывшій здѣсь съ апрѣля мѣсяца фельдшеръ въ концѣ іюля уволенъ и такъ же, какъ и на шведскомъ заводѣ — за нетрезвое поведеніе. Вообще, надо сказать, что по отзыву администраціи завода, найти для отдаленнаго Печорскаго края хорошаго фельдшера весьма затруднительно. Жалованье ему при готовой квартирѣ полагается 40 руб. въ мѣсяцъ и готовое содержаніе на время постройки такъ же точно, какъ это полагается для всѣхъ служащихъ.

При заводѣ Ульсена устроена и баня какъ для служащихъ, такъ и для рабочихъ. Она помѣщается въ отдѣльномъ зданіи близъ рѣки и представляетъ собою помѣщеніе 4 саж. въ квадратѣ съ большимъ теплымъ предбанникомъ, чанами для холодной и горячей воды, нагрѣваемой паромъ, посредствомъ проведенныхъ трубъ. Здѣсь имѣются деревянныя шайки для мытья и другія необходимыя приспособленія. Для надзора за баней заводъ держитъ двухъ отдѣльныхъ рабочихъ, которые носятъ воду, моютъ по утрамъ баню каждый день и протапливаютъ ее. Содержится она въ полномъ порядкѣ и чистотѣ. Для пользованія ею установлена очередь для каждой отдѣльной артели, чтобы избѣжать неизбѣжнаго въ противномъ случаѣ безпорядка при пользованіи баней безъ всякой системы во времени.

Баня для служащихъ находится въ томъ же зданіи и отличается отъ бани рабочихъ лишь меньшей величиной и нѣсколько лучшей отдѣлкой. Размѣры ея $2^1/_2$ саж. длины, $1^1/_2$ саж. ширины и 4 арш. высоты.

Пекарня завода представляетъ зданіе 11×7 саж. при 4 арш. высоты съ двумя огромными печами, ларями и широкими полками для хлѣба, бочками для воды и

другими необходимыми принадлежностями. Содержится она въ образцовой чистотѣ. Для пекаря устроена отдѣльная чистая комната. Пекарня можетъ приготовлять въ сутки до 75 пудовъ хлѣба. Какъ черный, такъ и бѣлый хлѣбъ оказались очень хороши.

Для заводской лавки отведено обширное помѣщеніе въ отдѣльномъ корпусѣ съ особымъ теплымъ погребомъ для храненія овощей, запасаемыхъ на зиму.

Верхній этажъ занятъ отдѣленіемъ для платья, обуви, бѣлья и прочихъ принадлежностей, принаровленныхъ къ обыденной жизни рабочихъ. Продажа здѣсь производится по цѣнамъ архангельскаго магазина Калинина и по этикетамъ этого магазина, которые остаются прикрѣпленными къ вещамъ. Въ самой же лавкѣ вывѣшено росписаніе предметовъ и таксъ на нихъ, утвержденное фабричной инспекціей. Такъ какъ заводъ еще не открытъ и спеціальной для него таксы не установлено, то вещи продаются по цѣнамъ архангельскаго завода той же фирмы Ульсена. Для лѣтняго помѣщенія рабочихъ предполагается устроить легкіе, съ однимъ окошкомъ, закрытые со всѣхъ сторонъ бараки, гдѣ могли бы установиться нѣсколько коекъ. Устраивается это въ тѣхъ видахъ, что лѣтомъ въ казармахъ очень душно и при открытыхъ окнахъ или дверяхъ невозможно спать изъ-за громадной массы комаровъ. Избѣгая ихъ, рабочіе забираются на чердаки, что̀ опасно въ пожарномъ отношеніи, и устройство такихъ лѣтнихъ помѣщеній является даже прямо необходимымъ въ интересахъ безопасности самаго завода.

Продукты для продовольствія рабочихъ и служащихъ—мясо, солонина, бѣлый и черный хлѣбъ и пр.—при осмотрѣ оказалось очень хорошаго качества и

сохраняются въ полной опрятности. Первоначально, съ каждымъ рейсомъ парохода въ особо-устроенномъ ящикѣ съ отверстіями для доступа воздуха доставлялось изъ Усть-Цильмы свѣжее мясо, но такъ какъ сохраненіе его представляетъ большія затрудненія, то администрація завода рѣшила доставлять сюда скотъ, и уже съ іюня текущаго года стали привозиться живые быки. Сдѣлано это было также въ виду того, что, по словамъ рабочихъ, отъ цынги очень помогаетъ свѣжая кровь.

Лѣтомъ цынги почти не бываетъ, но весною 1903 года заболѣванія ею бывали и на заводѣ Ульсена, хотя въ настолько легкихъ формахъ, что заболѣвшіе ею 6—8 человѣкъ не оставляли работъ, при чемъ имъ нарочно не позволяли лежать, ибо замѣчено уже давно, что на развитіе этой болѣзни очень дурное вліяніе оказываетъ отсутствіе движенія. Такихъ больныхъ отпускали также на побывку домой, а оставшимся давали свѣжее мясо, лукъ, картофель, лимоны, молоко и по возможности разнообразили ихъ пищу.

Для питья кромѣ чая, который рабочіе пьютъ изъ хозяйскихъ самоваровъ, имъ готовится также и квасъ. Но онъ готовится только для русскихъ рабочихъ, т. к. ижемцы къ употребленію кваса непривычны и предпочитаютъ пить воду или тотъ же чай.

Вообще, надо сказать, что заводъ Ульсена, по сравненію съ заводомъ шведской компаніи, представляетъ съ послѣднимъ полный и рѣзкій контрастъ. Онъ еще далеко не оконченъ, и при достройкѣ предполагается произвести рядъ улучшеній. Но ужъ то, что̀ мы видѣли, весьма выгодно отличаетъ его.

Этотъ заводъ строился по планамъ, утвержденнымъ

строительнымъ отдѣленіемъ губернскаго правленія. Было ли соблюдено это требованіе закона при постройкѣ завода нордъ-русской компаніей мнѣ неизвѣстно.

Общимъ недостаткомъ обоихъ заводовъ является отсутствіе хорошей воды для питья. Заводы стоятъ на самомъ берегу протока Печоры и другихъ источниковъ водоснабженія не имѣется. Вода для питья берется у самаго берега, гдѣ происходитъ также и стирка бѣлья рабочими, гдѣ останавливаются пароходы и баржи, а на шведскомъ заводѣ здѣсь же стоитъ и старый корабль, въ трюмѣ котораго живутъ рабочіе, отправляющіе свои естественныя нужды прямо въ ту же рѣку. Сама вода въ протокѣ мутна и имѣетъ непріятный запахъ вслѣдствіе значительнаго присутствія ила и гніющихъ водяныхъ растеній, такъ какъ теченіе здѣсь очень слабое.

Другимъ недостаткомъ обоихъ заводовъ является отсутствіе медицинской помощи на шведскомъ и недостаточность ея на заводѣ Ульсена. Нельзя назвать помощью присутствіе на шведскомъ заводѣ фельдшера, у котораго зимою нѣтъ здѣсь квартиры, нѣтъ помѣщенія для пріема заболѣвшихъ, нѣтъ ни медикаментовъ, ни аптечныхъ припасовъ, ни особыхъ приспособленій. На заводѣ Ульсена имѣется очень хорошее помѣщеніе подъ больницу и амбулаторію, прекрасная квартира для фельдшера и, можно сказать, уже теперь сравнительно богатый и разнообразный запасъ медикаментовъ, выписанныхъ отъ одной изъ лучшихъ фирмъ изъ Петербурга. Но разъ строющійся въ отдаленномъ краѣ заводъ такъ хорошо обставляется при самомъ его возникновеніи, желательна, конечно, была бы и организація для многочисленныхъ рабочихъ и служащихъ

медицинской помощи высокаго типа. Правда, если трудно найти для низовьевъ Печоры хорошаго или хотя бы трезваго фельдшера, тѣмъ затруднительнѣе получить сюда врача или даже фельдшерицу-акушерку. Надо еще добавить, что при вышеописанныхъ условіяхъ питанія и жилища рабочихъ на шведскомъ заводѣ трудно ждать, чтобы здѣсь согласился остаться человѣкъ добросовѣстный. Если не измѣнятся эти условія, ему остается или уйти послѣ ряда столкновеній съ администраціей завода, или формально относиться къ своей обязанности и сознавать всю безплодность своей дѣятельности.

Говоря здѣсь о заводахъ, я не хотѣлъ чего-либо излишняго. Рѣчь идетъ не объ излишнемъ, а о санитарномъ надзорѣ на шведскомъ заводѣ, о банѣ, о больницѣ, изоляціи больныхъ, особенно заразныхъ, устройствѣ мѣста для отдыха рабочихъ, доставкѣ имъ хорошаго мяса, доброкачественной рыбы и хлѣба. Въ настоящее время рабочіе на шведскомъ заводѣ живутъ безъ самыхъ элементарныхъ удобствъ, и вопросъ объ улучшеніи санитарныхъ условій ихъ жизни долженъ быть внимательно разсмотрѣнъ и рѣшенъ [1]).

---

[1]) Только обѣщаніемъ довести обо всемъ, мною видѣнномъ, до свѣдѣнія губернатора я могъ выйти изъ затруднительнаго положенія, когда рабочіе настоятельно отъ меня требовали составленія протокола, на что я, какъ не состоящій на службѣ, права не имѣлъ. По возвращеніи въ Архангельскъ составленное мною описаніе я передалъ на усмотрѣніе начальника губерніи, и контръ-адмираломъ Римскимъ-Корсаковымъ сдѣлано распоряженіе объ исправленіи всѣхъ недостатковъ съ назначеніемъ при томъ срока и предупрежденіемъ, что иначе заводъ будетъ закрытъ. Результаты мнѣ неизвѣстны. Настоянія мѣстной (печорской) администраціи въ теченіе трехъ лѣтъ успѣха не имѣли, полагаю, главнымъ образомъ, оттого, что не былъ указываемъ опредѣленный срокъ для исправленій.

Въ дополненіе къ описанію шведскаго завода привожу интересный документъ. Это—прошеніе 5-ти рабочихъ, которымъ удалось добраться до Архангельска. Они обратились за совѣтомъ къ адвокату Ф. Д. Клюеву, съ разрѣшенія котораго я и помѣщаю ихъ собственное описаніе своего положенія.

„1903 г. въ іюнѣ мѣсяцѣ мы, въ числѣ 51 чел., нанялись, т.-е. подрядились, на заводъ А. Лидбека въ Печору на работу на погрузку досокъ, и нѣкоторыхъ въ сортировку ихъ. Мы подряжались въ г. Архангельскѣ въ Соломбалѣ въ домѣ Я. А. Латухина; насъ и подряжалъ этотъ Латухинъ: онъ былъ посланъ съ завода народомъ. Латухинъ, поряжая насъ, говорилъ, что „я посланъ съ завода отъ конторы, какъ поряжу, такъ и будетъ“. Жалованья назначилъ Латухинъ всѣмъ разныя. Мы его спрашивали, что тамъ—холоднѣе или теплѣе; онъ намъ говорилъ: „какъ въ г. Архангельскѣ: разницы нѣтъ“. Когда назначалъ жалованье, говорилъ, что содержаніе человѣка въ мѣсяцъ стоитъ дешевле, чѣмъ здѣсь въ городѣ. Говорилъ: „поваръ будетъ отъ конторы, помѣщеніе на военномъ кораблѣ, каждому человѣку своя койка, матрасъ и подушка, паровое отопленіе, чистота, и все очень хорошо“. Онъ говорилъ: „хлѣбъ и другіе припасы будемъ получать изъ заводской лавки, цѣны будутъ подходящія къ Архангельскимъ, но мясо дешевле: мясо 6 коп. фунтъ, а свѣжая рыба 5 коп. фунтъ; еще баня безплатно“. Мы тамъ не бывали, ему повѣрили, что онъ говоритъ. Еще онъ насъ увѣрялъ,—что дорога будетъ вамъ готовая въ городъ и обратно, а жалованье вамъ пойдетъ съ того дня, какъ сядете на пароходъ. Мы, смотря на его слова, подрядились, задали паспорта

Латухину; онъ намъ обѣщалъ дать задатокъ при заключеніи условія съ нотаріусомъ. Контрактъ заключили у нотаріуса. Мы мало поняли смыслъ контракта: мы одинъ разъ прочитали, мы подписали, что написано, то, что говорено раньше. Дѣло кончено. Нѣкоторымъ денегъ дали того же дня—кому рубль, кому два, а остальные брали 7 іюля, когда садились на пароходъ „Федоръ Чижовъ“. Садясь на пароходъ, съ насъ билетовъ не требовали: за насъ выправлялъ билеты Латухинъ или Контора—намъ было неизвѣстно: намъ говорили только: „знай, садись“. Шли моремъ, благодаря Бога, хорошо: дойдя до берега сѣли на мель, пришли на Мурманскую пристань; пересѣли на заводскій пароходъ „Печору;“ здѣсь встрѣтили множество комаровъ. На заводъ пришли около полудня въ субботу. Привели насъ къ этому судну; мы и смотримъ: это не судно, а какая-нибудь старая ломаная баржа, на ней народу нѣтъ. Кое-какъ забрались по трапамъ, зашли въ эту баржу—все разбито, изломано, грязи, мусора до колѣна человѣку, трюмы всѣ полны воды, воздухъ какой-то сырой, тяжелый и вредный для каждаго человѣка. Мы взяли метлы и лопаты, мусоръ весь вывалили черезъ два дня; воду выкачали, потомъ каменщики склали плиту для варенья командѣ пищи и кипятка; кипятокъ грѣли въ своихъ чайникахъ, пищу варили въ своихъ котелкахъ, которые покупали въ заводской лавкѣ. Желѣзный котелокъ, который стоитъ въ Архангельскѣ 15 коп., а тамъ съ насъ брали по 35 коп.; чайникъ жестяной стоитъ въ Архангельскѣ 25 коп., а тамъ—60 к., чайный приборъ въ Архангельскѣ 8 или 10 коп., а тамъ 30 коп. Хлѣбъ—1 р. 10 коп. пудъ, а фунтами 3 коп.

черный и 10 коп. бѣлый; сушка-калачъ 10 к., которая въ Архангельскѣ 6 коп. Соленое мясо 7 коп. фунтъ, крупа овсянка 5 к. фунтъ, пшено 6 коп. ф., сахаръ 21 коп. ф. Чай, табакъ—цѣна по бандероли. Масло скоромное 30 к., ф., рыба треска 7 коп. ф., котелокъ чугунный въ Архангельскѣ 25 к., а тамъ 65 коп. Рыба свѣжепросольная 5 коп.

„Очистивъ судно отъ мусора мало-мало, такъ что можно было пройти человѣку, первымъ дѣломъ пошли въ лавку взять хлѣба и приварку. Зайдя въ лавку—все равно, что въ скотный хлѣвъ или двора; но у хорошаго хозяина гораздо чище. Въ лавкѣ на полу навалено опилку въ два вершка; весь перемѣшанный съ грязью товаръ валяется на полу, который есть въ большомъ неубранствѣ; мы говоримъ: „это—холерный магазинъ", смѣялись. Взяли чернаго хлѣба; хлѣбъ оказался не печеный, а вареный: на подъемъ тяжелый, горькій и совершенно сырой: можно изъ него дѣлать какую-угодно фигуру. Этотъ хлѣбъ существовалъ $1^1/_2$ недѣли; мы съ большимъ трудомъ отъ голода ѣли его. О хлѣбѣ просили всѣ 51 чел. единогласно—хорошаго хлѣба въ конторѣ у управляющаго заводомъ Лидбека. Хлѣбъ заставили печь пріѣхавшихъ съ нами жонокъ, и хлѣбъ сталъ хорошъ. Мясо—солонина тухлая настолько, что нисколько нельзя ѣсть: когда варишь на плитѣ—душина вышибаетъ всѣхъ изъ помѣщенія своимъ вонючимъ ароматомъ. Рыба-треска—тоже: ее взять за хвостъ, поднять кверху—ея тѣло отваливается отъ костей, а свѣжей рыбы мало-просоленной было мало: въ одну недѣлю ее съѣли, потомъ не стало. Масло вышло все. Отъ нужды варили крупу-пшено и ѣли съ масломъ.

„На вторую недѣлю не стало свѣжей рыбы и масла. Его привезли черезъ недѣлю по просьбѣ нашей. Мы ходили все въ контору и говорили, что живемъ голодомъ, только и питаемся хлѣбомъ съ чаемъ, а приварку никакого нѣтъ. А работы съ досками тяжелыя: у голодныхъ силы нѣтъ. За масло стали брать по 35 коп. за фунтъ. Насчетъ пищи мы просили заводскаго урядника Александра Григорьевича Лайкевича; онъ сказалъ, что я, говоритъ, самъ варю солонину — она хорошая; мы ему приказали изъ той же бочки взять кусокъ мяса и сварить. Онъ взялъ мяса, пошли варить въ баржу; на плитѣ сварили, — онъ сказалъ: „да, ребята, дѣйствительно ѣсть нельзя: супъ душной и кровяной... „Ежели мясо“, говоритъ, „сварить два или три раза въ разныхъ водахъ, тогда мясо ѣсть будетъ можно, а супу не будетъ... Этого мяса голодная собака ѣсть не будетъ, а не то что человѣкъ...“ Принесли солонину къ управляющему въ контору; онъ не русскій—шведъ,—говоритъ: „мясо хорошъ, можно кушай“. Урядникъ сказалъ, что больше худого мяса не будетъ давать.

„Живя дальше, мясо стало оказываться не лучше, а хуже; народились на мясѣ червяки; кто и возьметъ его, деньги уплатитъ, а ѣсть нельзя, броситъ въ воду. Съ худой пищи команда стала животами болѣть. Пошли къ фельдшеру; онъ говоритъ: „что я съ вами буду дѣлать: у меня кромѣ порошковъ нѣтъ ничего; мнѣ контора лекарствъ никакихъ не представляетъ, и я помочь вамъ не могу... На-те порошковъ... Пейте“. Дастъ по порошку или по два, а больше ничего...

„Двѣнадцать человѣкъ заболѣло кто чѣмъ, а животами почти всѣхъ перебрало.

„Вода въ рѣкѣ зеленая, съ какимъ-то цвѣтомъ, какъ въ стоячемъ озерѣ; она не очищается; мы ее процѣживали сквозь мѣшокъ. Отъ этого содержанія у насъ силы не стало досокъ носить; нѣкоторые стали говорить, что получается какая-то ломота въ ногахъ костей ниже колѣна. На вторую недѣлю мясо тоже такое же гнилое... Урядникъ сказалъ, что нѣсколько бочекъ зарыли въ землю. Мы стали требовать, чтобы мясо-солонина была лучше или свѣжѣе. Онъ сказалъ намъ, что „я вамъ не обязанъ доставлять пищу, берите, гдѣ знаете“. А взять больше негдѣ: деревни за водою и далеко... Ульсена заводъ версты двѣ, да тамъ не даютъ на деньги никому, кромѣ своихъ рабочихъ на книжки... Мы, живя болѣе недѣли на хлѣбѣ и чаѣ, безъ приварка, не пошли на работу: требуемъ пищи. Управляющій сказалъ: „пищи не будетъ. Идите, говоритъ, на работу, а не то будетъ штрафъ и прогулъ за всѣ дни...“ Намъ со штрафомъ и голоднымъ работать средствъ нѣтъ? мы стали требовать, чтобы управляющій насъ отправилъ въ Архангельскъ. Онъ не отправляетъ, говоритъ: „какъ хотите уѣзжайте“. Насъ по 15 іюля расчитали, а по 31 іюля расчета не дали. 1-го августа и 6-го далъ только книжки однѣ, говоритъ: „расчетъ получите въ Архангельскѣ у фабричнаго инспектора“. Въ книжкахъ подписано: удержать за дорогу 5 р., на руки выдать столько-то. А мы думали, что контора за билеты деньги уплатитъ...

„Проживя дня два по пріѣздѣ на заводъ, задумали мы топить баню: увидя убранство ея—не въ моготу ее вамъ и описать: на полу навалено досокъ, полѣнья дровъ, комли отъ вѣниковъ, листья вѣниковъ, ломаные кирипчи съ разломленной печки, и грязи, смотря на

которую съ души рветъ... Насъ съѣла вошь: протопили съ большимъ трудомъ баню, помылись безъ шаекъ... и воды изъ бочки достать нечѣмъ: брали руками..

„6-го августа урядникъ намъ сказалъ, что пришелъ пароходъ „Федоръ Чижовъ“ и уходитъ завтра, 7-го августа. Мы, чтобы не остаться здѣсь голодовать и получить болѣзнь навѣчно, поторопились итти на пристань. Намъ управляющій не далъ ни парохода, ни лодки. Мы просили урядника А. Г. Лайкевича, онъ отказался, „что я, говоритъ, не имѣю права...“ И придя въ контору онъ говоритъ: „отправьте рабочихъ на пристань“...

„Управляющій на него затопалъ ногами, говоритъ: „отправляйтесь какъ знаютъ“. У насъ въ условіи сказано: дорога готовая впередъ и назадъ въ Архангельскъ... Мы неволей вынуждены итти пѣшкомъ до пристани... Дошли до рѣчки — попасть нельзя на другой берегъ; раздѣлось два человѣка, переплыли, тамъ были бревна и худая лодка наполовину съ водой. Это было уже на вечеръ... Перебрались; пошли; на пути еще попадались рѣчки и проливы; переправлялись кое-какъ и черезъ нихъ, шли всю ночь до свѣта берегомъ. Пришли къ Печорѣ; переѣхали рѣку — отдали по 5 коп съ человѣка. Пришли на пристань: пароходъ еще не пришелъ. Намъ пришлось дожидаться тутъ 5 сутокъ... Пришелъ пароходъ „Федоръ Чижовъ“. Приходимъ къ капитану: онъ не беретъ на пароходъ безъ билетовъ, а у насъ не то на билетъ, а у многихъ и на хлѣбъ денегъ нѣтъ: питаемъ другъ друга... Денегъ пошли просить на заводъ 3 человѣка, но и опять на заводѣ отказали. Пришли они обратно... Пароходъ уходитъ 13 августа, насъ не берутъ. Мы обратились къ помощнику исправника; онъ

намъ сказалъ, что „мнѣ нѣтъ до васъ дѣла: привезла контора и должна увезти контора“. Мы не знаемъ, куда дѣваться: пѣшкомъ итти далеко очень. Когда три человѣка ходили на заводъ, узнали, что тамъ, гдѣ переплывали мы рѣчку, послѣ насъ тутъ человѣкъ утонулъ, переплывая на доскѣ: его нашли, и помощникъ исправника приходилъ, похоронилъ...

„Мы, 5 человѣкъ, пошли на пароходъ: у насъ деньги были; пароходъ отвалилъ, а остальные 30 человѣкъ остались на берегу. Мы не знаемъ куда они уйдутъ безъ денегъ и безъ хлѣба.

„Въ первыхъ числахъ августа былъ на заводѣ докторъ Мартыновъ съ комиссіей: списывалъ помѣщенія, снималъ на карточки; онъ ходилъ въ кладовыя, видѣлъ мясо и рыбу, и еще варили, давали ему пробовать, онъ говорилъ, что ѣсть этого нельзя... Мы у него просили письменнаго удостовѣренія, что пища такая-то. Онъ сказалъ, что „я обо всемъ этомъ скажу самому Губернатору лично“. Мы требовать ничего не можемъ: начальства здѣсь нѣтъ.

„Пріѣхали въ Архангельскъ. Инспектора дома нѣтъ, сказали—пріѣдетъ 25-го августа. Пріѣхалъ. Мы пошли. Инспекторъ фабричный у насъ книжки отобралъ, сказалъ: „придите завтра“. Мы приходимъ. Говоритъ: „идите: пріѣхалъ съ Печоры приказчикъ Анисимовъ, онъ васъ расчитаетъ“. Мы приходимъ къ немъ на квартиру вечеромъ; его нѣтъ. Приходимъ утромъ, говоритъ одна женщина: „онъ не ночевалъ“. Приходимъ второй разъ; женщина—назвалась его женой—говоритъ: „ночевалъ дома и ушелъ, не знаю, когда будетъ“.... Ходили, искали по городу и сидѣли весь день. Дождались въ 9 часовъ

вечера. Онъ намъ деньги отдалъ, кому по скольку за августъ, а за дорогу впередъ высчиталъ и за сентябрь мѣсяцъ не далъ. За дорогу удержалъ переднюю по 5 р. Давая деньги, у насъ книжки взялъ себѣ; мы расчетныя книжки отдали; безъ нихъ денегъ не давалъ. Намъ не отдать книжки—жить нечѣмъ: денегъ нѣтъ за квартиру и на хлѣбъ. 31 августа 1903 года". Слѣдуютъ подписи 5 рабочихъ, обратившихся къ адвокату Ф. Д. Клюеву за совѣтомъ.

Что касается до судьбы оставшихся на берегу 30-ти человѣкъ, то: „когда капитанъ не взялъ на пароходъ, потому что не было денегъ, то пошли обратно на заводъ просить денегъ на билеты у управляющаго; но онъ отказлъ, говоря, что денегъ нѣтъ: „какъ хотите поѣзжайте или работайте", и взялъ рабочихъ по выбору, а которымъ отказалъ, тѣхъ капитанъ другого парохода взялъ Христа ради, и они отрабатывали билеты на пристани въ Архангельскѣ. Когда былъ фабричный инспекторъ, то на нашу жалобу отвѣтилъ, чтобы мы обратились къ Мировому Судьѣ". Это объясненіе, полученное мною также отъ Ф. Д. Клюева, подписали трое „по выбору артели, чтобы всѣмъ не терять дня, такъ какъ дѣлаютъ вычетъ за каждый часъ прогула" [1]).

---

[1]) Примѣчаніе. По разсмотрѣніи адвокатомъ дѣла рабочихъ, оказалось, что судебнымъ порядкомъ сдѣлать ничего нельзя: 1) по закону искъ предъявляется мѣстному мировому судьѣ, т.-е. для этого должны были бы отправиться обратно на Печору, 2) паспорта и разсчетныя книжки у нихъ были отобраны, никакихъ удостовѣреній ихъ личности не существуетъ, и мировой судья иска отъ нихъ принять не могъ и наконецъ, 3) оказалось, что въ контрактѣ подписи рабочихъ нотаріусомъ засвидѣтельствованы, подпись же нанимавшаго ихъ лица не засвидѣтельствована, а потому и контрактъ не имѣетъ никакого юридическаго значенія. Оставалось только обратиться къ

Говоря о лѣсопильныхъ заводахъ, позволяю себѣ высказать здѣсь нѣсколько соображеній вообще объ эксплоатаціи лѣса. Рѣчь можетъ идти только о лѣсахъ казенныхъ, такъ какъ иныхъ на Печорѣ нѣтъ, и казна съ чрезмѣрнымъ усердіемъ отпускаетъ свои лѣса за границу, ибо всѣ лѣсопильные заводы только съ этою цѣлью и существуютъ: можно сказать, что вся экспортная лѣсная торговля Архангельской губерніи, ведущаяся на громадныя суммы, поддерживается рубкой казенныхъ лѣсовъ. Какъ извѣстно, русскій лѣсъ предоставляется всюду ввозить безпошлино, и таможенные тарифы лѣсныхъ матеріаловъ не касаются. Даже и конкурренціи почти не существуетъ, ибо даже въ Швеціи, бывшей нашей конкурренткой по снабженію лѣсомъ западной Европы, въ 1903 г. изданъ лѣсохранительный законъ, который долженъ сильно понизить ея экспортную лѣсную торговлю.

Самая рубка казенныхъ лѣсовъ также не имѣетъ раціональныхъ началъ, такъ какъ, такъ называемыхъ, устроенныхъ лѣсныхъ дачъ, т.-е. снятыхъ на планы и разбитыхъ на участки правильной рубки на Печорѣ, да за рѣдкими исключеніями, даже во всей Архангельской губерніи не существуетъ, и рубка производится безпорядочно, производя лѣсоистребленіе, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, въ пользу иностранныхъ государствъ.

Самое лѣсопильное дѣло находится въ рукахъ иностранцевъ, можно сказать, исключительно, и лѣсопильные заводы принадлежатъ имъ за очень рѣдкими исключеніями. Какъ они относятся къ русскимъ подданнымъ,

---

начальнику края.—что было сдѣлано, и контръ-адмиралъ Римскій-Корсаковъ вызвалъ управляющаго заводомъ для личныхъ объясненій..... Результаты мнѣ также неизвѣстны.

видно изъ описанія Шведскаго завода. Отношеніе это не лучше и на другихъ заводахъ Архангельской губ., насколько могъ я узнать какъ изъ частныхъ свѣдѣній, такъ и изъ свѣдѣній врачебнаго отдѣленія о санитарномъ состояніи этихъ заводовъ.

Наконецъ, за послѣднее время лѣсъ начинаютъ отправлять за границу въ необработанномъ видѣ, въ видѣ бревенъ, кругляковъ и въ 1900 г. въ такомъ видѣ было отправлено 60.000 бревенъ, для чего были выстроены спеціально къ этой цѣли приспособленные пароходы. Слѣдовательно, скоро, какъ указываетъ на то и мѣстный губернаторъ Н. А. Римскій-Корсаковъ, и въ устройствѣ самихъ лѣсопильныхъ заводовъ не будетъ надобности: при дешевизнѣ машинъ и техническихъ приспособленій ихъ будетъ выгоднѣе строить заграницей, а русское населеніе лишится и того малаго заработка, что имѣетъ отъ этихъ заводовъ теперь. Справедливъ поэтому, думается, взглядъ контръ-адмирала Римскаго-Корсакова, который въ своемъ обзорѣ архангельской губ. говоритъ: „едва ли можно признать полезною эксплоатацію иностранцами русскихъ богатствъ. Сильные капиталомъ и денежнымъ кредитомъ иностранцы сдѣлаются монополистами, понизятъ цѣну на лѣсъ, привлекутъ на свои заводы иностранныхъ рабочихъ и сократятъ заработки мѣстнаго населенія. Существующіе русскіе заводы, доставлявшіе заработокъ мѣстному населенію и выгоды русскимъ предпринимателямъ съ возникновеніемъ иностранныхъ заводовъ вынуждены будутъ сократить, а можетъ быть и прекратить свою дѣятельность“.

Словомъ, надо бы думать, что заманчивость загра-

ничныхъ рынковъ должна отступить на задній планъ передъ нуждами рынковъ внутреннихъ. Доставляя съ помощью иностранцевъ на иностранные рынки лучшій лѣсъ, населеніе Россіи для своихъ нуждъ пользуется бракомъ и по весьма высокимъ цѣнамъ, тогда какъ слѣдовало бы лѣсные матеріалы разномѣрно распредѣлять по своей странѣ, населеніе которой бѣдствуетъ, вслѣдствіе крайне высокихъ цѣнъ на топливо и постройки. Но здѣсь, по отношенію къ Печорѣ, мы опять сталкиваемся съ вопросомъ о путяхъ сообщенія, говорить о которыхъ снова—безполезно.

Что касается до населенія Печорскаго края въ частности, то въ добавленіе къ соображеніямъ, высказаннымъ въ отдѣлѣ о скотоводствѣ въ связи съ пользованіемъ лѣсомъ, позволяю себѣ привести опять слова контръ-адмирала Римскаго-Корсакова изъ того же „Обзора“: „множество неудобствъ представлятъ процедура отпуска лѣсныхъ матеріаловъ—полученіе лѣсорубочныхъ билетовъ, отводъ мѣстъ для рубки, освидѣтельствованіе заготовленнаго лѣса и пр.—малѣйшее несоблюденіе формальности вызываетъ постоянныя недоразумѣнія между рубщиками и лѣсной стражей, влекущія уголовныя преслѣдованія и штрафы.... При такихъ условіяхъ естественно стремленіе стараться уклониться отъ законной заготовки лѣса, не столько съ цѣлью избѣжать платежа пошлинъ, сколько во избѣжаніе проволочекъ и непроизводительной траты времени. Между тѣмъ для жителей сѣвера, нуждающихся въ прочныхъ постройкахъ и въ большомъ запасѣ топлива, васьма важно, чтобы лѣсъ обходился возможно дешевле и могъ пріобрѣтаться безъ особыхъ препятствій. За отпускаемый для мѣстныхъ

нуждъ лѣсъ казна получаетъ дохода менѣе 20 тысячъ рублей—сумма незначительная. Если бы Правительство признало необходимымъ сохранить этотъ налогъ, то его можно было бы получать въ видѣ прямого налога и затѣмъ предоставить населенію право пользоваться лѣсомъ для своихъ нуждъ безъ всякихъ ограниченій, при чемъ лѣсъ товарный можно выдѣлить въ особыя дачи и исключить изъ общаго пользованія".

Исполненіе такого желанія имѣло бы и съ санитарной точки зрѣнія огромное значеніе, но усилія мѣстной власти принести дѣйствительную пользу населенію остались безплодными: было разрѣшено лишь отпускать за пониженную таксу, такъ называемый, фаутовый лѣсъ, т.-е. лѣсъ плохого качества.

VII. Заболѣваемость. Организація врачебной помощи. Народная медицина и акушерство.

Къ сожалѣнію медико-статистическія данныя о заболѣваемости населенія Печорскаго края имѣются самыя недостаточныя по причинѣ жалкаго положенія медицинской части въ уѣздѣ. Кромѣ того, даже имѣющіяся свѣдѣнія не могутъ быть съ достаточной полнотой разработаны за отсутствіемъ здѣсь записей по карточной системѣ.

Чтобы хотя сколько-нибудь показать, съ какими болѣзнями обращаются за медицинской помощью, приводится таблица, составленная изъ годовыхъ отчетовъ врачей уѣзда за 1900, 1901 и 1902 гг.

Болѣзни	1900	1901	1902	Всего	%
Корь	165	1685	—	1850	11,0
Скарлатина	18	390	114	522	3,1
Оспа натуральная	300	—	46	346	2,1
Тифы брюшной	12	38	15	65	0,4
Тифы сыпной	23	5	3	31	0,2
Тифы неопредѣленный	20	10	8	38	0,2
Дифтеритъ	1	—	—	1	0,00006
Дизентерія	8	6	9	23	0,1
Коклюшъ	58	8	—	66	0,3
Крупозное воспаленіе легкихъ	49	34	32	115	0,7

Болѣзни		1900	1901	1902	Всего	%
Гриппъ		193	97	300	590	3,5
Заушница		155	21	15	191	1,7
Рожа		5	5	1	11	0,6
Сибирская язва		1	25	—	26	0,1
Бугорчатка		13	1	42	56	0,34
Другія заразныя		4	—	27	31	0,19
Лихорадка		34	25	86	145	0,9
Сифилисъ	первичный	3	5	2	10	0,06
	вторичный	19	25	10	54	0,32
	третичный	30	15	15	60	0,35
Венерическія	Мягкій шанкръ	4	3	1	8	0,05
	гоноррея	53	37	47	137	0,89
	чесотка	119	218	211	548	3,2
Глисты		33	93	75	201	1,2
Другія паразитическія		28	25	70	123	0,72
Нервныя		332	275	209	816	4,8
Духовныя		6	12	1	10	0,12
Кровеносн. и лимфатич. системы		58	60	46	164	1,0
Дыхательныхъ путей и обонянія		490	450	490	1430	9,0
Пищеварит. аппарата		879	906	789	2574	15,3
Мочевого аппарата		22	38	29	89	0,52
Половыхъ органовъ		42	33	26	101	0,59
Органовъ слуха		121	172	204	497	2,95
— зрѣнія		312	316	350	978	5,8
Кожи и подкожной клѣтчатки		596	644	624	1864	11,1
Пороки развитія		—	—	29	29	0,17
Новообразованія		18	—	16	34	0,21
Травмы, ожоги, отравленія		400	419	507	1326	8,7
Малокровіе		30	20	37	87	0,55
Цынга		44	4	14	62	0,36
Рахитъ		4	17	16	37	0,24
Золотуха		61	36	—	97	0,58
Костей, хрящей, мышцъ и суставовъ		172	140	407	709	4,6
Прочія, не вошедшія въ рубрики		64	1256	389	1709	10,1
		4999	6596	5295	16.863	

Изъ приведенной таблицы прежде всего обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе заболѣваній столь распро-

страненной въ центральной Россіи заразной болѣзнью, какъ дифтеритъ. На общее число больныхъ, обратившихся къ врачамъ и фельдшерамъ въ теченіе трехъ лѣтъ, 16.863 человѣка, зарегистрованъ только одинъ случай дифтерита.

По отзывамъ врачей, этой болѣзни въ Печорскомъ краѣ имъ наблюдать никогда не приходилось, и даже встрѣтившійся единственный случай, за отсутствіемъ бактеріологическаго изслѣдованія, не можетъ быть съ полной достовѣрностью принимаемъ за дифтеритный. Изъ другихъ заразныхъ болѣзней наиболѣе сильное распространеніе имѣли, по отчетамъ врачей, корь, скарлатина, гриппъ, заушница и крупозное воспаленіе легкихъ. Остальныя встрѣчаются въ видѣ отдѣльныхъ случаевъ. Точно такъ же и заболѣванія перемежающейся лихорадкой, составляющей, какъ извѣстно, одно изъ народныхъ бѣдствій въ Россіи и требующей отъ земства громадныхъ расходовъ на пріобрѣтеніе хинина, на Печорѣ почти неизвѣстна. По отзыву врача 1-го участка—Д. А. Архангельскаго — имъ пока не наблюдалось въ Печорскомъ уѣздѣ какъ эпидеміи дифтерита, такъ и маляріи, исключая отдѣльныхъ случаевъ. Изъ зарегистрованныхъ въ теченіе трехъ лѣтъ 145 случаевъ этой болѣзни большинство записано фельдшерами, что, конечно, позволяетъ выразить сомнѣніе въ точности діагнозовъ. О незначительности распространенія лихорадки можно судить также и по тому, что на весь Печорскій край врачами выписано на 1903 годъ только 400 граммъ хинина на сумму въ 15 р. 05 к. Несмотря на обиліе тундръ и болотъ и на то, что населеніе уѣзда живетъ исключительно по теченію рѣкъ, несмотря на крайнюю сырость

и влажность климата и, наконецъ, на присутствіе всюду чудовищной массы комаровъ, не позволяющей выходить лѣтомъ изъ дому иначе, какъ въ особо устроенной сѣткѣ,—перемежающаяся лихорадка здѣсь исключительное явленіе.

Надо, впрочемъ, сказать, что комаровъ изъ породы anapheles, которымъ современная теорія приписываетъ распространеніе маляріи, на Печорѣ не встрѣчается; по крайней мѣрѣ, мнѣ лично не приходилось ихъ видѣть. Имѣютъ ли вліяніе на отсутствіе маляріи климатическія условія, не позволяющія почвѣ оттаивать на значительную глубину или другія причины,—сказать не берусь.

Другая болѣзнь, такъ распространенная въ русскихъ деревняхъ,—сифилисъ, особенно въ гуммозной его формѣ, вызывающій, вмѣстѣ съ хининомъ, огромный расходъ на одинъ изъ наиболѣе дорогихъ препаратовъ — іодистый калій и дающій такой значительный процентъ въ числѣ больныхъ, обращающихся за помощью въ земскія амбулаторіи, на Печорѣ, если и существуетъ, то въ незначительной степени. Изъ 16863, обратившихся за помощью больныхъ, сифилисомъ въ различныхъ его формахъ было зарегистровано медицинскимъ персоналомъ за три года только 124 чел.,—число совершенно ничтожное, если его сравнивать съ количествомъ этихъ заболѣваній въ земскихъ амбулаторіяхъ центральной Россіи, гдѣ нерѣдки цѣлыя села, почти сплошь зараженныя сифилитическими страданіями. Лично ко мнѣ обратилось лишь 37 человѣкъ сифилитиковъ, преимущественно въ гуммозныхъ его стадіяхъ.

Изъ числа заразныхъ болѣзней сравнительно значи-

тельное число обнаружено съ заболѣваніями натуральной оспой. Надо однако сказать, что точность свѣдѣній, получаемыхъ медицинскимъ персоналомъ о степени дѣйствительнаго распространенія этой эпидеміи, должно признать весьма сомнительной. Старообрядческое населеніе Печорскаго края, еще до сихъ поръ опасаясь оспопрививанія, скрываетъ заболѣвшихъ ею, общеизвѣстнымъ является также фактъ значительности распространенія и злокачественности этой болѣзни среди самоѣдскаго населенія въ тундрахъ, гдѣ изъ представителей медицинскаго персонала никто никогда еще не бывалъ. Было указано здѣсь и на то, что къ помощи врачей и фельдшеровъ обращается лишь населеніе изъ селъ, лежащихъ вблизи медицинскаго персонала, который вслѣдствіе недостаточной организаціи врачебной помощи и неблагопріятныхъ мѣстныхъ условій не только не въ состояніи производить правильное оспопрививаніе, но даже и узнать о появленіи эпидеміи въ большинствѣ селеній, одинъ изъ примѣровъ чего приводится при описаніи условій службы медицинскаго персонала, который не имѣлъ, напримѣръ, свѣдѣній о томъ, что въ 1901 г. все непривитое населеніе деревни Омелино перехворало оспой и 34% умерло безъ всякой помощи.

Оспопрививаніе организовано такъ: каждая волость, входящая въ составъ врачебнаго участка, имѣетъ своего оспопрививателя и платитъ ему жалованіе 2 — 5 руб. въ мѣсяцъ. Соотвѣтственнымъ такому вознагражденію является и трудъ оспопрививателей: объѣзжать хотя бы разъ въ годъ селенія своего участка онъ не въ состояніи, тѣмъ болѣе, что безплатныхъ подводъ отъ села, въ которое онъ ѣдетъ, ему часто не даютъ, и ихъ на-

нимать приходится на свои деньги все изъ того же ничтожнаго жалованья. По однимъ только оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, остались безъ привитія оспы въ 1900 г.—951 чел , въ 1901 г.—1700. Сдѣлано же прививокъ въ 1900 г. 1710 дѣтямъ, въ 1901 г.—346 и въ 1902 г.—617.

Волостные оспопрививатели изъ крестьянъ или отставныхъ солдатъ не могутъ существовать однимъ жалованіемъ и занимаются своимъ крестьянскимъ хозяйствомъ, а нѣкоторые мѣсяца на четыре уходятъ въ заработки на лѣсопильные заводы, смотря на свое оспопрививаніе, какъ на побочную доходную статью. Степень пригодности такихъ помощниковъ врачей въ борьбѣ съ эпидеміей достаточно понятна и безъ поясненій. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ оспопрививателями являются пунктовые и больничные фельдшера за жалованіе въ 5 руб. въ мѣсяцъ. Конечно, они могли бы быть хорошими оспопрививателями при условіи увеличенія вознагражденія и предоставленія средствъ на разъѣзды, но, принимая во вниманіе ихъ прямыя обязанности по ежедневному пріему больныхъ въ амбулаторіи, работы по больницѣ и аптекѣ, выѣзды по эпидеміямъ и къ больнымъ, разбросанность селеній, трудность сообщенія при громадныхъ разстояніяхъ Печорскаго края, невозможно и отъ нихъ требовать правильнаго производства оспопрививанія по своему участку.

Цынга, 62 случая которой зарегистрованы въ отчетахъ врачей, собственно среди населенія Печорскаго края не встрѣчается, и всѣ случаи относятся къ рабочимъ, вернувшимся со шведскаго лѣсопильнаго завода Ал. Лидбекъ и К., гдѣ также и въ текущемъ 1903 г. изъ 300 чел. рабочихъ—50 человѣкъ заболѣло ею. При-

чина этого—вопіющія антисанитарныя условія жилищъ и питанія на этомъ заводѣ, расположенномъ далеко на сѣверѣ при устьѣ Печоры. Лично мнѣ при посѣщеніи селеній, расположенныхъ по теченію р. Ижмы также пришлось видѣть цынготныхъ больныхъ съ болѣе или менѣе рѣдко выраженными проявленіями этой болѣзни, и все это были рабочіе, вернувшіеся домой со шведскаго завода. Болѣе подробное описаніе санитарнаго состоянія завода нордъ-русской компаніи на Печорѣ сдѣлано въ другомъ мѣстѣ, здѣсь же я приведу одинъ изъ многочисленныхъ записанныхъ мною разсказовъ бывавшихъ тамъ людей, хорошо рисующій положеніе рабочихъ и замѣчательный по своей эпической простотѣ.

Вотъ какъ передаетъ крестьянинъ изъ с. Ухты свои впечатлѣнія. „Пошли мы 8 человѣкъ изъ своей Ухты на шведскій заводъ деньги наживать. До Кедвы — 80 верстъ проѣхали на лошади, а тамъ пошли пѣшкомъ зимнимъ путемъ. Шли ничего, благополучно: дорогой не замерзли, потому что были малицы, взяли съ собой хлѣба, рыбы и больше ничего. Потомъ присоединился къ намъ еще нижній народъ и пошли цѣлой партіей до Пустозерска, а отсюда только 20 верстъ до завода. Всего шли три недѣли и нанялись на заводъ по поденному 64 коп. и 70 коп. Но только жить тамъ было негдѣ, квартиры никакой не было, и сперва поселились мы на другую сторону рѣки въ деревнѣ Екушахъ, а когда сталъ плохой ледъ и распутица, перешли въ заводъ. Но квартиръ опять не было на заводѣ и жили мы въ банѣ 11 человѣкъ. Баня топилась по бѣлому, но была очень грязная и маленькая. И въ банѣ тѣсно, да и на улицѣ холодно и какъ-нибудь помѣститься надо

тѣсно ли нѣтъ,—что же подѣлаешь? Помѣщались какънибудь на полкѣ, подъ полкомъ, на лавкѣ и на полу. Нехорошо только, что шведъ ничего не далъ — ни соломы, ни оленьей шкуры, и спали мы въ своихъ совикахъ и малицахъ; подушекъ тоже не было, а подъ голову клали чулки или что-нибудь еще. А одинъ разъ нашу баню чужіе мужики протопили: мы пришли съ работы, а все мокро и хлѣбъ мокрый — ѣсть нельзя. Спасибо, ничего не украли. Ѣли то, что изъ лавки заводской брали: хлѣбъ, по 3 коп., нехорошій, сырой былъ. Пшено 2 р. 20 — ничего, можно было ѣсть. Мясо и свѣжее и соленое нехорошо было: сами шведы ѣдятъ хорошо, а рабочимъ продаютъ кости, не жирное мясо и худое по 3 р. 80. А солонину ѣсть нельзя было: плохо ужъ очень. Чай, сахаръ понемногу покупали: сахаръ 20 коп., чай по бандероли. Обмана въ счетахъ никакого не было: хорошо было, только вездѣ было грязно и тѣсно, таракановъ и воши, особенно у насъ въ банѣ. Въ Екушахъ купцовъ нѣтъ, купить нечего, а когда одинъ разъ пріѣхалъ купецъ на заводъ съ товаромъ, управляющій не велѣлъ торговать въ чужомъ мѣстѣ. Въ другой разъ много мяса привезли. Шведъ все купилъ по 1 р. 40 въ лавку, а рабочимъ продавалъ по 2 р. 20. Чашки самыя простыя, что въ Ижмѣ больше 12—25 коп. не стоятъ, а въ заводѣ 25 и 30 отдашь. Масло было 35 и 38... Два мѣсяца я работалъ, и на прокормъ вышло 35 руб. на двоихъ—я да братанъ былъ со мной молодой 15 л., на работу его не взяли. Шведъ самъ былъ хорошій, но жить у него нехорошо... Потомъ я заболѣлъ: все заболѣло и ноги и во рту... Работать совсѣмъ не могъ, даже три недѣли пролежалъ.

Больницы не было, а на вышкѣ комната была маленькая, въ ней и лежалъ; здѣсь было чисто, а кормить не было чѣмъ: кормись, какъ хочешь. Самъ кормился и варилъ себѣ. Денегъ тогда не платили, потому что не работалъ, а покупать все надо... Плохое дѣло... Фельдшеръ былъ и лекарство давалъ, а когда стало немного легче, построили мы сами себѣ, 8 чел., лѣтній баракъ, печку сложили: какъ вѣтеръ—холодно, а вѣтра нѣтъ—хорошо было. Какъ пришелъ пароходъ, я уѣхалъ домой и другой разъ не пойду туда: плохо тамъ, не нравится. На пароходѣ вся наша партія, 8 чел., ушла: всѣмъ нехорошо было, не понравилось. Много ушло также и другихъ—ижемцы, картаіольцы, кедваломцы... тоже дешево работаютъ и плохо живутъ, да хвораютъ. Заводъ уже давно построенъ, есть тамъ и казармы, да тамъ тоже такая грязь и покоя нѣтъ: тѣсно и людно, и червей много бываетъ въ щеляхъ столовъ, гдѣ обѣдаютъ. Никто никогда вѣдь не прибираетъ, ну и заведется. Сей годъ у насъ тоже съ Ухты ходили зимой. Всѣ назадъ воротились съ пароходомъ. Всѣ до одного пришли, и кого ни спрашиваешь, всѣ говорятъ: „плохо“.

„Пріѣзжалъ докторъ, по казармамъ ходилъ, больныхъ смотрѣлъ и бранился на шведовъ... Приставъ былъ и крестьянскій начальникъ былъ... Только ничего не могутъ сдѣлать со шведомъ: все обѣщалъ только. Когда начальство пріѣдетъ, народъ ничего не говоритъ, а когда нѣтъ его, то хвалятся, что начальству буду жаловаться.

„А у Ульсена, на заводѣ недалеко, я одинъ разъ былъ. Ой, братъ, тамъ казармы хороши. И кухарки есть: самъ себѣ пищу не вари, и плата хорошая: восемь

гривенъ и девять гривенъ чернорабочему. И цѣны въ лавкѣ дешевле“...

Какъ сказано уже, цынга относится къ болѣзнямъ, почти не встрѣчающимся лишь при особо, исключительно неблагопріятныхъ обстоятельствахъ жизни. Такое мнѣніе основывается не только на однихъ лишь отзывахъ врачей или фельдшеровъ, но и на разспросахъ лицъ служащихъ, священниковъ, рыбопромышленниковъ и самихъ крестьянъ. Самъ я также, за исключеніемъ шведскаго лѣсопильнаго завода или воротившихся оттуда рабочихъ, не видалъ ни одного случая этой болѣзни, даже въ такихъ расположенныхъ на крайнемъ Сѣверѣ селеніяхъ, какъ Пустозерскъ, Тельвисочное, Никитцы или Куя. На Новой Землѣ, въ самоѣдскихъ становищахъ Малыя Кармакулы и Бѣлушья губа, я также не нашелъ цынги. Да и вообще извѣстно, между самоѣдами, населяющими лежащія у океана тундры, скорбутъ распространенія не имѣетъ. Это мнѣніе не согласуется съ общепринятымъ убѣжденіемъ о цынгѣ, какъ о бичѣ, свойственномъ именно полярнымъ странамъ, убѣжденіемъ, выработавшимся, надо думать, вслѣдствіе гибели отъ нея людей при особой трагической обстановкѣ. Недостатокъ растительной пищи, считаемый многими причиной развитія цынги, также по отношенію къ Печорскому краю теряетъ свое значеніе въ виду того, что, какъ было мною указано при описаніи питанія крестьянъ, населеніе, которое здѣсь и понятія не имѣетъ о растительной пищѣ, и, кромѣ хлѣба, не употребляетъ никакихъ овощей, почти никогда не болѣетъ цынгой [1]). Что не

[1]) Хотя единичный случай ничего не доказываетъ, но мнѣ случилось на Новой Землѣ долго бесѣдовать съ русскимъ промышлен-

одинъ лишь недостатокъ пищи, но и другіе этіологическіе моменты имѣютъ вліяніе на появленіе и самую интенсивность скорбута, примѣромъ этого служитъ поразительный фактъ гибели отъ цынги цѣлаго монашескаго скита, снабженнаго разнообразной провизіей. Случай этотъ, какъ мало извѣстный, я позволю себѣ передать.

Это было въ 1893 году. На берегу пролива, отдѣляющаго отъ материка островъ Вайгачъ и носящаго названіе Югорскаго шара, былъ основанъ купцомъ А. М. Сибиряковымъ маленькій монастырь, или скитъ. Въ 1893 г. здѣсь поселились 6 человѣкъ монаховъ и при нихъ одинъ послушникъ. Это былъ еврей, перешедшій въ православіе и ушедшій на послушаніе въ отдаленный Никольскій скитъ. По разсказу этого послушника, а нынѣ (1903 г.) іеромонаха Веркольскаго монастыря по р. Пинегѣ, когда настала зима, монахи никуда не выходили изъ трехъ своихъ келій и цѣлые дни сидѣли, не занимаясь никакой физической работой. Самъ онъ говорилъ имъ, что бездѣятельная жизнь вредна и убѣждалъ ихъ взять на себя какой-нибудь трудъ; но всѣ убѣжденія его были напрасны. Послушникъ одинъ исполнялъ всѣ необходимыя работы—рубилъ дрова, топилъ печи, готовилъ обѣдъ и, кромѣ того, сталъ ежедневно расчищать снѣгъ вокругъ строеній. Несмотря на изобиліе съѣстныхъ припасовъ и овощей—была запасена рѣпа, рѣдька, кислая капуста, картофель, лукъ—между монахами стала появляться цынга. Сначала заболѣли двое

никомъ, которому пришлось прожить 3 года на сѣверѣ Новой Земли, возлѣ мыса Ледянаго, не имѣя все время ни единаго кусочка хлѣба. Питался онъ сырымъ мясомъ и пилъ свѣжую кровь оленя. Все время онъ былъ здоровъ и бодръ.

и недѣли черезъ 2—3 умерли. Спустя нѣкоторое время заболѣли и умерли еще двое. Потомъ еще одинъ и къ началу января мѣсяца въ живыхъ остались одинъ монахъ и самъ послушникъ. Сначала, когда земля еще не промерзла, они похоронили четырехъ покойниковъ, выкопавши рядомъ четыре ямы, и поставили надъ ними одинъ общій крестъ, который стоитъ доселѣ; но пятый умершій не былъ похороненъ, потому что уже выпало очень много снѣга. Его снесли въ сосѣднюю комнату, выставили здѣсь окно и онъ лежалъ здѣсь замерзшимъ, окоченѣвшимъ трупомъ. Послѣдній, остававшійся въ живыхъ монахъ уже въ это время началъ заболѣвать, былъ очень слабъ, чѣмъ и объясняется, почему они не могли вынести послѣдняго покойника и закопать его въ снѣгу у церкви. Послушникъ все продолжалъ заставлять и убѣждать послѣдняго, оставшагося въ живыхъ, монаха тоже работать, чтобы не погибнуть отъ цынги, и къ этому времени придумалъ себѣ новую работу. Въ стоявшемъ здѣсь же амбарѣ Сибирякова онъ началъ переносить мѣшки съ мукой изъ нижняго этажа наверхъ, а когда все было перенесено, то сталъ ихъ перетаскивать обратно сверху внизъ. Но заболѣвшій отказывался ото всякой работы и говорилъ, что болѣзнь есть Божіе наказаніе, посланное за грѣхи наши, и надо подчиниться волѣ Божіей. Наконецъ, умеръ отъ цынги и этотъ послѣдній монахъ, и въ началѣ марта послушникъ остался одинъ въ обществѣ двухъ покойниковъ и четырехъ собакъ. Послѣдняго умершаго онъ перенесъ въ ту же комнату, гдѣ уже лежалъ одинъ покойникъ. Ему было жутко оставаться въ скитѣ и большую часть вре-

мени онъ проводилъ въ амбарѣ Сибирякова, продолжая заниматься своей гимнастикой.

Одиночество и сосѣдство съ мертвыми настолько сильно-угнетающимъ образомъ дѣйствовало на его душевное состояніе, что когда въ началѣ мая въ скитъ случайно забрелъ самоѣдъ, онъ при встрѣчѣ съ живымъ человѣкомъ разрыдался, какъ ребенокъ, и уже не выпускалъ пришедшаго, пока не подъѣхали и другіе самоѣды для промысловъ и пастьбы оленей. Кормилъ онъ самоѣда, что называется, на убой, поилъ его водкой, сколько тотъ могъ выпить, ибо запасы всякаго провіанта и водки были очень большіе. Когда стало возможнымъ копать землю, они зарыли двухъ покойниковъ въ могилѣ подъ общимъ крестомъ и соорудили надъ каждымъ изъ погибшихъ родъ памятника въ видѣ большихъ деревянныхъ ящиковъ гробовидной формы съ вырѣзанными надъ каждымъ именами умершихъ. Потомъ подъѣхали и пустозеры, пріѣзжающіе сюда каждый годъ на промыслы, и съ ними вмѣстѣ онъ выѣхалъ изъ Никольскаго скита.

Послѣ этого событія скитъ заглохъ, стоялъ пустымъ, и въ немъ жили промышленники, занимающіеся здѣсь только лѣтомъ рыбными и звѣриными промыслами въ морѣ. Попытка, сдѣланная Соловецкимъ монастыремъ въ 1900 г. основать здѣсь снова скитъ, не удалась: пріѣхавшіе сюда въ іюлѣ съ очень большимъ запасомъ провизіи нѣсколько человѣкъ монаховъ не рѣшились остаться на зиму и со слѣдующимъ рейсомъ вернулись обратно. Въ послѣдніе годы сюда на лѣто командируется для исполненія требъ кто-нибудь изъ священниковъ Печорскаго края, и въ 1903 г. тамъ былъ священникъ

изъ с. Куи Пустозерской волости, а самое зданіе скита поддерживается пустозерами-промышленниками изъ имѣющагося большого запаса досокъ кирпича и другихъ строительныхъ матеріаловъ.

Помимо своей трагичности, случай этотъ съ медицинской стороны интересенъ тѣмъ, что при однихъ и тѣхъ же условіяхъ обстановки и питанія не только живымъ, но и совершенно нетронутымъ болѣзнью остался тотъ, кто велъ все время дѣятельный образъ жизни. Можетъ быть справедливо наблюденіе, дѣлаемое на Печорѣ и на Новой Землѣ, что отсутствіе движенія имѣетъ очень большое вліяніе на развитіе скорбута.

Довольно значительное число больныхъ обращается во врачебныя и фельдшерскія амбулаторіи съ болѣзнями органовъ зрѣнія. Ихъ было за 3 года 978 чел. При незначительности вообще амбулаторіи въ Печорскомъ уѣздѣ уже такое число больныхъ глазами представляется довольно значительнымъ, особенно, если принять во вниманіе, что, вообще, съ этими страданіями больные обращаются тогда къ врачу, если онъ окулистъ. Офтальмологовъ на Печорѣ нѣтъ, и о дѣйствительной степени распространенія здѣсь заболѣваній глазами судить трудно. Лично ко мнѣ также обращалось за совѣтомъ по поводу страданія глазъ 73 чел. (изъ 429-ти). Значительное число изъ нихъ было съ полною слѣпотой, вслѣдствіе оспы, нѣсколько случаевъ было трахомы и заворота вѣкъ трахоматознаго происхожденія, большинство обращалось съ болѣзнями соединительной оболочки глазъ, или, у дѣтей, съ кератитами на почвѣ упадка питанія и золотухи. Надо думать, что постоянное раздраженіе глаза вѣтрами со снѣжною пылью и отраженіе свѣта отъ снѣ-

говой поверхности зимой служатъ причинами страданій конъюнктивы, и что болѣзни глазъ занимаютъ въ дѣйствительности не послѣднее мѣсто въ числѣ болѣзней Печорскаго края, а заболѣваніе глазъ у дѣтей является результатомъ совокупнаго дѣйствія неблагопріятныхъ гигіеническихъ и діететическихъ условій ихъ жизни.

Что касается до страданій желудочно-кишечнаго канала и болѣзней дыхательныхъ органовъ, которыя составляютъ 2574 и 15,3% общаго числа, то надо замѣтить, что вообще больные съ этого рода страданіями оставляютъ всюду и въ земскихъ амбулаторіяхъ наиболѣе значительный контингентъ. По неимѣнію положительныхъ данныхъ невозможно сказать, какое вліяніе на состояніе пищеварительныхъ органовъ имѣетъ мѣстная пища. Точныхъ наблюденій не существуетъ. Имѣетъ ли вліяніе употребленіе рыбы на развитіе глистовъ больныхъ, съ которыми было 1, 2%, сказать также трудно. Изъ обращавшихся ко мнѣ съ жалобами на желудокъ почти всѣ приписывали свои страданія глистамъ, но такъ ли это въ дѣйствительности—сказать не умѣю, ибо наблюдать больныхъ не пришлось, а на выхожденіе члениковъ солитера изъ 88 больныхъ указывали только 6.

Болѣзни дыхательныхъ органовъ, благодаря климатическимъ условіямъ съ рѣзкими колебаніями температуры представляютъ явленіе обычное, точно такъ же, какъ и страданія ревматическія, которыхъ встрѣчалось не много.

Къ мѣстнымъ болѣзнямъ Печорскаго края, и при томъ имѣющимъ весьма обширное распространеніе, относится, такъ называемая, „икота“ или, какъ она у зырянъ называется, „висянъ“. Симптомы этого заболѣ-

нія, встрѣчающагося исключительно среди женщинъ, таковы. Женщина, считавшая себя доселѣ физически совершенно здоровой, начинаетъ чувствовать головныя боли, ослабленіе всего организма, потерю аппетита и внезапно, обыкновенно, подъ вліяніемъ какого либо совершенно ничтожнаго повода, съ ней происходить приступъ истероэпилептическаго характера; чтобы вызвать его, достаточно, напримѣръ, закурить папиросу, или произнести какое-нибудь самое невинное слово, или вынуть какіе-либо съѣстные припасы, иногда же, чтобы вызвать припадокъ, стоитъ только войти въ комнату незнакомому лицу. Можно также и искусственно вызвать припадокъ, доведя больную до сильнаго раздраженія. Бываютъ, впрочемъ, и случаи, что онъ появляется совершенно неожиданно безъ всякихъ предшествующихъ явленій ослабленія организма.

Самая болѣзнь характеризуется появленіемъ отдѣльныхъ приступовъ или припадковъ со столь разнообразными симптомами разстройства нервной системы, что нарисовать одну общую картину икоты нѣтъ возможности. Послѣ раздирающаго крика, женщина падаетъ какъ снопъ на землю, и съ нею начинаются жестокія, судороги, она съ ожесточеніемъ рветъ на себѣ волосы, ломаетъ пальцы, скрежещетъ зубами, бьетъ ногами... Иной разъ съ отчаянными воплями больная хватается руками за грудь, корчится или, падая на колѣни, упирается лицомъ въ подушку, крѣпко сжимая вѣки; иныя бросаются на окружающихъ людей, бьютъ окна и посуду, бросаютъ скамейки и стулья, испуская опять же пронзительные крики и звуки—„ій“, „я-вай-я“, „ву-у-ой,“, „ток-вак-й-й-й“... Другія икотницы, какъ ихъ здѣсь

называютъ, сквернословятъ и бранятся самыми неприличными словами во время припадка. Очень часто онѣ выкрикиваютъ какія-либо необычайныя требованія и желанія. Нерѣдко больныя непроизвольно смѣются и плачутъ, издаютъ дикіе, отрывистые звуки или выкрикиваютъ безсмысленныя слова. При сильномъ развитіи припадка женщина лишается языка и только глухо мычитъ; при менѣе сильной икотѣ она говоритъ, но не отвѣчаетъ на предлагаемые вопросы; существуютъ и такія легкія формы, когда приступъ ограничивается тѣмъ, что больная начинаетъ необычайно громко и совершенно особымъ образомъ безпрерывно икать, но бываютъ и такіе припадки, когда икотница приходитъ въ экстазъ и пророчествуетъ, при чемъ больная говоритъ не отъ своего имени, а отъ имени сидящей въ ней „икоты“, ибо по вѣрованіямъ какъ окружающихъ, такъ и самой больной, въ ней сидитъ порча или „икота“, напущенная злымъ колдуномъ или еретникомъ“. Въ такихъ случаяхъ вѣки икотницы неестественно расширяются, руки и ноги судорожно вытягиваются, является сильное вздутіе живота, она падаетъ на полъ, разрывая на себѣ одежду, и сквозь болѣзненные стоны слышится голосъ, дѣлающій предсказанія. По окончаніи припадка, который продолжается неопредѣленное время, иногда въ теченіе 4-хъ и болѣе часовъ, является зѣвота, больная понемногу успокаивается, засыпаетъ и скоро возвращается къ обычнымъ занятіямъ. Сами больныя передаютъ, что предъ наступленіемъ припадка у нихъ является головокруженіе, чувство присутствія инороднаго тѣла въ области гортани, невыносимая боль въ груди, подъ ложечкой и въ различныхъ другихъ частяхъ, или ощущеніе перекатыванія по всему

тѣлу какъ бы клубка или мальнькой мыши. Затѣмъ онѣ теряютъ сознаніе и не помнятъ, что̀ было дальше.

По глубокому убѣжденію какъ самихъ больныхъ, такъ и мѣстнаго населенія, страданіе это сверхъестественнаго происхожденія, и понятіе объ икотѣ тѣсно связано съ вѣрованіями простолюдиновъ въ колдовство, способность напускать порчу, бѣсовъ и т. д., да и самая болѣзнь начинается и сопровождается признаками демономаніи. Для напусканія икоты существуютъ, по убѣжденію крестьянъ, особые колдуны или икотники, которые передаютъ свою науку изъ поколѣнія въ поколѣніе черезъ своихъ учениковъ. Дѣлаетъ это колдунъ, обыкновенно, незадолго до смерти, т. к. въ противномъ случаѣ онъ не можетъ умереть спокойно. Найдя желающаго, колдунъ для посвященія новичка въ свою науку, даетъ ему такія указанія. „Когда въ пасхальную ночь народъ пойдетъ къ заутренѣ молиться Богу, ступай въ баню, сними крестъ съ шеи и ножъ, положи ихъ въ лѣвый сапогъ подъ подошву, сядь на лавку лицомъ къ стѣнѣ и прокляни отца и матерь, небо и землю. Выйдетъ изъ-подъ полка старикъ въ высокой колдовской шапкѣ. Старика сорветъ на полъ и онъ скажетъ: „съѣшь“... Когда съѣшь, долженъ тихонько сорвать съ него шапку и задомъ, не оборачиваясь, уходи изъ бани. Послѣ этого до Вознесенія Господа старикъ будетъ ходить къ тебѣ и просить „отдай мою шапку“, и станетъ напускать на тебя разныя болѣзни, и немощи и страданія, а ты долженъ крѣпиться и терпѣть. Если все вытерпишь, то послѣ Вознесенія все пройдетъ: станешь колдуномъ“.

И практиковать молодой колдунъ долженъ сначала

на кошкахъ и собакахъ. У первой собаки надо взять сердце, разложить его и высушить, а у кошки взять шерстинокъ черныхъ и бѣлыхъ три раза по 9 штукъ. Этими припасами портить людей, и лучше всего дѣлать это по пятницамъ, п. ч. въ пятницу уже Христа нѣтъ: онъ въ этотъ день умеръ. На людей колдуны напускаютъ дикость и разные недуги, а главнымъ образомъ различныхъ сортовъ икоты. Для напусканія послѣдней онъ дѣлаетъ узелъ, кладетъ въ него, что надо, заклинаетъ надъ нимъ по черной книгѣ и помѣщаетъ въ какое-нибудь мѣсто, по большей части на колъ или какой-нибудь пень, около котораго должна пройти та, на кого хотятъ напустить икоту. Икота, сидящая въ узлѣ и ставшая уже какъ бы живымъ существомъ, старается сдѣлать такъ, чтобы приходящая споткнулась или зацѣпилась бы обо что-нибудь. Если она произнесетъ при этомъ какое-нибудь скверное слово, или выругается, или даже подумаетъ, икота выскакиваетъ изъ узла, и женщина чувствуетъ, что она проглотила что-то, вродѣ мухи, рыбки, листочка, лягушенка или, вообще, какое-либо постороннее тѣло. Это и есть икота, которая, попавши въ человѣка, начинаетъ икать, выкрикивать, ругаться и требовать того, что̀ ей нравится. Когда во время приступа является вздутіе живота, это значитъ, что икота мечется въ утробѣ, или она, какъ мышь, бѣгаетъ по всему тѣлу и грызетъ его, откуда и являются мучительныя боли; она же не можетъ слышать пѣнія херувимской, ладона, чтенія евангелія, а у старообрядцевъ не выноситъ запаха табаку. Часто сидящая въ человѣкѣ икота требуетъ, чтобы ее чѣмъ-нибудь задабривали или угощали, при чемъ вкусы ея и очень разно-

образны и часто необычайны: то она требуетъ сладостей, водки, калачей, орѣховъ..., то вдругъ пожелаетъ такихъ вещей, какъ керосинъ, деготь, песокъ, духи... и все это икотницы съ большимъ удовольствіемъ пьютъ и ѣдятъ. Такъ какъ въ одномъ и томъ же субъектѣ можетъ быть насажено нѣсколько икотъ, то и требованія ихъ бываютъ самыя разнообразныя, напримѣръ, одна икота требуетъ калачей, другая вина хочетъ, третья табаку не любитъ и т. д. Если требованіе не удовлетворено, икота валитъ женщину на землю въ припадкѣ и начинаетъ требовать для себя того или иного. Иногда то же явленіе происходитъ и въ формѣ раздвоенія личности. Напримѣръ, у одной женщины было двѣ икоты: одна „молодецъ“, а другая „ворона“; когда женщина чувствовала себя „молодцомъ“, то наряжалась въ мужской костюмъ, надѣвала шапку и отправлялась подъ окна тѣхъ домовъ, гдѣ собирались дѣвушки, а когда она была „вороной“, садилась среди улицы въ лужу воды или на снѣгъ, хлопала руками и каркала, какъ ворона. Страданіе икотой чрезвычайно распространено по всему Печорскому краю, представляя собою настоящую психическую пандемію демоническаго характера, т. к. крайне рѣдко можно встрѣтить домъ, гдѣ не было бы одной или нѣсколькихъ женщинъ, одержимыхъ ею, т. ч. почти все женское населеніе Печорскаго края заражено „икотой“. Это страданіе по своей распространенности и характеру очень напоминаетъ собою демоническія эпидеміи XVI—XVII ст. въ западной Европѣ, или кликушество, теперь уже не такъ значительное, но еще не въ столь далекіе отъ насъ 40 — 60 годы, такъ сильно распространенное по всѣмъ центральнымъ губерніямъ Россіи. Въ Печорскомъ

краѣ, какъ уже упомянуто выше, оно тѣсно связано съ вѣрованіями населенія въ реальное сушествованіе сверхъестественныхъ силъ, въ существованіе цѣлыхъ полчищъ бѣсовъ, принявшихъ форму „икотъ“ и напускаемыхъ колдунами.

Икота представляетъ собою заболѣваніе, распространенное исключительно среди женщинъ. Лишь какъ крайне и необычайный случай, встрѣчается она у мужчинъ. Среди дѣвушекъ она также не бываетъ, за немногими и рѣдкими исключеніями. Но стоитъ только дѣвушкѣ выйти замужъ, какъ рѣдкая изъ нихъ не становится черезъ нѣсколько лѣтъ икотницей. Очень часто психически онѣ заражаются другъ отъ друга, что̀ наичаще случается во время свадебъ, когда, по общераспространенному мнѣнію, легче всего напустить икоту и гдѣ, среди душной атмосферы и общаго возбужденія, нерѣдко съ какой-либо женщиной дѣлаются характерныя икотническія конвульсіи, при видѣ которыхъ и при ужасѣ, охватывающемъ женщинъ при одной мысли о колдовствѣ, и другія начинаютъ икать и валяться въ судорогахъ.

Въ с. Усть-Цыльмѣ, гдѣ намъ впервые привелось встрѣтить икотницъ, среди православнаго населенія ихъ не бываетъ совсѣмъ, но православное населеніе въ этомъ селѣ ничтожно и состоитъ частью изъ служащихъ, частью изъ высланныхъ сюда административнымъ порядкомъ за мелкія преступленія, отчасти изъ прислуги, и лишь нѣсколько десятковъ крестьянскихъ семействъ и мастеровыхъ могутъ считаться не случайнымъ пришлымъ элементомъ. Но изъ распространенности заболѣванія среди именно старообрядческаго населенія невоз-

можно вывести заключенія о вліяніи здѣсь вѣроисповѣданія, ибо среди сплошь православнаго зырянскаго населенія имемскаго края икотницъ встрѣчается болѣе чѣмъ гдѣ-либо. Насколько распространена эта психическая эндемія въ верховьяхъ Печоры и среди самоѣдовъ, населяющихъ тундры, не могу сказать, т. к. въ этихъ мѣстахъ побывать не пришлось; но что касается самоѣдовъ, населяющихъ Новую Землю, то при опросѣ въ трехъ, только и существующихъ здѣсь становищахъ: Бѣлушья Губа, Малые-Кармакулы и Маточкинъ Шаръ оказалось, что среди населенія острова въ 86 душъ ни одной икотницы не было. По мѣрѣ приближенія къ сѣверу, число встрѣчающихся больныхъ постепенно уменьшается и, напримѣръ, въ Пустозерскѣ (67,32 с. ш.) на 67 женщинъ ихъ насчитывается только 3; дальше еще, онѣ встрѣчаются уже изрѣдка и, напримѣръ, въ с. Тельвисочномъ, какъ утверждали единогласно всѣ жители, начиная съ священника, икотницъ мало, можно сказать, почти нѣтъ во всемъ приходѣ. Свѣдѣній о степени обращаемости съ этой болѣзнью къ медицинской помощи привести нѣтъ возможности, т. к. ни къ врачамъ, ни къ фельдшерамъ съ нею никогда не обращаются, и единственнымъ средствомъ избавиться отъ икоты, по мнѣнію населенія, это—обратиться опять къ колдуну или водить одержимую по монастырямъ и церквамъ для отчитыванія. Но какъ то, такъ и другое помогаетъ далеко не всегда, всѣ средства большею частью остаются безплодными, болѣзнь или продолжается до глубокой старости, или проходитъ только послѣ очень продолжительнаго удаленія женщины изъ обычной обстановки при многомѣсячномъ странствованіи по свя-

тынямъ. Распространеніе этой болѣзни, исключительно среди женщинъ, заставляетъ, конечно, предполагать существованіе именно въ ихъ жизни условій, располагающихъ къ заболѣваніямъ нервно-психическаго характера. Вліяніе глубоко вкоренившихся убѣжденій въ существованіе злыхъ духовъ и нечистой силы, убѣжденій въ происхожденіи болѣзней вслѣдствіе колдовства, въ возможность насылать болѣзни и ихъ исцѣлять,—все это въ настоящее время разъяснено наукой. Существованіе женщинъ, одержимыхъ злыми духами, въ свое время было убѣжденіемъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ, и не въ столь далекое время стали устанавливаться болѣе правильные взгляды на эти патологическія явленія общественной жизни, подламывающія женскую натуру. Остатки средневѣковой вѣры въ колдовство, служащіе источникомъ жестокихъ истерическихъ припадковъ женщины, до сихъ поръ еще очень значительны въ глухихъ мѣстностяхъ Печорскаго края, гдѣ населеніе полно суевѣріями, наслѣдственно передаваемыми изъ одного поколѣнія въ другое.

Но кромѣ демономаническихъ вѣрованій, на происхожденіе болѣзни долженъ имѣть вліяніе и тотъ гнетъ семейнаго и общественнаго положенія, въ которомъ находятся женщины на Печорѣ. Въ другомъ мѣстѣ было болѣе подробно упоминаемо и положеніе женщины въ крестьянской семьѣ и хозяйствѣ. Уже дѣвушкой она не связана естественными и нормальными отношеніями съ родной семьей, а является въ ней лишь временной, нежелательной гостьей, отъ которой требуется скорѣйшая отработка потраченныхъ на нее расходовъ. Со вступленіемъ въ чужую семью при выходѣ замужъ, при чемъ

личная воля и личное чувство дѣвушки игнорируется, она попадаетъ подъ гнетъ свекрови и мужа. На нее и ложатся тогда не только всѣ чисто домашнія работы по избѣ и скотному двору, но и всѣ тяжелыя полевыя работы, т. к. все мужское населеніе уходитъ на промыслы. Если еще въ періодъ дѣвичества въ печорской женщинѣ уже являются задатки будущаго нервнаго разстройства, то условія ея жизни въ замужествѣ съ непосильной работой, при тяжелыхъ условіяхъ сѣвернаго климата и болотистой почвы, при однообразной пищѣ, состоящей главнымъ образомъ изъ кислой зловонной рыбы, при ненормальныхъ условіяхъ акта родовъ и нравственныхъ страданіяхъ, причиняемыхъ матери безпрерывной, можно сказать, потерей дѣтей—все это, въ связи съ психическими движеніями, происходящими отъ гнета семейной жизни и вѣрованій въ сверхъестественное—объясняетъ, почему икотою одержимъ только женскій полъ деревенскаго населенія.

Отсутствіемъ земледѣлія и малымъ развитіемъ скотоводства въ мѣстностяхъ, лежащихъ болѣе къ сѣверу, можетъ быть и объясняется сравнительно меньшее здѣсь распространеніе болѣзни, наичаще встрѣчающейся въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на женщинѣ лежитъ все хозяйство, какъ въ волостяхъ Устьцылемской, Красноборской, Ижемской, Мохченской и др. Вообще, болѣзнь эта еще требуетъ своего изслѣдованія въ научномъ отношеніи, а цифры медицинской статистики по Печорскому у. указываютъ лишь на сравнительно значительное число больныхъ, зарегистрованныхъ въ отчетахъ врачей подъ рубрикой „болѣзни нервной системы“. За три года ихъ было 816 случаевъ, но при отсутствіи карточной системы

знакомство съ отдѣльными формами заболѣваній для меня не представлялось возможнымъ. Изъ вынесеннаго же отъ ознакомленія съ этимъ страннымъ заболѣваніемъ впечатлѣнія, можно было сдѣлать лишь выводъ, что единственное лекарство противъ нея—это поднятіе низкостоящаго уровня народной жизни, ведущее за собою просвѣщеніе и вообще благосостояніе. О существованіи икоты въ архангельской губерніи, кажется, въ первый разъ сообщилъ Максимовъ въ своей книгѣ „Годъ на Сѣверѣ“ въ началѣ 60-хъ годовъ. Въ 1865 г. д—ръ Кенигсфсетъ въ докладѣ архангельскому обществу врачей дѣлаетъ попытку объяснить ее, какъ патологическое явленіе.

Въ 1870 г. въ „Медицинскомъ вѣстникѣ“ д-ръ Рожицкій также сообщаетъ о ней свои наблюденія, но, къ сожалѣнію, я не могъ достать въ Архангельскѣ сообщеній этихъ врачей.

Что между условіями данной мѣстности и икотой существуетъ какая-то связь, заставляетъ думать также и то, что болѣзнь эта имѣетъ довольно точныя границы своего географическаго распространенія по губерніи. Это видно изъ цифровыхъ данныхъ о ней, собранныхъ Архангельскимъ Статистическимъ Комитетомъ въ 1865 г. По этимъ даннымъ число больныхъ икотою распредѣляется по губерніи такъ: [1])

Архангельскій уѣздъ	225	женщ.	39	муж.
Холмогорскій . „	568	„	15	„
Пинежскій . . „	390	„	34	„
Мезенскій . . „	389	„	37	„

[1]) Печорскаго уѣзда въ то время не существовало. Онъ входилъ въ составъ Мезенскаго и Пинежскаго у.у.

Онежскій уѣздъ . .	—	женщ.	—	муж.
Кемскій . . . „	1	„	—	„
Шенкурскій . „	3	„	—	„
	1576	„	125	„

Конечно, эти данныя не даютъ настоящаго понятія о дѣйствительномъ числѣ больныхъ, но они все-таки заставляютъ думать, что она распространяестя отъ востока къ западу и исчезаетъ на пространствѣ между рр. С. Двиной и Онегою. Въ лежащемъ далѣе къ западу Кемскомъ уѣздѣ отмѣченъ только одинъ случай, который можетъ быть и относится къ женщинѣ, пріѣхавшей изъ восточной части губерніи. По крайней мѣрѣ, изъ разспросовъ врачей, бывшихъ въ этомъ уѣздѣ, я могъ узнать, что здѣсь икота не существуетъ.

Что касается до отношенія мѣстнаго населенія Печоры къ больнымъ, то, прежде всего, съ икотой, поселившейся въ человѣкѣ, часто крестьяне бесѣдуютъ, и она свободно объясняется съ ними: иногда, какъ сказано, дѣлаетъ предсказанія, часто указываетъ, гдѣ находится пропавшая вещь; на вопросъ, куда отправится послѣ смерти того, кого мучаетъ, икота, обыкновенно, отвѣчаетъ: „вскочу опять въ Марью другую“, т.-е. въ человѣка того же имени... Но болѣе всего представляется для окружающихъ интереснымъ вопросъ, кто испортилъ одержимую. На этотъ вопросъ сама икота обыкновенно выкрикиваетъ имя своего „батюшки“, т.-е. имя колдуна своего хозяина, что, само собою разумѣется, ведетъ къ непріятнымъ послѣдствіямъ для заподозрѣнныхъ лицъ, ибо прослыть „икотникомъ“ дѣло не безопасное и непріятное, особенно, какъ нерѣдко и случается, такое

подозрѣніе падаетъ на людей, не занимавшихся никогда никакимъ колдовствомъ. Но отъ подозрѣній никто не гарантированъ. Конечно, и при икотѣ, какъ на то существуетъ мнѣніе на Печорѣ между лицами, главнымъ образомъ принадлежащими къ высшимъ классамъ, надо отнести нѣкоторую долю на притворство, но вѣрно и то, что это вліяніе патологическое и огромное большинство случаевъ притворству приписывать нельзя. Рѣдко гдѣ медицинская безпомощность населенія ощущается такъ сильно, какъ въ Печорскомъ краѣ. Въ уѣздѣ, съ площадью въ 25,931.000 десятинъ, съ населеніемъ (по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ 1901 г.) въ 37.253 чел., живущемъ въ поселкахъ, деревняхъ и селахъ, расположенныхъ на огромныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ, при архаическихъ путяхъ сообщенія, имѣется только два участковыхъ врача, 6 фельдшеровъ, 4 повивальныхъ бабки и 9 волостныхъ оспопрививателей изъ крестьянъ или отставныхъ солдатъ. При моемъ посѣщеніи Печорскаго края лѣтомъ 1903 г. на вопросъ, у кого лечатся въ случаѣ болѣзни, въ огромномъ большинствѣ селъ и деревень получался отвѣтъ: „докторъ бываетъ 1—2 раза въ годъ“, „ни докторъ, ни фельдшеръ никогда не бывали“, „былъ докторъ два года тому назадъ, прожилъ 2—3 дня по случаю болѣзни на селѣ“, „пріѣзжаетъ фельдшеръ разъ въ годъ прививать оспу дѣтямъ“ и т. д.

Изъ числа опрошенныхъ 446 дворовъ съ 2835 живущихъ въ нихъ, изъ которыхъ болѣли 1043 чел., въ различныхъ населенныхъ мѣстахъ края оказалось, что 19 изъ нихъ лечатся въ случаѣ болѣзни у коновала, 177 чел. у бабокъ и знахарей, и только 150 чел. обра-

щаются къ участковому врачу или фельдшеру. Въ огромномъ же большинствѣ случаевъ получался отвѣтъ: „своими средствами“ — 262 чел., „совсѣмъ не лечился“ — 394 чел.“, или „при болѣзни обращаемся къ Богу“ — 41 чел.

Встрѣчались и болѣе печальные факты. Такъ, въ маленькомъ, состоящемъ изъ 4 — 5 крестьянскихъ домовъ и нѣсколькихъ самоѣдскихъ чумовъ, поселкѣ Омелино, находящемся въ верховьяхъ р. Цыльмы, въ 1901 г. появилась оспа. Заболѣли всѣ непривитые — 50 чел., и изъ нихъ умерло 17 чел., т.-е. 34 %. Остальные остались въ живыхъ, но многіе изуродованы болѣзнью. Прививать предохранительную оспу никогда никто сюда не пріѣзжалъ, но о появленіи ея никто также участковому врачу сообщить не догадался. Случай этотъ интересенъ между прочимъ и тѣмъ, что въ то время, когда рѣшительно всѣ, у кого была привита оспа, ею захворали, изъ привитыхъ никто не заболѣлъ, хотя у многихъ прививка была сдѣланя много лѣтъ тому назадъ. Старообрядческое населеніе этого поселка противъ предохранительныхъ прививокъ ничего не имѣетъ, но прививаютъ ее только тѣ, кому случайно удастся побывать въ У. Цыльмѣ за 150 в., или въ с. Койнасѣ за 120 в. зимнимъ путемъ.

Почтовыхъ сообщеній ни лодкой, ни лошадьми здѣсь не существуетъ и добраться сюда доктору, фельдшеру или оспопрививателю, если бы имъ стало даже извѣстнымъ появленіе эпидеміи, было бы весьма и весьма мудрено.

Мнѣ пришлось побывать только въ нѣкоторыхъ и при томъ болѣе населенныхъ мѣстахъ обширнаго края, но и въ такихъ, сравнительно говоря, для Печоры на-

селенныхъ мѣстахъ вродѣ района, занятаго зырянами, и въ низовьяхъ Печоры и въ скудно-населенныхъ верховьяхъ Ижмы, Ухты и Цильмы, — вездѣ слышались единодушныя жалобы на недостаточность или отсутствіе медицинской помощи. Положеніе верховьевъ рѣки, а также сѣверныхъ мѣстностей края въ этомъ отношеніи стоитъ еще въ худшихъ условіяхъ. Весь Печорскій край, какъ было уже сказано, раздѣленъ въ медицинскомъ отношеніи на два врачебныхъ участка. Площадь перваго участка, съ центромъ его въ с. Усть-Цильмѣ, равняется (согласно годового отчета полиціи) 91.147 кв. верстъ, и населенія въ немъ, считая самоѣдовъ устьцылемскаго и пустозерскаго вѣдомствъ, насчитывается — мужч. 9274, женщ. 9718, а всего 18.992 человѣка, размѣщающихся въ 118 населенныхъ пунктахъ. Медицинскій персоналъ участка состоитъ изъ одного врача, двухъ при его амбулаторіи и больницѣ лекарскихъ учениковъ и двухъ пунктовыхъ фельдшеровъ—въ Красноборской и Пустозерской волостяхъ. Фельдшерицъ-акушерокъ нѣтъ, ихъ замѣняютъ двѣ повивальныя бабки, одна въ У.-Цильмѣ, другая въ Пустозерскѣ.

Второй врачебный пунктъ находится въ одномъ изъ большихъ и зажиточныхъ селъ ижемскаго края, с. Мохчѣ. Положеніе его, какъ врачебнаго пункта, выбрано очень удачно, такъ какъ вблизи, на разстояніяхъ 5—7 или 10-ти верстъ разбросаны такія же многолюдныя села— Ижма, Сизябскъ, Бакуры, Ласта, Гамское и др. Весь этотъ округъ имѣетъ населенія около 12—13 тыс. чел., для которыхъ врачебная помощь является, такимъ образомъ, доступною во всякое время года. Въ этихъ селеніяхъ и обращаются за медицинской помощью въ Мохчу,

гдѣ находится и врачъ, и фельдшеръ, и повивальная бабка. Насколько имѣетъ вліяніе на обращаемость въ амбулаторіи большая или меньшая отдаленность отъ нея селеній—видно изъ того, что изъ 2297 больныхъ, посѣтившихъ въ 1902 г. мохченскій врачебный пунктъ, не болѣе 3—5 человѣкъ было изъ с. Кулемы, отстоящаго отъ амбулаторіи уже на разстояніи 18-ти верстъ.

На р. Ижмѣ.

Кулема есть первое отдаленное село, расположенное отъ Мохчи вверхъ по теченію р. Ижмы. Далѣе, идя по тому же направленію, слѣдуютъ села и деревни на разстояніяхъ другъ отъ друга 20, 32, 46-ти верстъ.

Картаіоль (38 дворовъ и 279 душъ). Кедва, гдѣ помѣщается волостное правленіе (56 двор., 568 д. на-

сел.), Паромецъ, гдѣ стоитъ церковь и живетъ 365 чел. въ 49 дворахъ, и болѣе мелкія села: Винлы, Усть-Сюжа, Усть-Ухта, центръ зарождающейся нефтяной промышленности, наконецъ Великопожное, находящееся уже вблизи границы Вологодской губ. Всего въ этомъ районѣ 2128 чел., и они совершенно лишены всякой медицинской помощи, не видя почти никогда ни фельдшера, ни доктора, который пріѣзжаетъ сюда, можетъ быть, одинъ разъ въ годъ по какому-либо особенно-экстренному случаю въ видѣ необходимости исполнить формальность, требуемую при обнаруженіи мертваго тѣла или для провѣрки дошедшаго до врача извѣстія о появленіи въ какомъ-нибудь селѣ заразной болѣзни. Если на оффиціальномъ языкѣ такой пріѣздъ врача, хотя бы даже и на нѣсколько дней, называется принятіемъ мѣръ противъ распространенія эпидемическихъ болѣзней, то на дѣлѣ это есть то же исполненіе пустой формальности, ибо понятно всякому, что кромѣ регистрированія заболѣвшихъ, напримѣръ, тифомъ или скарлатиной, раздачи больнымъ безполезныхъ, при отсутствіи правильнаго и продолжительнаго наблюденія, лекарствъ и безплодныхъ совѣтовъ по гигіенѣ и діететикѣ, врачъ сдѣлать, даже при всемъ своемъ желаніи, большаго не можетъ и остановить въ деревнѣ распространеніе заразной болѣзни, разъ это не оспа и не дифтеритъ,—не въ состояніи. Сказанное здѣсь о положеніи населенія, живущаго по р. Ижмѣ, вполнѣ относится и къ другимъ областямъ Печорскаго края. Безполезно повторять то же самое, говоря о верховьяхъ и низовьяхъ самой Печоры. Правда, тамъ и здѣсь есть по фельдшеру, но участки обоихъ громадны, жалованіе нищенское, средствъ для посѣщенія

заболѣвшихъ по деревнямъ нѣтъ... Населенныя мѣста по р. р. Цыльмѣ, Пижмѣ, Усѣ, на которой за послѣдніе годы создается цѣлый рядъ мелкихъ поселковъ послѣ того, какъ совершенно неожиданно, въ перепись 1897 г., была открыта доселѣ неизвѣстная деревня Болбанъ, затѣмъ тундры и Югорскій край, населенные самоѣдами, вымирающими отъ оспы, куда ежегодно пріѣзжаютъ многочисленные оленеводы изъ Ижмы, и промышленники изъ Пустозерска,—всѣ эти мѣстности находясь еще въ худшемъ положеніи вслѣдствіе отсутствія здѣсь какихъ-либо хотя бы и самыхъ первобытныхъ способовъ почтоваго сообщенія.

Если обширенъ участокъ одного врача, то участокъ другого неизмѣримъ. Онъ не имѣетъ точно опредѣленныхъ размѣровъ и, по мнѣнію врача, наиболѣе отдаленная деревня находится въ 355 верстахъ отъ Мохчи, гдѣ онъ самъ живетъ. Но это—только предположеніе: участокъ простирается до Уральскихъ горъ и сѣв. Ледовитаго океана, идя по правому берегу Печоры, захватываетъ Печорскій край и Карское море. Ни число населенныхъ мѣстъ, ни все количество живущихъ, не можетъ быть опредѣлено съ точностью, ибо, напримѣръ, и Усинскій и Югорскій районы въ точности до сей поры еще не обслѣдованы. Во всякомъ случаѣ, ни одинъ врачъ тамъ никогда не бывалъ.

На всемъ этомъ пространствѣ, по-истинѣ чудовищномъ, имѣется одинъ врачъ, при немъ одинъ фельдшеръ и двѣ повивальныя бабки. Единственный фельдшерскій пунктъ иаходится въ с. Усть-Кожвѣ у верховьевъ Печоры. Всѣ старанія врачебнаго инспектора добиться разрѣшенія на открытіе второго, хотя бы фельдшерскаго,

пункта въ с. Кедвѣ остаются уже болѣе трехъ лѣтъ безплодными, разбиваясь о бюрократическую рутину, столь свойственную дореформеннымъ губерніямъ.

Если для населенія Печорскаго края мало доступна амбулаторная помощь, то помощь больничная почти отсутствуетъ.

Въ 1903 г. на населеніе въ 37.253 ч. имѣлась одна больница Приказа Общественнаго Призрѣнія въ У.-Цыльмѣ на 4 кровати и одинъ пріемный покой на 2 кровати въ с. Мохчѣ. Больница приказа уже второй годъ помѣщается въ наемномъ крестьянскомъ домѣ, занимая всего двѣ маленькихъ комнаты, одна изъ которыхъ при томъ же—проходная.

Помѣщеніе въ высшей степени неудовлетворительно: ремонтъ въ домѣ давно уже не производился, стѣны и потолокъ грязны и закоптѣли, обои ободраны, для вентиляціи служитъ печь и отверстія въ стѣнахъ. Отхожее мѣсто холодное, пристроенное изъ досокъ къ повѣти. Ходъ въ больницу черезъ эту же повѣть, у которой нѣтъ потолка, а лишь одна крыша. Вмѣстѣ съ больницей помѣщается и амбулаторія, состоящая также изъ двухъ маленькихъ комнатъ. Отдѣльнаго кабинета для пріема больныхъ нѣтъ, и сельская аптека помѣщается въ той же комнатѣ, гдѣ принимаетъ врачъ; другая служитъ и ожидальней и перевязочной. Все помѣщеніе весьма плохо: мало, тѣсно, грязно и производитъ прямо удручающее впечатлѣніе.

По отзыву врача, количество инструментовъ, въ общемъ, достаточное, такъ же какъ и количество припасовъ, медикаментовъ и перевязочныхъ матеріаловъ въ амбулаторіи, но существованіе при больницѣ приказа, такого со-

вершенно отъ него самостоятельнаго учрежденія, какъ Печорская земская аптека, не имѣющая нынѣ самостоятельнаго помѣщенія и персонала, представляется нежелательнымъ, особенно при настоящихъ условіяхъ ея помѣщенія, когда являющіеся за пріобрѣтеніемъ лекарствъ должны ожидать въ той же комнатѣ, гдѣ ждутъ и пришедшіе больные, фельдшеръ производитъ перевязку ранъ и язвъ и гдѣ, вмѣстѣ съ сельской аптекой, помѣщаются очень плохіе и тѣсные аптечные шкафы, принадлежащіе уже приказу.

Кстати здѣсь упомянуть, что аптека съ вольной продажей лекарствъ и выдачей ихъ безплатно крестьянамъ-плательщикамъ земскаго сбора есть одна изъ попытокъ врачебнаго отдѣленія или, лучше сказать, врачебнаго инспектора, выйти изъ гнетущаго вліянія такого учрежденія временъ матушки Екатерины II, какъ Приказъ Общественнаго Призрѣнія. Опытъ этотъ пока еще слишкомъ недавенъ, чтобы о результатахъ его можно было говорить и производится за счетъ средствъ губернскаго земскаго сбора.

Точно также и, такъ называемая, „сельская врачебная часть“ на Печорѣ, т.-е. врачебные и фельдшерскіе пункты стоятъ внѣ сферы мертвящаго дѣйствія Приказа, и дѣло здѣсь стоитъ безъ сравненія лучше, насколько это, конечно, находится въ зависимости отъ личности врачебнаго инспектора.

Въ настоящее время, и опять послѣ многолѣтнихъ стараній, удалось добиться отъ Приказа разрѣшенія на пріобрѣтеніе новаго зданія подъ больницу въ У.-Цыльмѣ. Оно теперь отдѣлывается, и надо думать, что въ будущемъ 1904 году больница будетъ имѣть новое, гораздо

лучшее помѣщеніе. Большой двухъэтажный домъ, принадлежавшій компаніи шведскаго лѣсопильнаго завода, пріобрѣтенъ въ казну за 11.000 рублей и приспособляется нынѣ подъ помѣщеніе больницы. Къ сожалѣнію, онъ выстроенъ изъ плохого сухопостойнаго, мѣстами даже совершенно гнилого лѣса и, при помѣщеніи здѣсь конторы завода, служащіе сильно терпѣли отъ мороза. Зимою 1902 года онъ былъ настолько холоденъ, что докторъ, занявшій съ семьею предназначенную ему квартиру, столь же горько страдалъ отъ неудобства помѣщенія, какъ и его коллега въ Мохчѣ. Если производящійся нынѣ тщательный ремонтъ достигнетъ своей цѣли, то устьцылемская больница будетъ имѣть вполнѣ удовлетворительное помѣщеніе съ большими и свѣтлыми палатами для больныхъ, всѣми необходимыми приспособленіями и удобными квартирами для медицинскаго персонала. Въ противномъ случаѣ остается только сожалѣть о старомъ помѣщеніи, которое при всѣхъ своихъ недостаткахъ было, по крайней мѣрѣ, тепло.

Продовольствуетъ стаціонарныхъ больныхъ сторожъ, которому совѣтъ больницы уплачиваетъ по 25 коп. въ сутки за каждаго больного. Обычная пища—$1^1/_2$—2 ф. чернаго хлѣба, щи съ говядиной, пшенная каша и кружка молока. На ужинъ то же. Утромъ и вечеромъ подается чай съ чернымъ хлѣбомъ. Для больныхъ, которымъ требуется особая діэта, пища готовится по указанію врача, и дается молоко, яйца, манная каша, бѣлый хлѣбъ и т. д.

При устьцылемской больницѣ сохраняется до сихъ поръ еще одно изъ давно отжившихъ учрежденій, такъ называемый „больничный совѣтъ Приказа Обществен-

наго Призрѣнія". Хотя больницей завѣдуетъ врачъ, но вся денежная и хозяйственная отчетность отъ него независима и лежитъ на совѣтѣ больницы, которымъ нанимается, для письменныхъ работъ по дѣлопроизводству, особый дѣлопроизводитель, состоящій въ то же время регистраторомъ полицейскаго Управленія. Совѣтъ завѣдуетъ всей хозяйственной частью, составляетъ ежегодную смѣту расходовъ и доходовъ по больницѣ, получаетъ установленную плату съ больныхъ, контролируетъ расходъ медикаментовъ, принадлежащихъ приказу, завѣдуетъ пищей для больныхъ, обстановкой и ремонтомъ больницы и т. д. И все это дѣлается помимо врача, заинтересованнаго болѣе, чѣмъ кто-либо, въ постановкѣ больницы и ея хозяйства!

Совѣтъ состоитъ изъ предсѣдателя — исправника и членовъ—врача, волостного старшины и мирового судьи. Но въ сущности онъ состоитъ изъ одного исправника, который и распоряжается больничнымъ хозяйствомъ по своему усмотрѣнію, такъ какъ ни мировой судья, ни старшина въ совѣтѣ и не участвуютъ, да и засѣданій самаго совѣта никогда не бываетъ. Роль же врача въ больничномъ совѣтѣ ограничивается подписаніемъ своей фамиліи подъ посылаемымъ ему на домъ годовымъ отчетомъ, ибо за подписомъ одного лица отчетъ отсылать было бы неудобно. Всѣ дѣйствія совѣта для врача составляютъ, нѣкоторымъ образомъ, канцелярскую тайну, и онъ совершенно не посвященъ въ дѣйствія совѣта по больничному хозяйству; попытка же нѣкоторыхъ врачей, пробовавшихъ поставить дѣло иначе, оканчивалась лишь прискорбными недоразумѣніями, и единственно, что имъ оставалось, это — отказываться отъ подписанія неизвѣ-

стнаго для него отчета, что, однако, тоже является весьма неудобнымъ въ такомъ отдаленномъ краѣ, какъ Печорскій. При существующихъ нынѣ условіяхъ и совершенной неприспособленности больницы, нѣтъ ничего удивительнаго, что и четыре имѣющіяся койки нерѣдко пусты, и вообще больница до сихъ поръ слабо функціонировала. Въ 1900 году пользовалось 37 чел., въ 1901 году—27 чел. и въ 1902 году — 26. Надо еще добавить, что, кромѣ свойственнаго русскому населенію обычая ложиться въ больницу только когда болѣзнь приняла уже угрожающее теченіе, для У.-Цыльмы существуютъ еще причины, препятствующія правильному развитію стаціонарной помощи: здѣшнее населеніе, какъ старообрядческое, обращаясь охотно къ амбулаторной помощи, избѣгаетъ ложиться въ больницу, чтобы не осквернить себя ѣдой вмѣстѣ съ православными изъ употребляемой ими посуды, а также взимаемая Приказомъ съ больного плата по 30 коп. въ день не позволяетъ крестьянамъ пользоваться ея помощью. Дѣятельность больницы, по преимуществу, терапевтическая и въ 1902 году составъ больного въ ней былъ таковъ:

Крупозное воспаленіе легкихъ	3
Сифилисъ въ заразномъ періодѣ . . .	6
Сифилисъ третичный	2
Доброкачественная опухоль	1
Чесотка	1
Раны порѣзанныя	4
Вывихи	2
Переломъ осложненный	1
Катарръ желудка	1

Воспаленіе почекъ	1
Болѣзни мужскихъ полов. органовъ . .	1
„ кожи и подкожной клѣтчатки .	1
„ уха	1
„ беременныхъ	1
Всего	26 чел.

Вслѣдствіе указанной уже неприспособленности больницы, операціи здѣсь производятся лишь въ особо-исключительныхъ случаяхъ. Изъ болѣе крупныхъ въ 1902 году была сдѣлана одна ампутація плеча, а въ 1903 году — одна секвестротомія; мелкія операціи болѣе часты. Надо думать, что при переходѣ Усть-Цылемской больницы въ новое, лучшее помѣщеніе и эта сторона ея дѣятельности станетъ въ лучшія условія.

Пріемный покой врача въ с. Мохчѣ помѣщается при его амбулаторіи и предназначенъ для временнаго помѣщенія больного при какомъ-либо особо-экстренномъ или несчастномъ событіи. Ни кухни, ни сидѣлки не имѣется, и поступившему больному родные должны доставлять пищу сами. Въ 1902 году здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ дней пробылъ лишь одинъ больной, которому была произведена операція удаленія рака нижней губы. Въ 1903 году былъ также одинъ больной, которому сдѣлана экзартикуляція кисти. Сама амбулаторія помѣщается въ отведенномъ отъ общества двухъ-этажномъ домѣ и занимаетъ, въ общемъ, очень приличное помѣщеніе, но въ обстановкѣ и ея аптекѣ замѣчаются нѣкоторые недостатки: нѣтъ хорошаго фильтра для воды, перегоннаго куба, недостаетъ аптечной посуды, нѣтъ даже штангласовъ и биксовъ для храненія медикамен-

товъ, отчего они и портятся; ходячихъ инструментовъ—скальпелей, пинцетовъ, иголъ—недостаточно, а ампутаціоннаго набора совсѣмъ нѣтъ, перевязочныхъ матеріаловъ очень мало, гигроскопической марли, напримѣръ, отпускается только 60 аршинъ въ годъ и вообще, по отзыву врача, количество медикаментовъ совершенно недостаточно, и сумма на пріобрѣтеніе ихъ, отпускаемая по расчету 5 коп. на каждое посѣщеніе, при чемъ въ ту же сумму входитъ и расходъ на перевязочные матеріалы, не можетъ удовлетворить дѣйствительной потребности въ нихъ. Такимъ образомъ, въ одномъ и томъ же уѣздѣ одинъ врачъ находитъ количество выдаваемыхъ ему медикаментовъ достаточнымъ, другой указываетъ на ихъ недостатокъ. Дѣло объясняется просто. По существующему въ дореформенныхъ губерніяхъ закону, смѣта на медикаменты (по расчету 5 коп. на посѣщеніе) составляется на 3 года впередъ. Но жизнь не ждетъ, количество больныхъ растетъ, а ассигновка на медикаменты, изъ которой выйти нельзя, становится недостаточной. Въ виду этого врачебное отдѣленіе, удовлетворяя требованія врачей сверхъ положенной нормы и дѣлая перерасходъ, распредѣляетъ его по волостямъ, предлагая крестьянскому обществу уплатить падающую на него сумму. За крайне рѣдкими исключеніями, отказа не встрѣчается, и недостатокъ медикаментовъ зависитъ, слѣдовательно, отъ самихъ врачей, каждый изъ которыхъ получаетъ столько, сколько требуетъ. Совершенно то же относится и къ инструментамъ. Если въ Мохчѣ ихъ недостаточно, то причина та, что врачъ не указалъ на ихъ недостаточность.

Въ Мохчѣ также предполагается на средства зем-

скаго сбора постройка новой больницы на 10 кроватей, на что̀ уже ассигнована сумма въ 20.000 рублей. Кромѣ того, крестьянское общество ассигновало приговоромъ на это дѣло изъ своихъ средствъ 6.000 рублей, и по частной подпискѣ обѣщана тысяча рублей. Съ будущаго 1904 г. должна начаться постройка, при чемъ здѣсь проектируется выстроить квартиры для врача и низшаго медицинскаго персонала.

Не буду говорить о фельдшерскихъ пунктахъ. Мнѣ пришлось видѣть ихъ два: въ с. Красномъ Бору онъ обставленъ очень недурно и могъ бы служить образцомъ для многихъ такихъ пунктовъ центральной Россіи; но слышатся жалобы на недостатокъ лекарствъ; въ Пустозерскѣ онъ — плохъ; третій и послѣдній имѣется въ верховьяхъ Печоры, въ с. Кожвѣ, но тамъ быть не пришлось.

Обыкновенно врачи приглашаются на службу въ Печорскій край черезъ объявленіе въ медицинскихъ газетахъ и журналахъ, или въ университетахъ, отслуживаютъ стипендію, иногда командируются медицинскимъ департаментомъ. Фельдшера же отслуживаютъ узаконенный срокъ за получаемое ими образованіе въ архангельской фельдшерской школѣ. Насколько прочно и удобно обставлено положеніе медицинскаго персонала, видно уже изъ того, что, напримѣръ, съ 1894 г. существующій въ с. Мохчѣ врачебный пунктъ значительные промежутки времени оставался безъ врача. Первый явившійся сюда врачъ пробылъ въ Мохчѣ не болѣе года и уѣхалъ. Цѣлые $1^1/_2$ года послѣ этого пунктъ оставался безъ врача. Прибывшій затѣмъ докторъ пробылъ 2 — 3 мѣсяца и уѣхалъ. Опять въ теченіе 9-ти

мѣсяцевъ пунктъ оставался безъ врача. Слѣдующій врачъ послѣ 5—6 мѣсяцевъ службы уѣхалъ въ отпускъ, и у мѣстныхъ жителей является уже сомнѣніе въ томъ, вернется ли онъ обратно.

Положеніе врачебнаго персонала таково: врачъ получаетъ жалованья и столовыхъ 1225 руб. въ годъ и на разъѣзды по участку 300 руб.; послѣ 5 лѣтъ службы жалованье увеличивается на 150 руб.; черезъ 10 лѣтъ выдаются полуторные прогоны до того мѣста, откуда пріѣхалъ. Кромѣ того, два года службы считается за три и при поступленіи, кромѣ прогоновъ на 4 лошади, выдаются двойные прогоны. Наиболѣе важной привиллегіей за службы въ отдаленномъ Печорскомъ уѣздѣ является пособіе, выдаваемое казной на воспитаніе дѣтей: учащіеся дома съ 9-ти лѣтняго возраста получаютъ 100 руб. въ годъ; въ низшихъ школахъ получаютъ 120 р., въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 240 р. и въ высшихъ 360 руб.

Что касается до высшихъ учебныхъ заведеній, то законъ ничего не говоритъ о томъ, имѣютъ ли дочери право на полученіе такихъ стипендій, ибо при установленіи этого закона высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній въ Россіи еще не существовало, и весьма, конечно, желательно было бы распространеніе его на дѣвушекъ.

До сихъ поръ съ стипендіей на высшіе женскіе курсы дочери служащихъ въ привиллегированныхъ уѣздахъ принимались лишь на основаніи особаго высочайшаго соизволенія, каковъ былъ, напримѣръ, случай въ Онегѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Надо, однако сказать, что наиболѣе существенная изъ привиллегій за службу на Печорѣ, т.-е. пособіе, вы-

даваемое на воспитаніе дѣтей, является, въ сущности, очень незначительной. Чтобы воспитывать ребенка, напримѣръ, въ Архангельскѣ въ среднемъ учебномъ заведеніи, надо на доставку его въ городъ затратить не менѣе 50—60 р., брать ребенка также необходимо на каникулы, а также и содержать его, на что, конечно, будутъ потрачены остающіяся деньги. Учащимся же въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ родители принуждены высылать и на содержаніе.

Очень тяжелымъ условіемъ службы для врачей на Печорѣ является дальность разстоянія не только отъ центровъ умственной и культурной жизни, но и отъ собственнаго губернскаго города. Разстояніе, напримѣръ, отъ Усть-Цильмы до Архангельска 780 верстъ, отъ Москвы до Архангельска 850 вер. До Москвы считается около 2-хъ тысячъ верстъ. Лѣтомъ и зимою при правильномъ движеніи, безъ задержекъ, почта приходитъ одинъ разъ въ недѣлю. Осенью же и весной существуетъ и оффиціально признается распутица, когда даже и почта не приходитъ $1^1/_2$ — 2 и даже $2^1/_2$ мѣсяца. Выписывать газеты, собственно говоря, смысла не имѣетъ, потому что онѣ приносятъ извѣстія о событіяхъ, происшедшихъ недѣли три, четыре тому назадъ и потерявшихъ свой интересъ послѣ прочтенія телеграммъ Сѣв. Телегр. агентства въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, которыя можно достать для прочтенія всегда въ волостномъ правленіи или у мирового судьи. Да наконецъ, чтобы выписывать газеты, необходимо имѣть для этого средства, а на выписку даже спеціальныхъ журналовъ суммъ отъ казны не ассигнуется, какъ это дѣлается, напримѣръ, въ земскихъ учрежденіяхъ.

Доходитъ до того, что всякая попавшаяся случайно книга или номеръ стараго журнала за 20 лѣтъ назадъ прочитываются отъ доски до доски, прочитываются всѣ обложки и обертки отъ мыла или прейсъ-куранты отъ Мюра и Мерилиза. Общество, съ которымъ можно было бы подѣлиться своей духовной жизнью, составляетъ нѣсколько человѣкъ чиновниковъ, духовенство и учителя, но чѣмъ больше оно по количеству, тѣмъ скорѣе и чаще даютъ себя знать неудобства слишкомъ частыхъ и близкихъ отношеній: если не являются невольно ссоры, сплетни и пересуды, то очень скоро всѣ смертельно надоѣдаютъ другъ другу, и начинаешь даже завидовать тому, кто держится отдѣльно отъ маленькаго муравейника. Разнообразить свою жизнь, устраивая, напримѣръ, народныя чтенія или вообще какія-либо просвѣтительныя или культурныя начинанія, интереса также не представляетъ. Если это крайне затруднительно въ У.-Цыльмѣ среди старообрядческаго населенія, то, напримѣръ, въ резиденціи второго врача—с. Мохчѣ, это не имѣетъ совсѣмъ смысла, ибо населеніе по-русски не говоритъ и русскаго языка почти не понимаетъ. Заняться хотя бы благотворительностью въ У.-Цыльмѣ и Мохчѣ также невозможно, если бы и была охота, потому что благотворительная дѣятельность здѣсь не нужна, такъ какъ бѣдныхъ въ нашемъ смыслѣ слова нѣтъ, и послѣднимъ бѣднякомъ считается уже тотъ, у котораго есть собственная лошадь и корова.

Квартиры дороги и холодны до того, что, напримѣръ, въ Мохчѣ въ комнатахъ у врача въ сильные морозы бываетъ, обыкновенно,—7^0 и, какъ въ большей части домовъ, имѣется только одна комната, настолько теплая,

что зимой въ ней можно жить. Объясняется это тѣмъ, что всѣ квартиры помѣщаются въ верхнемъ этажѣ, и только одна, изрѣдка двѣ комнаты, расположены надъ теплымъ помѣщеніемъ, остальныя же стоятъ надъ хлѣвомъ для скота или другими хозяйственными пристройками. Зимой въ эту единственную теплую комнату доктору приходится переселяться со всей семьей, со всѣми кроватями, стульями, столами и всѣмъ хозяйствомъ; но и здѣсь надо сидѣть въ шубахъ и валенкахъ около топящейся чуть-ли не вѣчно печки; въ другія же комнаты выпускаютъ погулять дѣтей, одѣвши ихъ, все-таки, въ теплое зимнее платье. Приходящіе провѣдать знакомые также должны бесѣдовать, сидя въ своихъ малицахъ и пимахъ у той же печки. Средняя цѣна на дрова 1 р. 20 к. за погонную сажень, но дрова очень плохи, такъ называемый „сухопостой“, или, иначе говоря, уже сгнившій на корню, негодный на другое употребленіе лѣсъ, дающій, какъ топливо, мало жара; къ тому же онъ принадлежитъ къ сортамъ, дающимъ вообще мало тепла—сосна, а главнымъ образомъ—ель. Квартира врача въ У.-Цыльмѣ, находящаяся въ еще неоконченной въ 1903 г. больницѣ, была того же типа. Въ этомъ году въ ней производится ремонтъ, результаты котораго будутъ видны только зимою; но въ виду того, что все зданіе больницы выстроено изъ того же сухопостойнаго лѣса, трудно ждать, чтобы и она вполнѣ могла бы удовлетворять требованіямъ удобнаго жилища для человѣка, хотя нѣсколько привыкшаго къ удобствамъ культурной жизни.

Помимо отсутствія хорошихъ, даже сколько-нибудь сносныхъ помѣщеній для медицинскаго персонала, огром-

нымъ неудобствомъ является и отсутствіе казенной, хотя бы самой необходимой, обстановки для квартиры. Въ отношеніи условій жилища, напримѣръ, положеніе учительскаго персонала безъ сравненія стоитъ лучше. Въ сколько-нибудь благоустроенной школѣ, духовной или министерства народнаго просвѣщенія—для учителя и его помощника имѣется квартира въ 2—3 приличныхъ комнаты съ кухней и необходимой мебелью—есть столы, стулья, кровати, шкафъ для платья и проч. Положеніе медицинскаго персонала—иное, и всякій вновь пріѣзжающій врачъ долженъ не только отыскать себѣ квартиру, что сопряжено съ немалыми затрудненіями въ деревнѣ, но и пріобрѣсти обстановку. Завести себѣ соотвѣтствующую мебель, особенно человѣку семейному, почти невозможно, и если онъ не догадался привезти ее съ собой, ему приходится или обходиться безъ нея, или удовлетворяться мѣстными, грубыми и дорогими издѣліями и, напримѣръ, за простой самодѣльный стулъ платить по 2 рубля.

При такихъ условіяхъ жилища, вполнѣ понятно, въ какомъ неудобствѣ и вѣчномъ страхѣ за здоровье дѣтей должны находиться родители, рискующіе постоянно и неувѣренные ни за одинъ день.

Если тяжелы, особенно для человѣка семейнаго, условія жилья, то немногимъ лучше обставлено и питаніе. Доставать припасы очень трудно. Почти всего надо дѣлать запасы и непремѣнно въ опредѣленное время, иначе рискуешь остаться безъ провизіи цѣлый годъ или покупать ее у мѣстныхъ торговцевъ по дорогой цѣнѣ. Муку, напримѣръ, и другіе припасы нужно покупать у чердынскихъ купцовъ, приплываю-

щихъ сюда одинъ разъ въ годъ на своихъ огромныхъ баркахъ. При истощеніи припасовъ цѣна на нихъ сильно поднимается, и бывали случаи, когда, напримѣръ, сахаръ доходилъ до 50 коп. за фунтъ, табаку нельзя было найти совсѣмъ, и желающіе могли имѣть мѣстную рыбу, но въ Мохчѣ, гдѣ находится мѣстопребываніе второго врача, ея совсѣмъ нѣтъ, кромѣ самой мелкой, которую населеніе само употребляетъ въ пищу, и достать ее доктору для себя чрезвычайно трудно или, лучше сказать, невозможно. Хорошаго качества соленой рыбы также нѣтъ, а для того, чтобы ѣсть находящуюся въ общемъ употребленіи и очень здѣсь любимую, плохопросоленную и слегка испорченную рыбу, издающую отвратительный запахъ,—надо имѣть привычку, выработать которую въ себѣ достаточно очень нелегко. Достать лѣтомъ мясо также очень трудно, и продается оно не иначе, какъ цѣлой тушей, сохранять которую при отсутствіи ледника невозможно, и если такового нѣтъ, то мясо приходится имѣть только случайно. Зимою оленину и дичь можно имѣть всегда, но за то зимою доставать молоко очень трудно, весною же и осенью его и много, и оно очень дешево. Яйца имѣть зимою совершенно невозможно. Кромѣ куръ, никакой домашней птицы нѣтъ, но ѣсть куръ никогда не приходится: на всю, напримѣръ, мохченскую волость въ 1902 г. ихъ считалось 87 штукъ, и понятно, что купить курицу почти нѣтъ возможности. За исключеніемъ одного картофеля, овощей также нѣтъ, а кислую капусту иногда торговцы привозятъ, но по большей части она доходитъ сюда мерзлая и къ употребленію мало пригодная. Отсутствіе овощей временами сильно сказывается, является въ нихъ

потребность, — тогда ѣдятъ лукъ прямо съ чернымъ хлѣбомъ, но достать не всегда возможно и лукъ, который по временамъ считается даже лакомствомъ. Хотя ягодъ—главнымъ образомъ, брусники и морошки—здѣсь много, и онѣ употребляются въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, но все же вполнѣ замѣнить собой овощей онѣ не могутъ. Еще большія затрудненія приходится испытывать врачу относительно одежды и обуви. И особенно затрудненія въ этомъ отношеніи тяжелы и непріятны, если врачъ человѣкъ семейный. Одежды и обуви купить нельзя: у чердынцевъ ни того, ни другого нѣтъ, такъ какъ они не привозятъ товаровъ, приспособленныхъ къ требованіямъ лицъ, привыкшихъ жить въ культурныхъ условіяхъ. Необходимо выписывать изъ Москвы все, начиная отъ пальто или сюртука, до дѣтской обуви и игрушекъ къ Рождеству. Въ этомъ случаѣ настоящимъ благодѣтелемъ для заброшеннаго въ далекую Мохчу врача является извѣстная московская фирма „Мюръ и Мерилизъ“: отсюда пришлютъ и каталоги съ рисунками и цѣнами, аккуратно исполнятъ заказы, и вѣ-время все сдѣлаютъ. Этого благодѣтеля знаютъ въ Мохчѣ даже дѣти и ждутъ съ нетерпѣніемъ, что пришлетъ онъ имъ изъ Москвы къ празднику.

Необходимость воспитанія дѣтей также является для семейнаго человѣка вопросомъ, полнымъ затрудненія и важности. Найти домашняго учителя, способнаго подготовить къ конкурсному экзамену для поступленія въ гимназію, невозможно ни въ Усть-Цыльмѣ, ни въ Мохчѣ, и первоначальное образованіе ребенокъ можетъ получить только въ народной школѣ, при чемъ въ Мохчѣ онъ вращается среди зырянскихъ дѣтей, прекрасно выучи-

ваясь говорить по-зырянски, но недостаточно изучая свой собственный языкъ. Такія условія заставляютъ воспитывать дѣтей далеко въ Архангельскѣ, находясь въ постоянномъ безпокойствѣ за ихъ здоровье и поведеніе. Привиллегія на воспитаніе дѣтей, какъ было уже сказано, является совершенно недостаточной да, наконецъ, какими деньгами могутъ быть оцѣнены душевныя страданія матери! Постояннымъ источникомъ безпокойства и тревоги для нея являются и безконечные разъѣзды мужа. Ихъ совершенно нельзя сравнивать съ разъѣздами, напримѣръ, земскаго врача въ центральной Россіи. Какъ бы ни былъ великъ земскій участокъ, онъ—ничто въ сравненіи съ обширными пространствами, которыя составляютъ районъ врача на Печорѣ. Разъѣзды часты и при громадной величинѣ площади участковъ очень нерѣдко приходится выѣзжать за 250—300 верстъ, напримѣръ, приходится изъ Усть-Цыльмы ѣздить въ Пустозерскъ за 250 вер. или въ Андигу 310 вер., или въ случаѣ отсутствія второго врача, въ Кожву за 275 вер., возвращаясь домой черезъ 2 — $2^1/_2$ недѣли. Столь же нерѣдко приходится разъѣзжать при морозѣ болѣе чѣмъ въ 40^0. Одной шубы совершенно недостаточно. Приходится надѣвать ихъ двѣ другъ на друга, на голову особый колпакъ, закрывающій почти все лицо, такъ называемую „сюму“. На ноги, одѣтыя въ двойныя валенки, сдѣланныя изъ оленьей кожи (по здѣшнему „пимы“), кладется особое мѣховое одѣяло. Даже при такой, повидимому, безконечно теплой одеждѣ приходится сильно страдать отъ холода, дожидаясь, пока доберешься до станцій, находящихся тоже на безконечныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Если до-

рогой случится какая-нибудь неисправность въ упряжи,— развяжется ремень или лопнетъ подпруга, — положеніе путниковъ становится почти отчаяннымъ. Снять рукавицы при такомъ морозѣ и исправить сбрую — это такой подвигъ, на который не всякій ямщикъ рѣшится, да и сдѣлать это голыми руками на смертельномъ морозѣ почти нѣтъ возможности. Если зимой приходится надѣвать всю самоѣдскую одежду—малицу, совикъ, шапку и пимы, то и лѣтомъ теплое платье всегда обязательно брать съ собою въ дорогу: въ маѣ и іюнѣ часто приходится ходить въ мѣховомъ, а въ августѣ уже протапливаютъ печи. Въ сентябрѣ нерѣдко бываетъ снѣгъ и, напримѣръ, въ 1902 г. выпавшій 8 сентября снѣгъ уже больше не растаялъ. Лѣтомъ хотя и возможно ѣздить на почтовыхъ пароходахъ, но и здѣсь является неизбѣжная потеря времени, такъ какъ пароходъ, разъ отплывши отъ Усть-Цыльмы, возвращается обратно лишь черезъ 10 дней, и такъ какъ имъ рѣдко удается пользоваться, то ѣздить врачу приходится на лодкахъ первобытнаго устройства съ каютой, представляющей собою родъ ящика съ низенькими дверцами, куда вползаютъ на четверенькахъ. Комары представляютъ лѣтомъ на Печорѣ нѣчто ужасающее: днемъ жалитъ мошкара, а вечеромъ и ночью комары, способные свести съ ума; въ будку, стоящую на лодкѣ, залѣзть нельзя, потому что тамъ душно, а выйти на воздухъ невозможно изъ-за несмѣтныхъ тучъ комаровъ, которые—„кусаются, какъ собаки“. Надѣваютъ накомарникъ, но долго пробыть въ немъ нельзя, потому что дышать опять становится очень тяжело. Одно спасеніе, когда подуетъ вѣтеръ, а иначе дорога становится мучительной. Но и вѣтеръ имѣетъ

свои неудобства: онъ бываетъ настолько силенъ, что не только лодки, но и пароходы не въ состояніи идти и стоятъ у берега по 3 — 4 дня въ закрытомъ мѣстѣ: напримѣръ, въ 1903 г. въ іюнѣ мѣсяцѣ пароходъ Бр. Норицыныхъ „Ижма", везшій плотъ въ 6.000 бревенъ, долженъ былъ пристать въ совершенно безлюдномъ мѣстѣ и простоять четверо сутокъ, то же случилось и въ іюлѣ— словомъ, такіе случаи обыденны, и докторъ въ разъѣздахъ надолго пропадаетъ для семьи совсѣмъ безъ вѣсти: что бы ни случилось дома, вызвать его нельзя, онъ какъ бы канулъ въ вѣчность, можетъ быть, утонулъ или умеръ, и ничего о немъ узнать нельзя семьѣ, пока не вернетъ Богъ его обратно.

Понятны при такихъ условіяхъ жизни причины, почему врачи, какъ, впрочемъ, и другіе служащіе, смотрятъ на свою жизнь на Печорѣ, какъ на временную ссылку, почему всегда живутъ, какъ бы находясь въ вѣчномъ путешествіи съ постоянной мыслью и надеждой на новое, съ бо̀льшими удобствами жизни, мѣсто. Хорошей стороной жизни врачей на Печорѣ являются прекрасныя отношенія, существующія между ними и врачебнымъ одѣленіемъ, которое старается много дѣлать для лучшей постановки здѣсь врачебнаго дѣла въ той его сторонѣ, которая остается внѣ сферы дѣйствія приказа общественнаго призрѣнія, донынѣ еще продолжающаго существовать въ архангельской губ. Но если положеніе и нравственное состояніе врача такъ много зависитъ отъ личныхъ качествъ врачебнаго инспектора, которымъ, конечно, можетъ быть лицо съ совершенно иными тенденціями, то контроль надъ его дѣятельностью со стороны такого учрежденія приказа, какъ врачебный совѣтъ въ

указанномъ его составѣ, является очень неудобнымъ и, лишь совершенно излишне стѣсняя самодѣятельность врача, ставитъ его нерѣдко въ невыносимое положеніе, обостряя его отношенія къ главному начальнику отдаленнаго края, какимъ фактически является на Печорѣ исправникъ. Въ результатѣ создается для врача репутація „безпокойнаго“ человѣка, что̀ въ архангельской губерн. представляется вообще для всякаго далеко не безразличнымъ.

Положеніе низшаго медицинскаго персонала еще хуже. Фельдшеръ получаетъ жалованья 14 р. 70 к. въ мѣсяцъ. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ за занятіе оспопрививаніемъ они получаютъ еще 40—50 руб. въ годъ, что́ при ничтожности получаемаго ими содержанія является уже значительнымъ подспорьемъ. Нѣкоторые изъ фельдшеровъ также за веденіе метеорологическихъ наблюденій имѣютъ отъ главной физической обсерваторіи заработокъ въ размѣрѣ 10 рублей въ мѣсяцъ.

Безплатная квартира при больницѣ или амбулаторіи состоитъ обычно изъ одной, рѣдко двухъ крошечныхъ комнатъ. Приготовлять обѣдъ приходится или самому, или платить изъ своего маленькаго жалованья сторожу, состоящему при амбулаторіи. Доставать продукты для фельдшера, конечно, еще затруднительнѣе, чѣмъ для врача: онъ не въ состояніи при своемъ нищенскомъ содержаніи дѣлать запасы на весь годъ, закупая все необходимое у чердынцевъ. Вотъ бюджетъ фельдшера, состоящаго при врачебномъ пунктѣ въ с. Мохчѣ.

Обѣдъ.	7 р.
Стирка бѣлья	0 р. 50 к.

Чай, сахаръ.	2 р. 50 к.
Табакъ	2 р.
Мелкіе расходы	2 р.
	14 р.

Излишнихъ расходовъ онъ дѣлать не въ состояніи и трудно считать добавленіемъ къ жалованью тѣ 3 р. 33 коп. въ мѣсяцъ, что онъ получаетъ на разъѣзды для посѣщенія больныхъ въ деревняхъ. Эти деньги, дѣйствительно, уходятъ на разъѣзды, и ихъ совершено недостаточно. При дальности разстояній на сумму въ 3 р. фельдшеръ еще можетъ, пожалуй, доѣхать до какой-нибудь отдаленной деревни своего участка, но чтобы вернуться обратно, онъ долженъ или ждать слѣдующаго мѣсяца и новой получки въ 3 руб., или издержать на прогоны изъ тѣхъ же 14 р. 70 коп. своего жалованья. Хотя по циркуляру губернскаго правленія крестьяне, вызывающіе къ больному фельдшера, должны доставлять его впередъ и обратно на собственныхъ подводахъ, но циркуляръ не исполняется, да и не можетъ исполняться при бездорожьяхъ и огромныхъ разстояніяхъ Печорскаго уѣзда. Положеніе повивальныхъ бабокъ, существующихъ въ нѣкоторыхъ изъ пунктовъ уѣзда и получающихъ тѣ же 14 р. 70 к. жалованья, въ этомъ отношеніи еще хуже.

Повивальной бабкѣ никакихъ средствъ на разъѣзды не отпускается, такъ что ѣхать ей къ роженицѣ можно только тогда, когда пришлютъ за нею лошадей или уплатятъ прогоны. Хотя открытый листъ на взиманіе почтовыхъ лошадей и лодокъ за указанные прогоны и выдается повивальной бабкѣ, но денегъ на уплату этихъ прогоновъ не полагается, и она можетъ ѣхать на соб-

ственныя средства, или если требуемые расходы будутъ оплачены самой пацієнткой.

Жалобы и неудовольствія населенія на отказы со стороны фельдшеровъ и бабокъ посѣщать больныхъ на домахъ—всеобщи; но насколько они имѣютъ средствъ для удовлетворенія требованій, видно изъ сказаннаго.

Вообще, надо сказать, что исключительное положеніе Печорскаго края на отдаленномъ сѣверѣ и крайне скудное вознагражденіе служатъ главными причинами того, что ни врачи, ни низшій персоналъ сюда ѣхать на службу не соглашаются. Только горькая необходимость заставляетъ ихъ дѣлать это. Между тѣмъ, отсутствіе медицинскаго пособія составляетъ здѣсь весьма ощутительный недостатокъ, и въ каждой деревнѣ, гдѣ привелось побывать, населеніе выражало просьбы и желанія имѣть у себя хотя бы фельдшера, указывая на то, что за неимѣніемъ болѣе разумной помощи ему приходится обращаться къ бабкамъ, знахарямъ, коноваламъ или лечиться по собственному разумѣнію.

Народъ на Печорѣ очень развитъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; въ крайне рѣдкихъ исключеніяхъ даже между старообрядцами, можно услышать принципіальное отрицаніе научной медицины; жертвуютъ, какъ было указано, большія деньги на больницы и лечились бы охотно, но медицинской помощи на Печорѣ нѣтъ.

Отсутствіе медицинской помощи по необходимости заставляетъ больныхъ обращаться за совѣтомъ къ знахарямъ, колдунамъ или, какъ ихъ здѣсь называютъ, „еретикамъ“, къ костоправамъ и вообще къ людямъ, могущимъ оказать помощь въ случаѣ болѣзни. Вмѣстѣ съ тѣмъ растутъ и крѣпнутъ предразсудки и суевѣрія,

вліяющіе не только на умственное и нравственное развитіе населенія, но и на его здоровье. Тамъ, гдѣ медицинская помощь близка, жители охотно обращаются къ врачу, и даже среди старообрядцевъ въ У.-Цыльмѣ не пришлось встрѣтить принципіальныхъ противниковъ медицинской науки, а прививаніе оспы здѣсь практикуется чаще, чѣмъ можно было бы ожидать.

Но такъ какъ въ большинствѣ селеній врачебная помощь далека, то при леченіи приходится прибѣгать къ содѣйствію старухъ и знахарей. Они существуютъ вездѣ, передавая свои знанія изъ поколѣнія въ поколѣніе, причемъ не столько развивается умѣніе въ распознаваніи болѣзней, сколько ихъ леченіе, для чего создались вѣками очень разнообразные пріемы.

Наиболѣе распространенный способъ леченія—такъ сказать, гипнотическій, посредствомъ заговоровъ и нашептываній, или заклинаній, которыя дѣлаются надъ водой, надъ виномъ или надъ масломъ, причемъ водой умываютъ и обрызгиваютъ, вино выпиваютъ, а масломъ мажутъ больное мѣсто. Иногда (чаще надъ ребенкомъ, страдающимъ безсонницей), шепча заговоры, чертятъ огаркомъ спички крестъ вдоль и поперекъ тѣла. Другой разъ пишутъ наговоръ на бумагѣ, которую больной долженъ, проносивши на груди три дня, сжечь и выпить съ водой; наговариваютъ также трижды на воскъ, сплевывая каждый разъ... словомъ, пріемы бываютъ очень разнообразны. Самый заговоръ начинается обычной въ подобныхъ случаяхъ формулой: „стану я, рабъ Божій, благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверями, изъ дверей воротами, выйду я въ чистое поле“... и затѣмъ идетъ наборъ словъ, представляющихъ собою

странную смѣсь языческихъ и христіанскихъ понятій съ призываніемъ младого, свѣтлаго мѣсяца и родныхъ братьевъ Каина и Авеля, царя грознаго туча и царицы молніи, вмѣстѣ съ угодниками... или проклятыми Иродовыми дщерями, пухотой, хрипотой, огневицей или знобихой... Къ этимъ силамъ обращаются съ мольбой о помощи или пощадѣ отъ нечистаго духа, грыжи жильной, костяной, вѣтряной, красной или бѣлой, отъ зубной болѣзни, отъ ломоты, отъ испуга, съ глазу и пр.

Другимъ, весьма распространеннымъ способомъ леченія служитъ баня, составляющая первое медицинское пособіе при всѣхъ болѣзняхъ. По всему Печорскому краю баня есть необходимость каждаго дома. Отсутствіе ея представляетъ крайне рѣдкое исключеніе и даже при большинствѣ промысловыхъ избушекъ, разбросанныхъ по глухимъ лѣсамъ, имѣется отдѣльная баня. За столь же рѣдкими исключеніями всѣ бани устроены по-черному: преимущество ихъ то, что протопить черную баню можно очень быстро, что представляетъ большое удобство, такъ какъ ихъ топятъ нѣсколько разъ въ недѣлю, а многіе такъ и каждый день. Предбанниковъ не существуетъ и раздѣваться надо въ самой банѣ, которая состоитъ изъ маленькой комнатки, гдѣ и стоитъ небольшая кадушка съ холодной водой; горячей воды не имѣется. Раздѣвшись поскорѣй выносятъ бѣлье и платье наружу, хотя бы дѣло было зимой, и попарившись хорошенько вѣникомъ, обливаются ковшемъ холодной воды, накидываютъ поскорѣе рубашку и бѣгутъ домой. Если и это дѣлать неохота, — надѣваютъ только валенки и бѣгутъ домой совершенно раздѣтыми. По единогласному увѣренію всѣхъ, кого только приходилось спрашивать, баня для крестья-

нина здѣсь прямая необходимость, потому что послѣ тяжелой работы въ сырости и холодѣ она дѣйствуетъ освѣжительнымъ образомъ: всякое утомленіе и усталость проходятъ совершенно, и человѣкъ чувствуетъ себя обновленнымъ. Для полученія такого дѣйствія нѣтъ надобности мыться—достаточно хорошо попариться, что, говорятъ, полируетъ кровь, а главное удаляетъ потъ, который, по объясненію крестьянъ, очень человѣку вреденъ, и не слѣдуетъ, чтобы онъ высыхалъ на тѣлѣ. Какъ, впрочемъ, извѣстно и научная медицина склоняется къ мнѣнію о существованіи въ отдѣленіяхъ кожныхъ железъ, вредныхъ для организма началъ.

Какъ лѣчебное средство, баня употребляется при всевозможныхъ заболѣваніяхъ, причемъ пареньемъ стараются вызвать испарину, которую поддерживаютъ окутываніемъ въ постели и употребленіемъ смѣси горячаго чая съ водкой, имѣющей по Печорѣ большое распространеніе и извѣстной подъ именемъ „шпунта“. Въ баняхъ бабушки производятъ разминаніе и растираніе тѣла различными мазями и составами—рыбьимъ жиромъ, скипидаромъ, саломъ изъ дождевыхъ червей, заморенныхъ въ какой-нибудь посудѣ, спиртомъ или масломъ съ камфорой, которая вообще играетъ большую роль при всѣхъ болѣзняхъ. Женщины особенно часто пользуются леченіемъ этимъ массажемъ, который бабки производятъ въ банѣ разнообразными пріемами, когда „матка не на мѣстѣ“ или „животъ надорванъ“. Въ банѣ производится также кровопусканіе, которое считается хорошимъ средствомъ почти при всякой болѣзни и производится или употребленіемъ кровососныхъ банокъ, сдѣланныхъ изъ коровьихъ рожковъ, или спускаютъ испорченную

кровь, просѣкая вену, для чего служитъ особый инструментъ въ видѣ топорика. Мѣстомъ кровопусканія служитъ тылъ стопы или большой палецъ руки.

Хирургическія заболѣванія также лечатъ сами, какъ умѣютъ, и нѣкоторые изъ костоправовъ очень опытны въ леченіи переломовъ и вывиховъ. Одинъ изъ такихъ костоправовъ въ У.-Цыльмѣ охотно познакомилъ меня съ употребляемымъ имъ способомъ, наглядно при этомъ показавъ всѣ пріемы на собственномъ сынѣ; разрѣзавъ на больномъ платье, онъ предварительно ощупываетъ поврежденный членъ, стараясь опредѣлить состояніе концовъ переломленныхъ костей, ищетъ нѣтъ ли отдѣльныхъ обломковъ, и уже ознакомившись съ состояніемъ поврежденія приступаетъ къ вправленію. Такъ какъ иного средства для облегченія страданій больного не имѣется, то ему, въ качествѣ анестезирующаго средства, даютъ выпить большой чайный стаканъ водки, а привычнымъ людямъ и больше. Женщинамъ обыкновенно достаточно принять небольшую чайную чашку. Послѣ такого пріема водки наступаетъ оглушеніе больного, пьянѣющаго иногда до безпамятства, такъ что когда онъ очнется, вся операція уже окончена. При вправленіи — поврежденныя части приспособляются на свое мѣсто и при вытяженіи члена накладывается неподвижная повязка. Для этого поврежденная часть обвивается сперва чѣмъ-нибудь мягкимъ — ватой, а за неимѣніемъ ея—мягкими, старыми ветошками и обкладывается шинами изъ бересты или тонкихъ дощечекъ, которыя укрѣпляются или отдѣльными тесемками или ходами бинта. Члену дается покойное положеніе, и операторъ ждетъ, пока больной не протрезвится и цѣлый день не отходитъ отъ больного, исправляя,

въ случаѣ надобности, повязку, которая остается до 6-ти и болѣе недѣль, смотря по важности случая. При переломахъ осложненныхъ нѣкоторые изъ костоправовъ отказываются лечить и совѣтуютъ обратиться къ доктору; другіе же, произведя тѣмъ же способомъ вправленіе и удаливъ осколки, накладываютъ такую же повязку, но не постоянную, а съемную, которая мѣняется по мѣрѣ надобности. Рана засыпается порошкомъ изъ камня „чурпалъ“ [1]), промывается теплой водой, и обязательно дается внутрь небольшое количество красной мѣди, наскобленной ножемъ или подпилкомъ. Результаты получаются очень хорошіе, и по крайней мѣрѣ тѣ случаи переломовъ, что мнѣ пришлось видѣть въ Усть-Цильмѣ, не оставляли желать ничего лучшаго, а одинъ изъ паціентовъ знаменитаго здѣшняго костоправа, имѣвшій переломъ бедра, былъ принятъ въ военную службу и благополучно отслужилъ. Этотъ костоправъ пользуется большой извѣстностью и его приглашаютъ за 80 верстъ и болѣе. Леченіемъ другихъ болѣзней, кромѣ переломовъ и вывиховъ, онъ не занимается и помогаетъ въ нуждѣ безплатно изъ одного только милосердія. Будучи не такъ давно привлеченъ къ отвѣтственности за незаконное леченіе, хотя онъ и былъ оправданъ мировымъ судьей, но съ тѣхъ поръ старается по возможности избѣгать практики, опасаясь преслѣдованій. Кѣмъ именно было оно возбуждено, я не догадался спросить, но надо надѣяться,

[1]) Чурпалъ или „чортовъ палецъ“ представляетъ собою белемнитъ, очень часто встрѣчающійся по берегамъ Печоры и Ижмы. На р. Цильмѣ я его не встрѣчалъ. Онъ очень легко соскабливается ножомъ, причемъ получается мельчайшій бѣлый порошокъ, употребляемый для засыпанія ранъ, опрѣлости кожи у дѣтей, потѣнія ногъ, при язвахъ, и вообще какъ средство сильно высушивающее.

что не врачи прибѣгли къ этому способу доказательствъ превосходства научной медицины [1]).

Что касается до леченія другихъ болѣзней, то невозможно здѣсь перечислять безконечный арсеналъ употребляемыхъ средствъ и придется ограничиться приведеніемъ нѣкоторыхъ рецептовъ, записанныхъ у кузнеца, занимающагося леченіемъ въ одной изъ деревушекъ близъ Усть-Цыльмы.

1) *На рану* — берутъ краснаго воску, говяжьяго сала и поровну коровьяго и деревяннаго масла. Кипятятъ, дѣлаютъ пластырь, намазываютъ на чистую тряпку и прикладываютъ.

2) *При болѣзни „норокъ"* (бываетъ на рукахъ и ногахъ, пока палецъ не отпадетъ) — нужно весной, когда идутъ рѣчки и журчатъ, пойти по берегу ручья въ солнечное время, развязать рану, чтобы ручей шумѣлъ; сѣсть на берегу и тихонько ждать, когда выйдетъ изъ воды норокъ и поймать его.

3) *На змѣевикъ* (червь подъ ногтемъ или въ суставѣ заводится — костоѣда) — кладутъ въ спиртъ то мѣсто, гдѣ завязался змѣевикъ. Есть еще змѣевы травы: ихъ варятъ и пьютъ настой.

4) *На бѣлую грыжу* (гной течетъ проходомъ заднимъ или черезъ мочевой каналъ) — нужно парить березовую губку или отпавшую бересту и пить.

5) *На рѣзьбу* (мочиться больно) — нужно въ вино положить нашатырю, селитры и корня, который растетъ въ болотахъ и озерахъ; все спустить въ одинъ горшокъ,

---

[1]) Долженъ оговориться, что я имѣлъ случай видѣть костоправовъ только въ одномъ селѣ и говорить о дѣятельности ихъ вообще не могу.

запечатать и поставить въ печь на 1/2 сутокъ. Потомъ пить и будешь здоровъ.

6) *Леченіе полового безсилія*: когда корова принесетъ бычка, взять молоко перваго удоя, процѣдить его, сквасить, снять сметану, сквасить ее, смѣшать изъ нея масло и положить небольшую часть его въ вино. Смѣшать и выпить, какъ можно скорѣе.

Безполезно было бы продолжать перечисленіе безконечнаго ряда средствъ. Они говорятъ только о тяжеломъ невѣжествѣ народныхъ массъ по поводу причинъ, и способоръ леченія болѣзней. Но они говорятъ также и о неустанномъ стремленіи народа выбраться изъ того жалкаго положенія, въ какомъ онъ находится въ случаѣ болѣзни. Уже изъ сказаннаго здѣсь видно, что русскій крестьянинъ часто поступаетъ при болѣзни вовсе уже не такъ глупо, стараясь примѣняться къ частностямъ своей жизни и обихода. При болѣе высокомъ культурномъ развитіи возможно, что народная медицина дала бы для медицины научной больше, чѣмъ даетъ она теперь.

Акушерство въ Печорскомъ краѣ, какъ и всюду въ Россіи, находится въ рукахъ бабушекъ-повитухъ, которыя обыкновенно обучаются своему искусству самоучкой и только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ получаютъ, такъ сказать, образованіе у болѣе старой и опытной бабушки, которая руководитъ ученицей, указывая, какъ надо поступать въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ. За свой трудъ бабушка получаетъ различное вознагражденіе, смотря по состоятельности семьи, и оно колеблется отъ 50 коп., доходя иногда даже до 2-хъ рублей. Кромѣ денегъ, она

получаетъ 3 арш. матеріи на фартукъ или аршина 2 на рукава. Во всякомъ случаѣ, какъ бы роженица ни была бѣдна, бабушкѣ непремѣнно и въ каждомъ домѣ дается кусокъ мыла въ 1 фунтъ вѣсомъ: „ты у насъ, бабушка, опачкалась: вотъ возьми мыла, оно тебѣ понадобится“. Дается еще хлѣбъ, а кромѣ того ее поятъ и кормятъ лучшими, сколько могутъ, кушаньями, поятъ чаемъ съ сахаромъ и угощаютъ водочкой, такъ какъ бабушка является во всякомъ домѣ желанной гостьей.

Впрочемъ, очень нерѣдко роды происходятъ и безъ присутствія бабушки, когда помогаютъ или свекровь, или кто-нибудь изъ домашнихъ женщинъ, и происходитъ это главнымъ образомъ потому, что на Печорѣ, какъ и по всей Россійской Имперіи, существуетъ полная увѣренность, что наступленіе родовъ должно быть скрываемо до самаго послѣдняго момента, ибо чѣмъ болѣе народа будетъ о нихъ знать, тѣмъ тяжелѣе они будутъ. Оттого также и самый актъ родовъ весьма нерѣдко случается не дома, а на работахъ, на пожняхъ или въ лодкѣ.

Приглашается повитуха, какъ только беременная почувствуетъ себя неладно; бабушка ее изслѣдуетъ и разспрашиваетъ, и если все нормально, то роль ея, такъ сказать, консервативная: она гладитъ, дѣлаетъ массажъ, а главное старается утѣшить и успокоить больную. Самые роды происходятъ большею частью въ банѣ, куда иногда относятъ ломоть хлѣба съ солью на деревянной тарелкѣ, покрытой чистымъ полотенцемъ и икону. Почему такъ дѣлается, объяснить мнѣ не могли. Если же роды происходятъ неожиданно, то роженица или остается въ комнатѣ, откуда всѣ на это время удаляются, оста-

вляя въ ней бабушку съ одной или двумя женщинами на случай надобности, или, если это почему-либо неудобно, то роженицу переводятъ въ хлѣвъ.

Женщина родитъ обыкновенно стоя или на колѣняхъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ—въ положеніи на спинѣ, а для ускоренія родовъ ее водятъ по комнатѣ, встряхиваютъ за плечи, иногда перевертываютъ внизъ головой, „чтобы ребенокъ сталъ на мѣсто“, отворяютъ въ домѣ всѣ замки и двери, развязываютъ на роженицѣ всѣ узелки, расплетаютъ косу, снимаютъ кольца и серьги, заставляютъ перегибаться черезъ коромысло и т. д., словомъ, дѣлаютъ съ различными варріантами то же, что̀ дѣлается во всякомъ селѣ и деревнѣ Россіи, и въ этомъ отношеніи ничего характернаго именно для Печоры я не могъ узнать.

При задержаніи послѣда вкладываютъ роженицѣ подальше въ ротъ конецъ косы для того, чтобы вызвать рвотныя движенія, заставляютъ дуть въ пустую бутылку, чтобы усилить дѣйствіе брюшного пресса на матку и производятъ растиранія живота. Лишь немногія бабушки знаютъ о способѣ искусственнаго удаленія дѣтскаго мѣста. Въ такихъ случаяхъ лѣвой рукой потягиваютъ за пуговицу, а правой тихонько выгребаютъ пальцами, засовывая обязательно косу въ ротъ, „чтобы тужилась побольше“. Разрывы промежности оставляютъ безъ вниманія, хотя изрѣдка попадаются и такія бабушки, что умѣютъ ихъ даже зашивать черезъ край, для чего употребляется желтый шелкъ. О способахъ остановки послѣродовыхъ кровотеченій понятія не имѣютъ, и единственнымъ средствомъ является прикладываніе снѣга на животъ или троекратное произнесеніе заговора: „стану

я благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ воротъ воротьми, выйду я въ чистое поле, въ чистомъ полѣ ѣдутъ святые и скипетры на каромъ конѣ, на золотомъ сѣдлѣ, унимаютъ щепоту, становятъ кровь и руду. Во вѣки камень стань, рука не кань. Ключъ и замокъ словамъ моимъ". Послѣ чего кровь „въ мигъ утихаетъ" [1]).

Если роды происходятъ въ избѣ, то по окончаніи ихъ бабка немедленно отводитъ родильницу въ баню. Если женщина такъ слаба, что не въ состояніи дойти, то ее привозятъ на саночкахъ, кладутъ на полокъ и жарко парятъ вѣникомъ. Новорожденнаго также моютъ и парятъ въ банѣ, при чемъ бабушка приговариваетъ: „не я тебя мыла, не я тебя парила; мыла тебя парила бабушка Соломонеюшка. Отъ Христа пришли, отъ истиннаго съ мягкими руками, съ крѣпкими словами, мыльнымъ мыломъ, теплою водою мать-мироносицы, рабы Божія, на легкую помощь, на доброе здоровье, на Божію помощь".

---

[1]) По поводу способа остановки вообще кровотеченій посредствомъ заговоровъ д-ръ Поповъ говоритъ: „примѣненіе заговоровъ при кровотеченіяхъ, несмотря на видимую нелѣпость, имѣетъ достаточное основаніе. Извѣстно, что паренхиматозныя и венозныя кровотеченія, а также кровотеченія изъ мелкаго калибра артерій останавливаются сами собою, путемъ образованія кровянаго сгустка, механически закупоривающаго просвѣтъ кровоточащихъ сосудовъ. При обычной равномѣрной дѣятельности сердца образованіе такого сгустка происходитъ довольно скоро, но въ тѣхъ случаяхъ, когда, подъ вліяніемъ испуга и возбужденія дѣятельность сердца повышается, образованіе сгустка замедляется и кровотетеніе будетъ тѣмъ продолжительнѣе и сильнѣе, чѣмъ страхъ больного передъ кровотеченіемъ больше. Заговоръ, внося успокоеніе, понижаетъ и дѣлаетъ болѣе равномѣрной возбужденную и повышенную работу сердца и тѣмъ содѣйствуетъ образованію сгустка и остановкѣ кровотеченія (Русская народно-бытовая медицина" 1903 г.).

И мать и ребенка парятъ въ банѣ черезъ каждые два дня или же и каждый день, приблизительно въ теченіе двухъ недѣль. Принеся ребенка изъ бани, бабка беретъ въ ротъ квасу и, погрѣвши его такимъ образомъ,

„Городокъ“ Пустозерскъ.

вливаетъ изъ своего рта въ ротъ ребенка. Такимъ образомъ поступаютъ черезъ каждые два дня. Такой режимъ выдерживаютъ только крѣпкія натуры; но больше умираютъ.

Заключеніе.

Изъ сдѣланнаго описанія видно, что Печорскій край, если начать разсмотрѣніе съ точки зрѣнія его экономическаго состоянія, въ настоящее по крайней мѣрѣ время представляетъ собою край съ ограниченными средствами, и желательно, чтобы населенію его была предоставлена возможность свободно внѣдряться въ необъятныя лѣсныя пространства и осѣдать отдѣльными поселками для занятія земледѣліемъ, скотоводствомъ и промыслами. Только такіе поселки могутъ содѣйствовать развитію земледѣлія и скотоводства тамъ, гдѣ это возможно по климатическимъ условіямъ, и внести улучшенія въ экономическій бытъ населенія съ этой стороны его дѣятельности. Но такое разселеніе на практикѣ невозможно, вслѣдствіе административныхъ порядковъ, держащихъ населеніе искусственно въ тѣсныхъ рамкахъ и препятствующихъ развитію его благосостоянія.

Мы видѣли далѣе, что огромная площадь неистощимыхъ лѣсовъ составляетъ не только богатство края, но и препятствіе къ развитію въ немъ культуры, благодаря узко-фискальнымъ соображеніямъ о повышеніи до-

ходности казенныхъ лѣсовъ, руководящимъ дѣятельностью управленія государственными имуществами, которое предпочитаетъ имѣть площади, а не культурныя пространства, населеніе которыхъ могло бы вызвать къ жизни пустыни, эксплуатируя сырыя богатства и обогащая себя и край. Такія соображенія, казалось бы, не соотвѣтствуютъ общегосударственной точкѣ зрѣнія и должны уступить мѣсто интересамъ и нуждамъ населенія.

Указывалось далѣе и на то, что только свобода разселенія вмѣстѣ съ свободой пользованія казенной землей, сопряженная теперь со слишкомъ большими формальностями и стѣсненіями, дѣлающими его невозможнымъ для большинства, можетъ повести къ хозяйственной состоятельности населенія тѣмъ же естественно-историческимъ и экономическимъ путемъ, какимъ заселялась вся русская земля, нѣкогда столь же пустынная и малокультурная, какой является теперь Печора, гдѣ способы передвиженія архаическія, орудія, строй жизни, нравы и взгляды давнопрошедшаго времени сохранились въ рамкахъ ранняго средневѣковья со всей своей отсталостью и варварствомъ.

Вслѣдствіе существующихъ законоположеній земледѣліе, уже по климатическимъ условіямъ не обезпечивающее вполнѣ населенія, не можетъ развиваться изъза невозможности пользованія казенной землей, и разрѣшеніе свободнаго заселенія обширныхъ лѣсовъ и земель не было бы ущербомъ ни для государства, ни для интересовъ мѣстнаго населенія.

Надѣленіе крестьянъ землей въ опредѣленномъ размѣрѣ скорѣе, надо думать, не подвинетъ дѣло культуры края, какъ не повело это за собою въ сосѣдней воло-

годской губерніи. Въ прежнее время, когда никакихъ стѣсненій не существовало, сѣверный крестьянинъ разрѣшалъ вопросъ о культурѣ хлѣбовъ и скотоводствѣ весьма просто: онъ расчищалъ пожни и дѣлалъ подсѣки, гдѣ находилъ это удобнымъ, удобрялъ землю и, во всякомъ случаѣ, не оставался безъ хлѣба. Но когда свободную наличность стали представлять только казенныя дачи, такого простора не стало. Въ вѣдѣніи крестьянина остались три очень ограниченныхъ поля, которымъ некогда было отдыхать. Между тѣмъ, орудіями его производства остались попрежнему соха, борона изъ сучьевъ и коса-горбуша, а удобреніе, количество котораго требуется болѣе значительное, чѣмъ гдѣ-либо, соотвѣтствуетъ количеству скота. За недостаткомъ же кормовъ скотоводство, составляющее краеугольный камень крестьянскаго хозяйства на сѣверѣ, свелось къ жалкимъ результатамъ, и достаточно было нѣсколькихъ лѣтъ такого хозяйства, чтобы земли превратились въ жалкіе пустыри. Журналы уѣздныхъ земствъ вологодской губерніи и, особенно, устьсысольскаго, ближайшаго къ Печорѣ, настойчиво указываютъ на явленіе упадка крестьянскаго хозяйства въ ихъ районахъ, и слѣдуетъ думать, что то же явленіе произойдетъ въ Печорскомъ краѣ, который въ южной своей части, гдѣ только и возможно земледѣліе, очень сходенъ съ сосѣдней губерніей. Смѣю во всякомъ случаѣ, думать, что еслибы мѣстнымъ жителямъ была предоставлена возможность высказываться о собственныхъ хозяйственныхъ интересахъ, этотъ вопросъ не былъ бы рѣшенъ такъ легко, какъ онъ будетъ разрѣшенъ при дореформенномъ бюрократическомъ порядкѣ.

Промыслы Печорскаго края, естественно, будутъ про-

должать падать по мѣрѣ того, какъ онъ, подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни, постепенно выходитъ изъ періода первобытнаго состоянія, которое не можетъ оставаться неизмѣннымъ, какъ оставалось такимъ въ теченіе столѣтій. Тѣ же изъ промысловъ, какъ рыболовство, которые имѣютъ будущность, поставлены въ неестественное положеніе, внѣ правильнаго обмѣна продуктовъ и благодаря эксплоатаціи населенія представителями нарождающагося капитализма, который находится пока въ ростовщическомъ или хищническомъ періодѣ своего развитія. Въ этомъ отношеніи можно, руководствуясь теоріей о неизбѣжности для всякой страны пройти всѣ стадіи капиталистическаго развитія, предоставить все естественному теченію, помогая лишь мукамъ родовъ, или прибѣгнуть къ государственному вмѣшательству въ пользу массы населенія. Но въ послѣднемъ случаѣ одна государственная власть при всей громадности своихъ матеріальныхъ средствъ, не обладая духовной, творческой силой и знаніемъ всѣхъ мѣстныхъ потребностей, даже при искреннемъ желаніи помочь населенію, не въ состояніи этого сдѣлать, не призвавши себѣ на помощь мѣстныя силы. Одно, само по себѣ взятое, государственное вмѣшательство, какъ видно это не только изъ описанія состоянія земледѣлія и скотоводства, но и изъ описанія новыхъ отраслей зарождающейся промышленности, повело лишь къ чудовищно-бюрократической регламентаціи производства промысловъ, не говоря уже о канцелярской волокитѣ, не позволяющей развиваться, напримѣръ, нефтяному промыслу или дѣлу добычи минераловъ, которыми богатъ край. Оно не только не даетъ окрѣпнуть промышленности, но создаетъ регламентацію,

губящую иниціативу, и искусственно поддерживаетъ рутину. Доказательствъ этому приведено достаточно, а между тѣмъ промышленность для своего развитія требуетъ не надзора, а прежде всего легкости сношеній, путей сообщенія, телефоновъ и телеграфовъ, почтовыхъ учрежденій; улучшенія судоходства, а, главнымъ образомъ, опять-таки, знанія мѣстныхъ условій, простора для личнаго почина и энергіи и совмѣстной энергичной государственной, общественной и земской дѣятельности.

Изъ описанія культурнаго состоянія видно, что населеніе Печорскаго края настойчиво, умно, энергично и предпріимчиво. Оно совершенно способно къ развитію, готово идти на поддержку тѣмъ слабымъ зачаткамъ просвѣщенія, которые существуютъ въ видѣ элементарныхъ школъ. Оно имѣетъ большое стремленіе къ грамотности, несмотря на крайне неблагопріятныя условія оно самостоятельно добилось этой первоначальной ступени культурнаго развитія и хорошо понимаетъ разницу между грамотнымъ и неграмотнымъ. Если, правда, въ населеніи сохраняются предразсудки и суевѣрія еще въ очень значительной степени, то въ то же время оно вполнѣ доступно и склонно къ просвѣщенію, которое быстро распространится, когда создадутся благопріятныя условія для вліянія интеллигентныхъ силъ, и прежде всего хорошей школы. Но, коснувшись школы, я долженъ повторить здѣсь то, что̀ говорилъ при описаніи типической деревни средней полосы Россіи, ибо сказанное вполнѣ относится и къ школамъ Печорскаго края. „Школы выпускаютъ дѣтей 11—12 лѣтъ, выучивши ихъ съ грѣхомъ пополамъ читать и писать, даютъ только

грамотность съ небольшой примѣсью къ ней ариѳметики. Такая школа не можетъ дать болѣе значительные плоды обученія—смягчить нравы, искоренить пагубные обычаи, привычки суевѣрія, развить умъ, научить видѣть дальше предѣловъ своего села, научить сознавать себя людьми съ человѣческими и гражданскими обязанностями и правами—словомъ, дать населенію тотъ свѣтъ, въ которомъ оно такъ нуждается. Подобная желательная школа потребовала бы огромныхъ затратъ и возможна лишь при широкой помощи со стороны государства, когда убѣдятся, что духъ времени или, правильнѣе, политическая необходимость требуютъ, чтобы для того, чтобы быть могущественнымъ государствомъ, населеніе должно быть просвѣщеннымъ и экономически сильнымъ,—когда убѣдятся въ необходимости просвѣщенія, а не одной грамотности съ ариѳметикой, и направятъ на это дѣло всѣ свободныя силы и средства страны". Но просвѣщеніе дается не одной только школой, а всѣмъ строемъ жизни, и введеніе земскихъ учрежденій въ Печорскомъ краѣ при тѣхъ благопріятныхъ со стороны населенія, на которыя только-что было указано, даютъ возможность думать, что и здѣсь дѣло пойдетъ такъ же хорошо, какъ и въ нашихъ чисто крестьянскихъ земствахъ, представляющихъ, какъ извѣстно, одни изъ лучшихъ образцовъ мѣстныхъ учрежденій" [1]).

Что касается, собственно, до медицины въ ея дѣлѣ борьбы съ болѣзнями, то радикальное рѣшеніе вопроса заключается, конечно, въ измѣненіи всѣхъ жизненныхъ

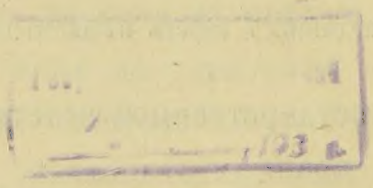
[1]) „Современное положеніе русской деревни. Санитарно-экономическое описаніе с. Малышева Воронежскаго уѣзда 1903 г.". Приложеніе къ № 3 „Саратовской земской недѣли".

условій большей части населенія, чему большинство болѣзней обязано своимъ возникновеніемъ. Но если измѣненіе коренныхъ условій, а вмѣстѣ и рѣшительная борьба со зломъ — внѣ силъ и средствъ будущаго земства, то въ области палліативовъ для него будетъ открыта возможность широкой дѣятельности. Увеличеніе количества больницъ, устройство убѣжищъ для выздоравливающихъ, организація яслей-пріютовъ для дѣтей на время рабочей поры, упорядоченіе дѣла оспопрививанія и аптечнаго дѣла, безплатное леченіе стаціонарныхъ и амбулаторныхъ больныхъ, организація помощи на промыслахъ...— вотъ краткій перечень мѣропріятій его на этомъ поприщѣ. Безполезно говорить о желательныхъ улучшеніяхъ при настоящемъ бюрократическомъ режимѣ съ его отставшими давно учрежденіями приказа, когда даже врачебный инспекторъ, полный желанія улучшить положеніе врачебнаго дѣла, въ теченіе многихъ лѣтъ не можетъ добиться разрѣшенія на открытіе хотя бы одного фельдшерскаго пункта въ какой-нибудь несчастной Кедвѣ. Нѣтъ возможности говорить здѣсь о тѣхъ многообразныхъ нуждахъ, между которыми придется оріентироваться новому земскому учрежденію и обсужденіе которыхъ, вѣроятно, станетъ на первую очередь. Проведеніе телеграфа отъ моря къ центрамъ зарождающейся промышленности съ продолженіемъ его до Яренска, проведеніе дорогъ, связывающихъ край съ центромъ Россіи, замѣна первобытныхъ почтовыхъ лодокъ паровыми плоскодонными катерамм для внутренняго сообщенія, мѣры къ поддержанію промышленности, по возможности дешевый кредитъ для населенія, постановка во главѣ дѣла о нуждахъ крестьяхъ людей со спеціальными познаніями

и мѣры по развитію скотоводства, молочнаго хозяйства и оленеводства, доставка годныхъ для посѣва сѣмянъ, освобожденіе промышленниковъ отъ кабалы чердынцевъ, поднятіе школьнаго и медицинскаго дѣла и сотни другихъ нуждъ возможны къ разрѣшенію лишь въ томъ слу-

Члены экспедиціи. 7 верстъ пѣшкомъ.

чаѣ, если на помощь государственной власти будутъ призваны духовныя силы края.

До той поры невозможно бороться кореннымъ образомъ со зломъ. Остается только добавить то, съ чего я началъ. Печорскій край, какъ и вся Архангельская губернія, требуетъ точныхъ изслѣдованій. Свѣдѣнія объ экономическомъ бытѣ края, богатствахъ морскихъ, лѣс-

ныхъ и минеральныхъ не находятся въ удовлетворительномъ состояніи и, если, напр., хорошо изслѣдована ухтинская нефть, то до сихъ поръ остается неуказаннымъ мѣстонахожденіе мѣдной руды на Цыльмѣ. Въ основѣ изученія не только въ экономическомъ, но и въ этнографическомъ и другихъ отношеніяхъ должна лежать точная и всесторонняя статистика края, а существующая оффиціальная статистика не можетъ удовлетворить предъявляемыхъ къ ней требованій со стороны правительства, администраціи и науки. Не въ лучшемъ положеніи находится географія и гидрографія края: есть въ немъ такія мѣста, куда еще не ступала нога человѣка. Доселѣ дѣлаются указанія на возможность новыхъ путей и проходовъ, а устья самой Печоры до сей поры не изслѣдованы въ точности... Словомъ, Печорскій край является страной еще очень мало извѣстной, и изученіе его необходимо.